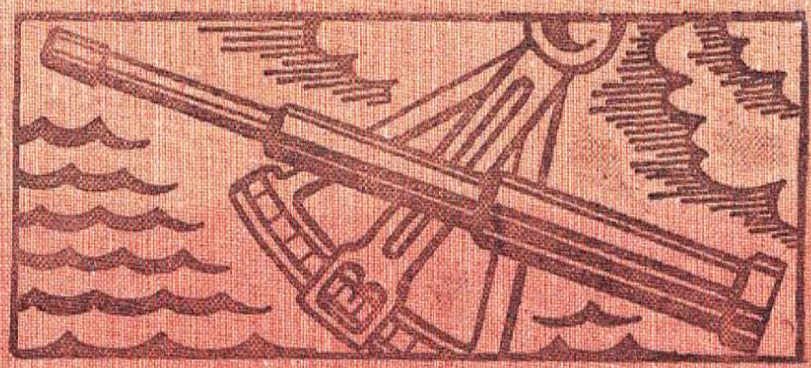

26.8
КР
А 47

А. И. АЛЕКСЕЕВ

*

**БЕРЕГОВАЯ
ЧЕРТА**

*

к.р. 26.88/3/
А 47

А. И. АЛЕКСЕЕВ

**БЕРЕГОВАЯ
ЧЕРТА**

Магаданское
книжное
издательство
1987

Местном изд-во
Библиотека

22127

ББК 26.89(9)
А47

Рецензент доктор географических наук **В. А. Есаков**

Алексеев А. И.
А47 Береговая черта.— Магадан: Кн. изд-во, 1987.— 240 с.: ил.—
(Дальневост. ист. б-ка).

1 р. 10 000 экз.

Книга посвящена истории гидрографических исследований дальневосточных морей и северной части Тихого океана, а также морей восточного сектора Арктики. Автор, доктор исторических наук, кандидат географических наук, рассказывает о том, как создавалась современная карта Северо-Востока Азии.

Книга рассчитана на тех, кто интересуется историей и географией Дальнего Востока.

А 0503000000—024 37—87
М—149(03)—87

ББК 26.89(9)

*Рассудив, коль много есть в море опасностей,
которым не только корабли великими трудами
и многим иждивением построенные и дорожи-
ми товарами нагруженные, но и жизни чело-
веческие подвергаются, не будет никто диви-
ться, что в науках обращающиеся толь разных
и многих ищут способов для отвращения оных.*

М. В. Ломоносов

*Уважение к минувшему — вот черта, отличаю-
щая образованность от дикости.*

А. С. Пушкин

*Дикость, подлость и невежество не уважает
прошедшего, пресмыкаясь перед одним насто-
ящим.*

А. С. Пушкин

ОТ АВТОРА

Предпослав этой книге строки М. В. Ломоносова о множестве опасностей, существующих в море для кораблей, «великими трудами и многим иждивением» построенных, я хотел сказать, что множество «способов для отвращения оных» опасностей объединила в себе гидрография — наука, занимающаяся исследованием и описанием водных объектов Мирового океана и суши, их формы, размеров, характера берегов, глубины, рельефа и грунтов дна. Применительно к морю — это морская гидрография.

В связи с огромными успехами кораблевождения и судостроения из гидрографии выделилась специальная гидрография, тесно соприкасающаяся с картографией, геодезией, радиотехникой, радиолокацией, гидроакустикой, аэрофотосъемкой, космонавтикой, океанографией, океанологией и другими науками. Задачей специальной гидрографии является в целом обеспечение безопасности плавания на морях, озерах и реках. Создание современных морских карт, обеспечение кораблей и судов современными видами и средствами берегового и плавучего ограждения, снабжение кораблей и судов новейшими средствами кораблевождения и пособиями по мореплаванию — таковы задачи специальной гидрографии. Вполне понятно, что методы гидрографических работ всегда находились в прямой зависимости от общего уровня науки и техники.

Гидрография, хотя ее так раньше и не называли, стара как мир. Научившись плавать по рекам, а затем и вдоль морских побережий, люди старались отмечать места, где можно было бы укрыться от опасности, отличительные приметы, которые помогли бы найти обратный путь к родной гавани. Появились и самые примитивные чертежи. Их главным элементом стала береговая черта.

Береговая линия, а совсем не береговая черта, поправят меня читатели, справедливо подумав, что речь идет о границе на картах, отделяющей воду от суши. Может быть, так оно и правильно, но люди, создающие морские карты, упорно называют эту линию чертой, справедливо производя это слово от глагола «чертить» — границу вычерчивать.

Морские карты создают гидрографы. И для них, кроме всего прочего, граница двух

сред на карте предстает совсем не такой, как она выглядит на бумаге. В одном месте — это крутая скала из базальта или гранита, которую веками яростно бьет морской прибой или тихо ласкает плещущее море; в другом — она представляет собой галечные или дресвянные намывные пляжи, перемалываемые штормом, и после каждого шторма по-иному выглаженные; в третьем месте береговая черта — это намывная коса, или кошка, как говорят на Дальнем Востоке, отделяющаяся лагуной от матерого берега.

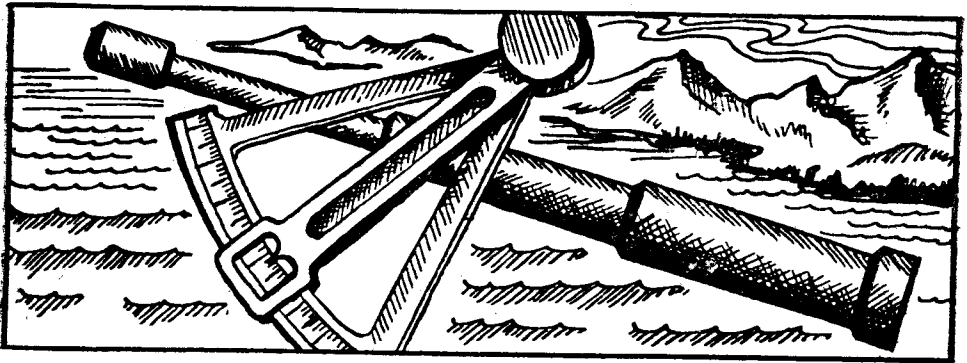
Береговую черту можно провести на бумаге по рассказам людей, знающих, как это делать. Но полная уверенность у создателя карты возникает только тогда, когда он сам хотя бы один раз пройдет по берегу или по морю вдоль берега с карандашом и бумагой в руках, а лучше с каким-либо инструментом. Таким инструментом в разное время были мерная цепь, кипрегель с мензулой, компас с пеленгатором, радиолокационные, гидроакустические и прочие радиотехнические инструменты.

О том, каким образом возникла современная береговая черта на карте северо-востока и востока нашей страны, и рассказывается в данной книге. Предваряет повествование небольшой общий очерк о развитии отечественной гидрографии. Умышленно опущена глава или раздел об источниках и историографии. Библиография, правда не полная, позволит желающим познакомиться с использованной литературой. Полная историография сама по себе заняла бы по объему такую же книгу, как «Береговая черта».

Здесь использованы те книги путешественников, исследователей Дальнего Востока, особенно северной его части, в которых говорится о гидрографических работах. Естественно, что больше всего наше внимание привлекли специальные гидрографические экспедиции, результаты которых публиковались как в отдельных изданиях, так и в периодических.

До начала XIX века их помещали в издаваемых Академией наук «Месяцесловах исторических и географических» и «Ежемесячных сочинениях и известиях» (1755—1764 гг.). В 1800 году вышла книга «Морские записки, или собрания всякого рода, касающихся до мореплавания» и две части «Собрания морских журналов» (1797—1800 гг.). Затем с 1807 по 1827 год издавались «Записки Государственного Адмиралтейского Департамента» (13 частей); с 1835 по 1837 год — «Записки Гидрографического Депо» (5 частей); с 1842 по 1852 год — «Записки Гидрографического Департамента» (10 частей). С 1848 года начал выходить и выходит до сих пор журнал «Морской сборник», где систематически помещаются статьи по гидрографии, а с 1887 года и по настоящее время издается специальный журнал «Записки по гидрографии». Организованное в 1845 году Русское Географическое общество сыграло большую роль при организации гидрографических исследований во время многочисленных экспедиций его членов. В издававшихся обществом и его отделами журналах («Известия», «Записки», «Вестник») публиковались результаты этих работ. Немалое значение имели и отдельные гидрографические работы, выполненные сотрудниками министерства государственных имуществ, министерства путей сообщения и некоторых других ведомств.

Кроме опубликованных материалов использованы документы Центрального государственного архива Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), Архива Географического общества СССР (АГО), Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА), Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА), Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (ЦГАДВ), а также некоторых краевых и областных архивов.

Глава первая

КОРОТКО О РАЗВИТИИ РУССКОЙ ГИДРОГРАФИИ

В жизни Русского государства обширные морские, озерные и речные пути всегда имели огромное значение. Естественно, что с ростом народного хозяйства и расширением территории развивалась отечественная географическая наука, а вместе с ней и гидрография. Уже записи в Несторовой летописи (XII век) и в Новгородских писцовых книгах (XV век) свидетельствуют о важной роли рек и озер в жизни народа. Значительный исторический памятник допетровской Руси — написанная в 1527 году и опубликованная в 1773 году Н. И. Новиковым «Древняя Российская Идрография». Можно только сожалеть, что до нас не дошла первая генеральная карта Московского государства, текстом к которой является упомянутый труд.

Гидрографическая наука значительно развилась во время царствования Петра I. В 1696 году, когда создавался Азовский флот, начали производить и гидрографические работы. Плавая на корабле «Крепость», Петр I и вице-адмирал К. И. Крюйс производили промер Дона. Во время плавания посла Е. И. Украинцева в 1699 году в Константинополь велись промерные работы на Черном море. В результате появилась рукописная «Новая карта от всего моря Полес и Меотес от Азова до Керчи, сделаны на Воронеже, 1702 г.», а также «Прямой чертеж Черного моря от города Керчи до Царграда», гравированный А. Шхонбеком в 1704 году, и некоторые другие пособия для мореплавания.

Выход к Балтийскому морю привел к тому, что гидрографическими работами стали заниматься не от случая к случаю, а сравнительно регулярно и на современной научной основе, составляя карты в меркаторской проекции. В России появляются первые печатные атласы, составленные пионерами русской морской гидрографии Ф. И. Соймоновым и

А. И. Нагаевым. До них на Балтийском море отнюдь не на растущем флоте, впрочем так же как и на строящемся в Архангельске флоте, пользовались часто картами и лоциями иностранцев, преимущественно шведов и голландцев.

В начале XVIII столетия гидрографические работы вели на Балтийском и Каспийском морях. К. И. Крюйс производил съемку и промер у Кроншлота в 1710 году, а в 1715 году — поручик Травин в Рижском заливе. В 1719 году приступили к общей съемке Финского залива. Петр I лично контролировал работы и приказал «по льду остров от острова мелять, понеже вернее будет»¹. Исследованиями занимались капитаны З. Д. Мишуков, Агазен, Эггов под общим руководством И. Л. Любераса. Результатом работ этой гидрографической экспедиции стали составленные к 1726 году одна генеральная (общая) карта Финского залива и 12 частных карт.

В 1714 году для исследования Каспийского моря был послан князь А. Бекович-Черкасский. Он составил карту восточного берега моря до Астрабадского залива; в 1716 году там работали лейтенант А. И. Кожин, поручики Травин и князь Урусов, описавшие северный и восточный берега (до Балаханского залива). В 1719 и 1720 годах на Каспийском море работала экспедиция в составе лейтенантов К. П. Вердена и Ф. И. Соймонова, князя Урусова и унтер-лейтенантов Дорошенко и Золотарева. Они определили 12 астрономических пунктов и описали западный берег от Астрахани до Гилянкой провинции. Используя данные других съемок, они составили первую карту Каспийского моря, изданную в Петербурге в 1720 году под названием «Картина плоская моря Каспийского, от устья Яркового до залива Астрабадского, по меридиану возвышается в градусах и минутах, глубина в сажнях и футах».

Проводились гидрографические работы и на северных и восточных морях, омывающих страну. В 1738 году Ф. И. Соймонов издал первый русский морской атлас Балтийского моря; в него наряду с картами русскими вошли и карты иностранные. А с 1739 года сначала под руководством И. Л. Любераса А. И. Нагаев проводил съемку северного берега Финского залива, затем, с 1746 по 1752 год, уже под руководством А. И. Нагаева на всем Балтийском море работала первая русская гидрографическая экспедиция. В ее составе было несколько гидрографических партий во главе с опытными моряками — В. Винковым, М. Б. Лебядниковым, Ф. С. Плещеевым, Е. Ирециком и другими.

Результаты работ гидрографической экспедиции дали России русский Атлас и Лоцию Балтийского моря². «Атлас Нагаева, явившийся одновременно итогом всех предыдущих русских гидрографических работ в Балтийском море и результатом больших личных усилий составителя, знаменовал значительную степень зрелости русской военно-морской гидрографии в середине XVIII века. Критический пересмотр прежних ино-

¹ Отчет директора Гидрографического департамента за 1881 год. СПб., 1883, с. XIII.

² Нагаев А. И. Атлас всего Балтийского моря. СПб., 1756, 1795; Его же: Лоция всего Балтийского моря. СПб., 1789, в 2-х кн.

Ф. И. Соймонов

странных карт, внесенные в них поправки и дополнения и большое число карт оригинальной русской работы — все это делает атлас Нагаева крупным научным событием своего времени». Такова оценка деятельности А. И. Нагаева, данная советским ученым Т. И. Райновым⁴.

Наряду с практическими работами по гидрографии в России развивалась и теория гидрографии. В 1737 году Н. Г. Курганов издал «Универсальную Арифметику», где были даны начальные основания астрономии. Учебник предназначался для Морского кадетского корпуса, директором которого тогда был А. И. Нагаев. В 1739 году Ф. И. Соймонов выпустил учебник по кораблевождению под названием «Экстракт штурманского искусства из наук, принадлежащих к мореплаванию, сочиненный в вопросах и ответах для пользы и безопасности мореплавателей». Этот учебник можно с полным правом назвать и первым русским официальным руководством по гидрографическим работам. Он подводил итог всему до тех пор известному в навигации и гидрографии. В одиннадцати главах учебника даны практические указания о том, как вычислять время малой и полной воды, как определить свое место по звездам и по солнцу, создать меркаторскую карту, как употреблять лаг и так далее. Для гидрографа особенно важна последняя, одиннадцатая глава: «О описании заливов, пристаней и берегов морских». Первый русский гидрограф Ф. И. Соймонов писал: «Хотя сие искусство, о нем же объявления желаю, и не присовокупляется к правилам счисления пути ко-

⁴ Райнов Т. И. О роли русского флота в развитии естествознания XVII века. Труды Института истории естествознания АН СССР. М.; Л., 1947, т. 1, с. 182.

А. И. Нагаев

рабельного: обачеж нужно разумеется быти к должности плавателя, случившагося где либо обрести какой залив или гавань»¹. В этих словах наглядно видно единение кораблевождения (навигации) и гидрографии, проводится характерная мысль о том, что мореплавателю нужно обладать специальными познаниями, знать основные приемы выполнения гидрографических работ. Впоследствии среди морских офицеров образовался особый корпус гидрографов.

Ф. И. Соймонов приводит и два основных способа морской гидрографии того времени: «Описание заливов или гаваней есть двоякое, а имянно: первое искусством геодезическим чрез инструменты, усматривая по дугам или изгибам залива. Второе хотя и не так окуратно: обачеж много употребляется заливов описание, на каком либо морском судне»².

При геодезическом способе вдоль берега моря шли с астролябней (теодолитом) или пель-компасом, по которым брали направление; расстояние измеряли мерительной (или мерной) цепью, а глубины и грунт доставали с помощью лота. Затем рисовали карту или план местности, в зависимости от масштаба.

Второй способ — морская опись. Сущность его мы позволим себе пояснить цитатой из руководства Ф. И. Соймонова: «На каком либо судне приехав к берегу в залив, стать на якорь. И с того места усмотреть чрез инструмент или пель компас, на которые румбы, или уг-

¹ Соймонов Ф. И. Экстракт штурманского искусства. СПб., 1739, с. 166.

² Там же, с. 167.

К. И. Крюке

лы градусов, края того залива: и между оными другие какие нибудь места ближайšie к берегу. И что оных больше то верные и тако усмотря, и вынув якорь, плыть на другое место, куда пристойнее разсудится, чрез румб считая разстояние плаванное верно, и по известному румбу известное число миль или сажений прилежно, стать паки на якорь, и смотреть прежде усмотренные места, или знаки на берегу, против которых румбов, или в четверти компасной градусов, будут от втораго якорнаго места находится, яко в следующей табели»... Далее следует пример. Изложенный здесь способ морской описи был наиболее употребительным и, пожалуй, единственным в течение всего XVIII века. Разумеется, он был намного менее точным, чем геодезический, но для рекогносцировочной описи совершенно незаменимым. Именно таким способом в основном была нанесена береговая черта.

В 1765 году Ф. И. Соймонов издал учебник по астрономии, а Н. Г. Курганов — «Генеральную геометрию или общее измерение протяжения составляющее Теорию и Практику оной науки», где изложены и основы гидрографии. В посвящении учащимся автор написал: «Будучи главнейшая путеводительница к мореплаванию и к другим оное подкрепляющим наукам, сия (т. е. геометрия.— А. А.) покажет вам свободный и безопасный путь в пространнейшия моря, сия научит вас прези-

рать и разверзающуюся до преисподних бездн пучину, и востающия до небес волны океана, сия сделает вас ветров и бурь повелителями»¹.

Курганов же перевел на русский язык и значительно дополнил сочинения Сойериана и Бугера, являвшиеся длительные пособия для штурманов и гидрографов за рубежом². В предисловии к «Бугерову сочинению» Н. Г. Курганов очень ярко характеризует роль и значение гидрографов: «Без сомнения можно почитать Идрографов за первых изобретателей, коим и последния причины, всех в сей науке изъясняемых вещей, известны во всей их подробности. Им необходимо должно больше знать теории для того, чтобы дозволено было мореплавателям знать оной меньше». И далее: «На должность Идрографа производить мореплавателей достойных к предприятию езды во все концы Земли, и к достижению всех приморских стран»³.

Организационное оформление русского военно-морского флота относится к 1700 году, когда был создан особый Приказ. В ведении его находились все дела флота. В 1707 году это управление было названо Канцелярией Военно-Морского флота, а в 1718 году управление флотом поручено Совету старших флагманов, получившему название Адмиралтейств-коллегии. Но несмотря на это до 1724 года органа, руководящего гидрографическими работами, вообще не существовало, а для выполнения тех или иных гидрографических работ назначали именным указом отдельных офицеров.

С 1724 года все работы по гидрографическому изучению морей были возложены на Адмиралтейств-коллегию, которая из своей среды назначала одного ответственного офицера. Так, в частности, до 1740 года руководителем являлся Ф. И. Соймонов, а с этого года и по день своей смерти гидрографическими работами в стране руководил А. И. Нагаев. В штате Адмиралтейств-коллегии были предусмотрены чертежная мастерская, типография и соответствующее число штурманов, подштурманов и штурманских учеников «для рисования карт и содержания их при чертежной».

25 ноября 1799 года при Адмиралтейств-коллегии учредили Комитет для распространения морских наук и усовершенствования художественной части морского искусства, который ведал вопросами гидрографии. В апреле 1805 года был учрежден Государственный Адмиралтейский Департамент, руководивший гидрографическими работами. 24 августа 1827 года Департамент реорганизовали в два независимые учреждения: Управление Генерал-Гидрографа и Морской Ученый Комитет. Первым и единственным Генерал-Гидрографом был преемник А. И. Нагаева адмирал Г. А. Сарычев. Помощником его стал директор Гидрографического Депо Ф. Ф. Шуберт. В 1837 году (14 апреля) был учрежден Гидрографический департамент, объединивший Управление Генерал-Гидро-

¹ Курганов Н. Г. Генеральная геометрия. СПб., 1765.

² О точности морского пути. СПб., 1773; Бугерово новое сочинение о навигации, содержащее теорию и практику штурманского искусства. СПб., 1785.

³ Бугерово новое сочинение... СПб., 1785, с. XII.

РАССУЖДЕНИЕ
О БОЛЬШЕЙ ТОЧНОСТИ
МОРСКАГО ПУТИ,

чищенное

въ публичномъ собраніи

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

МАІЯ 8 ДНЯ 1759 ГОДА,

Господиномъ Коллежскимъ Совѣтникомъ и Профессоромъ

МИХАЙЛОМЪ ЛОМОНОСОВЫМЪ.

«Рассуждение о большей точности морскаго пути...» М. В. Ломоносова

графа с Гидрографическим Депо. С 1885 года этот департамент стал называться Главным Гидрографическим управлением.

Существовавший долгие годы Корпус флотских штурманов подчинялся Генерал-Гидрографу. На Балтийском и Черноморском флотах существовали инспектора корпуса флотских штурманов, а на отдаленных Беломорской, Каспийской и Охотской флотилиях (в Архангельске, Астрахани и в Охотске) назначали Частных инспекторов корпуса флотских штурманов, непосредственно ответственных за исполнение всех текущих работ. Выполнением специальных гидрографических исследований занимались утвержденные в разное время штатные подразделения: Отдельные съемки, а затем и Гидрографические экспедиции моря (океана).

Мы уже отмечали, что гидрографическими работами в России занималось не только военно-морское ведомство в лице его гидрографических подразделений. Участие других организаций и ведомств в гидрографических работах — бесспорный факт. Но совершенно справедливо, как подчеркивал А. В. Ефимов, «магистраль научных трудов того времени в области географических исследований и открытий на Востоке России проходила через Морскую Академию, а не через Академию наук»¹.

Существенным обстоятельством стал выход России на морские про-

¹ Ефимов А. В. Из истории картографии Дальнего Востока. Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958, с. 84.

Г. А. Сарычев

сторы на западе и на востоке страны. Он заставил думать об организации обороны морских границ, что было немыслимо без освоения территории и акватории новых земель и вод, а следовательно, и без развития гидрографии. Само понятие военных и торговых судов в XVIII веке, на Дальнем Востоке например, было весьма своеобразным. Очень часто — и это считалось в порядке вещей — торговые, или, как они тогда еще назывались, купеческие, суда выступали в роли военных, исполняя задания последних. И, наоборот, почти всегда можно было наблюдать картину, когда на военном (казенном) судне Охотской флотилии перебрасывали из одного места в другое «мягкую рухлядь» и другие богатства.

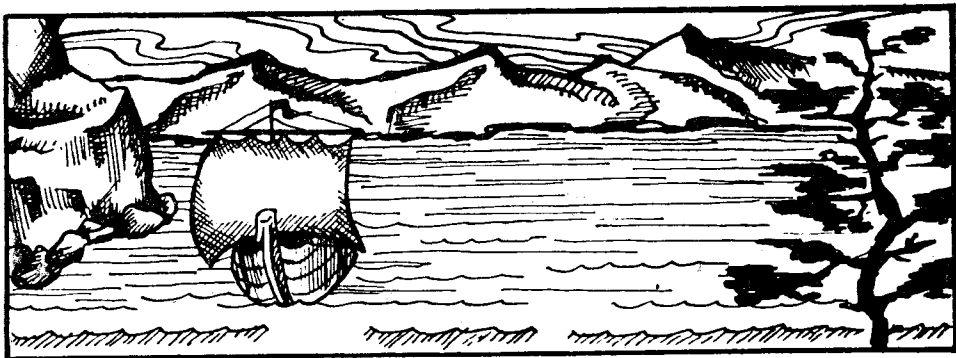
Естественно, что на границах государства преобладала военная власть, и поэтому морская гидрография, изучающая главным образом пограничные водные бассейны, сосредоточилась по традиции в руках военно-морского ведомства. Она, эта традиция, в основном сохранилась до настоящего времени.

В предлагаемой вниманию читателей книге часто будут встречаться различные подразделения гидрографии, поэтому мы и рассказали о них — так удобнее читать книгу, тем более, что мы не будем подробно рассматривать ход экспедиций, а ограничимся изложением тех мест, где говорится о гидрографических работах, а значит, о береговой черте, о берегу, таком желанном для моряка.

Берега бывают пустынными и мрачными, нарядными и веселыми, берегом кончаются реки, у берега образуются лагуны, лиманы, заливы, бухты, гавани. К берегу подходят и от берега отходят большие океанские лайнеры, военные корабли, рыболовецкие суда, целые китобойные флотилии, пассажирские красавицы суда, корабли науки. С берегом смыкается море, берегом оканчивается океан. А море бывает бурным, гроз-

ным, ласковым и приятным, но всегда коварным и изменчивым. Приливы и отливы, береговой прибой, предательские отмели-бары при входе в устья рек, прибрежные камни — все это и еще многое другое моряк вкладывает в понятие береговой черты. Ему важно знать, как лучше подойти к берегу, какими курсами безопаснее прийти в порт назначения или побыстрее укрыться от настигающей беды в спасительной бухте. Ему нужно знать, где он может пополнить запасы воды и продовольствия, где залечить штормовые раны. Ему нужно точно знать, где расположены и с какого расстояния и румба открываются долгожданные маяки. А течения, глубины на подходе к берегу, фарватеры в узкостях — о них тоже надо помнить.

И в плавании моряку надежно служат создаваемые гидрографами морская карта и лоция.

Глава вторая

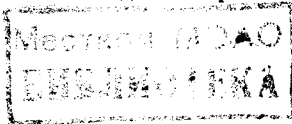
КАК РОЖДАЮТСЯ ЛЕГЕНДЫ

22127

На самых ранних картах мира в разное время картографы по-разному наносили землю. Что было ближе к месту их жительства и о чем знали, наносили с достаточной по тем временам достоверностью. Это были районы Средиземноморья, Ближнего Востока, Западная Европа, север Африки. Хуже знали Восточную Европу, Индию, по искаженным слухам наносили Азию, особенно ее северные и дальневосточные районы. После путешествия Марко Поло уточнилось представление о Средней Азии, Индии и Китае. С открытием Америки на картах стала появляться и эта часть света, появилась и terra incognita аустралиус — будущая Австралия вкупе с неведомой Антарктидой.

От составления карт люди перешли к составлению атласов, где обязательным было изображение всей известной суши, омываемой морями и общим единым Мировым океаном. Когда не хватало достоверных сведений, авторы атласов пользовались слухами, преданиями, неизвестно в какое время и где возникшими и чудом дошедшими до них. И вот таким образом в конце XVI и в начале XVII века на картах Азии и Северной Америки появился пролив, названный Анианским, или Аниан. Впервые же в картографический обиход представление о проливе Аниан введено итальянским картографом Дж. Гастальди в 1562 году¹. Пролив этот последующие составители карт стали копировать, встречается он и в таких распространенных изданиях, как атласы А. Ортелия и Г. Меркатора 1570 и 1569 годов. Пролив изображали на всех картах вплоть до 1777 года. С этого времени его перестали упоминать. Почему так

¹ Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, Л., 1935, с. 13.

произошло и откуда взялся этот пролив, так прочно удерживавшийся на картах всего мира в течение столь долгого времени — свыше двух столетий, — неизвестно.

Американский материк был открыт для Европы со стороны Атлантического океана. Постепенно вырисовывались его контуры именно со стороны этого океана, затем сведения доставляли и со стороны Тихого океана: Южная и Северная Америка становятся объектами испанской, а затем и португальской колонизации. После первого кругосветного плавания стали известны южные границы Южной Америки, а о северных никто ничего не знал до исторического первого плавания Витуса Беринга. На всех картах примерно на месте Берингова пролива стояло название — «Анианский пролив».

Почему именно Анианский? Выяснению этого вопроса посвящено множество книг. Ограничимся ссылкой на Л. С. Берга и А. В. Ефимова, которые подробнее и, на наш взгляд, точнее других его рассмотрели. Л. С. Берг утверждает, что происхождение названия Аниан идет от Марко Поло, упоминавшего в своем сочинении провинцию Аниан. Эту провинцию Берг отождествлял с провинцией Юнь-нань на юге Китая¹.

Берг категорически отверг как фантастическую версию немецкого ученого Х. Сандлера (1894 год) о том, что этим проливом мог стать пролив Анива, который теперь на всех картах носит название пролива Лаперуза. Между прочим, у Марко Поло, и об этом также говорит Берг, в разных рукописях встречаются названия Аниа, Аму, Анин, Аниу, и пренебрегать этой версией не следовало бы. Можно предположить, что в Китае Марко Поло — это ясно из его книги — получил достаточную информацию о юго-востоке Азии, знал, наверное, и о Японии, отделенной от Китая проливами. Но, где находились эти проливы, он, естественно, знать не мог. Марко Поло записал по-своему то, что слышал. Не мог он знать также и об Америке, как, впрочем, и о Камчатке и Чукотке. И название «Аниан», появившееся впервые у Марко Поло для обозначения одной из провинций, более поздними картографами было перенесено на пролив между Азией и Америкой.

Появившись однажды в середине XVI века, это название прочно закрепилось не где-нибудь на юге, например на месте Корейского пролива, Цусимского или одного из Японских проливов — между двумя материками. В чем тут дело? Думается, до путешествия Колумба, открывшего Латинскую и Южную Америку, в Европе не могли не знать о плаваниях исландских викингов. А значит, что-то из исландских саг могло дойти и до картографов, рисовавших по скудным сведениям плоскую землю.

Когда же стало известно, что Америка представляет собой отдельный материк, который на юге нигде не соединяется с Азией (ее южная часть стала также сравнительно хорошо известна), вероятно, именем Анианский назвали другое, ранее неизвестное место. Так возникла легенда о проливе между двумя материками, нанесенном на карты задолго до того, как его открыли.

¹ Берг Л. С. Указ. соч., с. 14—16.

Думается, что возникновению легенды об Анианском проливе способствовали в значительной степени и сведения, проникавшие из Московского государства. М. П. Алексеев приводит тому любопытное свидетельство. В 1525 году итальянский ученый П. Иовий, знавший просвещенного русского посланника Д. Герасимова и получивший от него известия о Московском государстве, высказал важное соображение: «Достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несетя в стремительном течении к северу и что море там имеет такое огромное протяжение, что по всему вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли»¹. Ведь не случайно, вскоре после этих событий все чаще и чаще стали говорить о попытке искать дорогу в Китай и Индию не южным путем, что был в руках испанцев и португальцев, а северным, вокруг Азии, а впоследствии и вокруг Северной Америки. Первая такая экспедиция под начальством Роберта Торна была отправлена англичанами уже в 1527 году. Сведения о проливе между Азией и Америкой сыграли свою роль, а назывался ли он Анианским, было не столь уж важно².

Итак, на всех картах Азия была отделена от Америки Анианским проливом. Но так это или нет, достоверно не было известно. Знали об этом лишь местные жители, постепенно узнавали русские люди, начавшие со времен Ермака свои стремительные походы по Сибири к Тихому океану.

И уже первый русский источник, где есть упоминание о гидрографии Сибири, «Книга Большому Чертежу», написанная в 1627 году и впервые изданная Н. И. Новиковым в 1773 году под названием «Древняя Российская Идрография», содержит следующее упоминание: «От Лены ж по реке Олекме до Тугирского острогу 7 недель, а от Тугирского через волок по Урке реке вниз до Асмугу реки и до Даурского Лапкаева города 10 дней, а с усть реки Шингалу (наверное имеется в виду Амур.— А. А.) вниз до моря 3 недели, а морем в Китайское для льдов проходу нет, а есть проход в Никанское царство»³.

Налицо указание о том, что с устья Лены существует проход внутренними речными путями к реке Амур, а дальше туманные слова относительно льда, препятствующего плаванию в Китайское царство. Сейчас важно не это. Важно, что русским людям еще до похода И. Ю. Москвитина, не говоря уже о походах В. Д. Пояркова и Е. П. Хабарова, а также плавании С. Дежнева и Ф. А. Алексеева, речная сеть Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также общие контуры береговой черты северо-востока Азии были настолько известны, что эти сведения проникли даже в печать. Отсюда, из Сибири, а затем из официальных русских источников эти известия попадали на страницы западноевропейских карт, атласов и сочинений. При этом источник почти никогда не указывался.

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932, т. I, с. 261.

² Визе В. Ю. Моря Советской Арктики. М.; Л., 1948, с. 19.

³ Книга Большому Чертежу, под ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950, с. 188.

Памятник И. Ю. Москвитину и его отряду в устье Ульи.
Фото В. И. Галенко

Анианский пролив продолжали наносить на иностранные карты. На картах же русского происхождения, а они появились во второй половине XVII века, такого названия мы не встречаем. Появляются новые версии, появляется легенда о не обходимом носе. Сначала скажем о путешествиях, которые совершили русские землепроходцы после того, как в 1632 году Петр Бекетов построил Ленское зимовье, давшее начало будущему

Якутскому острогу, а затем и городу Якутску — центру русской жизни на востоке Сибири в течение более столетия.

В 1639 году отряд томских и красноярских казаков, предводительствуемый И. Ю. Москвитиным, впервые вышел на берег Охотского моря, а следовательно, и первые русский человек ступил на берег Тихого океана. История его появления здесь такова.

31 января 1636 года из Томска на Лену вышел отряд томских казаков в 50 человек во главе с атаманом Дмитрием Копыловым. На Лену отряд шел через Енисейск, Верхнюю Тунгузку, реку Куту. А с Лены двинулись на Алдан, где в 1638 году недалеко от впадения в Алдан реки Май построили Бутальское зимовье. Перезимовав в нем, Копылов послал для отыскания Ламы-реки, которая представлялась текущей параллельно Лене и впадающей в море к востоку от нее, отряд Ивана Юрьевича Москвитина. Мыслилось, что добравшись до Ламы-реки (считалось, что истоки ее на китайской территории), можно будет, поднявшись по ней, дойти и до Китая.

Дальнейший путь отряда Москвитина виден из «скаски» казака Нехорошего Иванова Колобова о его службах на Улье и Охоте: «А шли они Алданом вниз до Май реки восьмеры сутки, а Маею рекою вверх шли до волоку семь недель, а из Май реки малою речкою до прямого волоку в стружках шли шесть ден, а волоком шли день ходу и вышли на реку на Улью на вершину, да тою Ульею рекою шли вниз стругомплыли восьмеры сутки и на той же Улье реки, зделав лодью,плыли до моря до устья той Ульи реки, где она впаала в море, пятеры сутки. И тут де они, на усть реки поставили зимовье с острожком...»

Из поставленного в устье Ульи острожка москвитинцы совершали плаванья вдоль берега Охотского моря на север — до реки Охоты и на юг — до устья реки Уды («Да они ж де ис того ж острожку ходили морем на Охоту реку трои сутки, а от Охоты до Ураку одне сутки...»). В течение двух лет казаки жили в этих местах, познакомились с жителями, их обычаями, промышляли рыбу, соболей («А те де реки собольные, зверя всякого много и рыбные, а рыба большая, в Сибири такой нет, по их языку кумжа, голец, кета, горбунья, столько де ее множество, только невод запустить и с рыбою никак не выволочь») ¹.

Есть в этой «скаске» и указание на то, что москвитинцы побывали вблизи устья Амура, о котором и проживающих на нем людях рассказал им некий местный тунгус — «князец». Он «учел им росказывать, что от них направо в летнюю сторону (т. е. к югу.— А.А.) на море по островам живут тунгусы гиялки сидячие, а у них медведи кормленые и тех де гиялков до их приходу (т. е. до прихода москвитинцев.— А. А.) побили человек с пять сот на усть Уды реки, пришед в стругах бородатые люди доуры... А русских де людей те бородатые люди называют себе братьями. А живут де те бородатые люди х той же к правой стороне в лето по Амуре реки, дворами и хлеб у них и лошади и скот и свиньи и куры

¹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов. Составитель М. И. Белов. Л.; М., 1952, с. 51.

есть и вино курят и ткуют и прядут со всего обычая с русского. И промеж их и тех тунгусов (т. е. гиляков.— А. А.) живут тунгусы свой род анатарки сидячие, недошед до усть Муры. А те де онатарки люди богатые, соболей и того зверя и оленей у них много, а торгуют с теми бородатыми доурами на хлеб, на крупу. И про серебро де сказывал, что тех же де бородатых людей у даур есть, и те де будто дауры русских людей желают видеть для того, что называютца их братьями. А тех они онатырков не доходили (т. е. москвитинцы не дошли до тех мест, где проживали эти тунгусы.— А. А.), а гиляков, которые живут по островам, тех проходили. А сказывали те тунгусы, что от них морем до тех бородатых людей недалече. А не пошли де они к ним морем за безлюдством и за голодом, что там сказывали рыбы в тех реках нет. А то де амурское устье они видели через кошку...»¹.

Б. П. Полевой в своих работах эту «скаску» Н. И. Колобова трактовал таким образом, что москвитинцы открыли не только устье Амура, но и Сахалин, и сахалинских айнов.

В последней своей основательной работе «Первооткрыватели Курильских островов» главные выводы Б. П. Полевой по этому вопросу изложил кратко: «Атласов искренне полагал, что он смог первым открыть новый, ранее неведомый народ — «курильцев» (айнов). Но тут он ошибался. На самом деле русские впервые узнали о существовании айнов во время похода Ивана Москвитина — самого первого русского похода на Тихий океан. Еще летом 1640 г. участники этого похода на двух семнадцатиметровых кочах смогли совершить плавание от устья реки Ульи до района устья Амура. Участник этого похода казак Нехорошко Иванов Колобов впоследствии утверждал: «...а то де Амурское устье они видели через кошку...» Тогда же они первыми из русских открыли «острова Гилятцкой орды», самым крупным из которых был Сахалин (в XVII в. его называли островом Гилятцким, или просто Гилят,— родительский падеж от этнонима «гиляки» (нивхи). От эвенков («тунгусов») москвитинцы услышали и о «бородатых людях», до которых «морем... недалече». Речь здесь явно о сахалинских айнах. В 1644—1645 годах русские уже во время первого похода по Амуру Василия Пояркова стали называть айнов «черными людьми», или «куями». Спутники В. Д. Пояркова — Микуло Тимофеев и его товарищи — еще в ноябре 1645 года в Якутске сообщали: «гиляки сказывали нам, служилым людям, есь де подле моря черные люди, а называют де их куями, а живут де они подле моря по правую сторону», то есть на берегу Татарского пролива. На Охотском побережье айнов в XVIII в. именовали «кувами»².

Мы умышленно привели цитату из документа, опубликованного М. И. Беловым, и цитату Б. П. Полевого, в которой выражается отношение к помещенным в нем сведениям.

Б. П. Полевой пишет, что участники похода И. Ю. Москвитина пер-

¹ Русские мореходы... сост. М. И. Белов, с. 51—52.

² Полевой Б. П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982, с. 10.

выми из русских открыли «острова Гилятцкой орды». Резонно спросить, что это значит и почему Б. П. Полевой немедленно и бездоказательно делает вывод об открытии острова Сахалина. В острова «орды» входили в первую очередь Шантарские острова и острова, закрывающие вход в залив Счастья. Так что можно утвердительно говорить лишь о том, что москвитинцы открыли только те острова «Гилятцкой орды», которые были ближе всех к ним, которые встретились им на пути, то есть Шантарские острова.

Теперь попробуем высказать свое отношение к этой запутанной истории. Незнание исторической географии породило и, к сожалению, часто порождает неверное прочтение, а более всего — неправильное толкование документов. В «скаске» Н. И. Колобова рассказ о плавании на юг от устья Ульи перемежается сведениями, полученными москвитинцами на устье то ли реки Урак, то ли рек Кухтуя и Охоты, то ли реки Улья, которые передаются на основании рассказа тунгуса-князца. Но прежде установим, о каких народах идет речь в цитированном документе. Колобов называет тунгусами все народности: тунгусы — гиляки сидячие, тунгусы — анатарки сидячие, просто тунгусы, к которым относился и «князец»-рассказчик. Одних только дауров рассказчик не называет тунгусами, зато анатарки у него опять «тунгусы свой род анатарки сидячие».

В «скаске» Н. И. Колобова указывается, где проживали все эти тунгусы и бородатые дауры: «А живут те бородатые люди х той же к правой стороне в лето по Амуре реки», то есть совершенно конкретно говорится, что живут они к югу от устья реки Улья на реке Амур. А гиляки сидячие живут «от них (т. е. от устья реки Улья.— А. А.) направо в летнюю сторону (т. е. на юг.— А. А.) на море по островам» и «тех де гиляков» побили «на усть Уды реки» бородатые дауры. Неужели есть у кого-либо сомнения в том, что эти гиляки сидячие жили и по сей день живут на южном берегу Охотского моря, примерно от устья реки Уды до залива Счастья, где имеется несколько островов и среди них бывшие острова Лангр, Удд (современные — Байдукова, Чкалова). Прийти сюда внутренними водными путями с Амура совсем просто, что и сделали бородатые дауры, спустившись в стругах по реке Уда на ее устье и побив обитавших тут гиляков сидячих. Что касается анатарок, или она тырок, сидячих, то живут они «проме ж их (т. е. бородатых дауров.— А. А.) и тех тунгусов (т. е. гиляков.— А. А.)... недошед до устья Муры». Иными словами, если понимать под «усть Муры» устье Амура, выходит, что люди эти жили недалеко от гиляков, на побережье Сахалинского залива, на его материковой части.

А почему бы не предположить, что в приведенном рассказе несколько сдвинуто место действия, и не принять анатарков (анатарок, или она тырок, сидячих) за жителей долины реки Нангтары (Нантары, или Лантары), впадающей в Охотское море южнее залива Аян — как раз на пути москвитинцев? Вполне вероятно, что так оно и есть. А почему бы не предположить, что Шантарские острова (Шантары) имеют отношение к названию анатарков?

Тунгусы, проживавшие на устьях рек Ульи, Урака и Охоты с Кухтумом, — это современные эвенки. Среди жителей Нижнего Амура и Левобережного Приамурья наряду с другими народностями живут и преобладают гиляки (нивхи). Кроме них в те далекие времена различали натков, ачанов, мангун, самогеров и прочих, давая им прозвища главным образом по местам их обитания. Южнее проживали орочи, орочены. Вполне допустимо, что анатарки и есть какое-либо племя или народность, проживавшая в устьевой части Амура, название которого так вольно передано казаком-москвитинцем. Кроме того, в самом документе ясно указывается, что бородатые дауры живут на Амуре.

Стремление Б. П. Полевого привязать все действия южного отряда москвитинцев к Сахалину основывается не только на ложной предпосылке, что бородатые — это сахалинские айны, но еще и на том, что Сахалин — это остров «гилятской орды». Во-первых, в документе говорится об островах, а не об одном острове. Других же островов, кроме Сахалина, в ближайшем его окружении просто не существует за исключением Частых островов в лимане Амура. Под островами «Гилятской орды» несомненно надо понимать Шантарские острова вкупе с островками, ограждающими вместе с массивной песчано-дресвяной кошкой залив Счастья, который по ошибке был принят землепроходцами за устье Амура. Отсюда и слова, что «то де амурское устье они видели через кошку». О том, что это действительно так, говорит тот факт, что при входе в устье Амура нет никакой кошки, берега гористые, породы коренные, да и само устье Амура так велико (до 15 километров в ширину), что заметить его и определить, что это именно устье Амура, было тогда просто невозможно. Уровень знаний в то время не позволял утверждать, что против устья Амура, если бы даже москвитинцы там действительно побывали, лежит именно остров, скорее они назвали бы его землей. Так уже в наши дни родилась легенда.

Поход группы москвитинцев на юг от устья реки Ульи рисуется таким образом. Они шли вдоль берега, прошли Шантарские острова, хорошо видные с многих мест Охотского побережья, возможно, они даже побывали и на них, а затем на устье реки Уда, где встретились с сидячими гиляками, во множестве проживавшими в этом районе; от них москвитинцы узнали о богатой реке Амур, о даурах, о других народах, заселявших Нижний Амур, о народах, проживающих в Нижнем Приамурье. Вероятно, что они доходили до островов Лангр и Удд, откуда и возвратились, так как действительно дальше шли места малонаселенные, где не было рек, богатых рыбой. Вполне возможно, что им говорили и о Северном Сахалине, куда так же, как и на устье Амура, идти надо было долго морем. На обратном пути морем же москвитинцы пришли на устье реки Алдомы, где зимовали, и затем возвратились на устье реки Ульи, откуда пришли в Якутск.

Итогом похода и плаваний отряда И. Ю. Москвитина стало первое известие о береговой черте Охотского моря от Охотска до залива Счастья и первые сведения о Шантарских островах. Вполне возможно, что Москвитин по возвращении в Якутск вместе с докладом о путешествии пред-

ставил и чертеж посещенных им мест. К сожалению, эти документы не дошли до нашего времени.

В том, что версия Б. П. Полевого является всего-навсего лишь искусственно созданной легендой, можно убедиться, читая работы его предшественников. Во-первых, это свидетельство Н. Н. Степанова, опубликованного документ, относящийся к походу И. Ю. Москвитина, где, в частности, говорится: «Да те же тунгусы сказывают про реку Омуть (вернее всего Амгунь.— А. А.) и та де река великая, а на ней живут тунгусы Шамагири (Самагиры.— А. А.), оленные люди, а сходятся те люди с иными людьми, с Натканы (чем не искаженное слово анатарки? — А. А.), а язык у тех людей свой, а не тунгусский (имеется в виду, что не такой, на каком говорят эвенки.— А. А.), продают тем людям соболи, а у тех людей емлют серебро и чаши большие медные и в тех чашах есть варят, и одекуй идет от тех людей и кумачи, и те Натканы живут у Ламы промежу рек в стрелке. А те товары идут с иной реки, серебро и медь и одекуй и кумачи. Река есть Амур от конных людей, те люди хлеб сеют и вино сидят по русски кубами медными и трубами (самогонование.— А. А.), да в тех же людях водятся петухи и свиньи и красна ткнут по русскому, и от тех людей возят к Натканам муку по Амуру, в стругах плавят»¹. В этом документе уже нет опрометчивого заявления Колобова, что устье Амура он видел через кошку, а имеется точное указание, что о реке Амура они только слышали от местных жителей.

Во-вторых, это свидетельство было учтено в свое время составителями цитированного сборника М. И. Беловым и этнографом Е. П. Орловой, которые, приняв сначала за правду «скаску» Н. И. Колобова, затем упомянули, что согласно новейшим исследованиям, Москвитин дошел лишь до реки Уды². Автор убеждался в правильности всего им сказанного во время своих исследовательских работ в лимане Амура, Сахалинском заливе, в районе Шантарских островов и вдоль побережья Охотского моря — от Охотска до Амура.

Хочется думать, что данным рассмотрением этого вопроса будет положен конец целиком и полностью надуманной версии-легенде о плавании якобы в устье Амура и открытии Сахалина отрядом И. Ю. Москвитина. Он привез первые достоверные сведения об этой великой реке. Во многом приукрашенные (серебро, пашни, лошади, богатые земли — впрочем, и это отзвук об амурской жизни), они дошли до Якутска и послужили основой для организации первых походов на Амур. Именно основой, так как и до этого путешествия на Амур уже ходил енисейский атаман Максим Перфильев, добравшийся весной 1640 года по Витиму и речке Цыпиру до «большого порога», который не мог обойти. Местные жители сообщили ему много интересных сведений о большой реке «Шилкар» — Шилке, составляющей вместе с Аргунью начало Амура.

В 1643—1646 годах состоялся поход-плавание по всему Амуру отря-

¹ Степанов Н. Н. Первые русские сведения об Амура и гольдах.— Советская этнография, 1950, № 1, с. 181.

² Русские мореходы... сост. М. И. Белов, с. 54.

да В. Д. Пояркова, который плыл мимо дауров, достиг реки Сунгари, плыл по местам, где обитают дючеры, встретился в месте впадения в Амур реки Усури с народом, называвшим себя натками, и добрался до устья Амура, на котором жили гиляки. Здесь землепроходцы зазимовали, а летом 1645 года впервые вышли через устье Амура в его лиман, наблюдая справа неизвестную землю — остров Сахалин. Впрочем, последнее остается все-таки предположением: могло случиться и так, что, придерживаясь коренного материкового высокого берега, каким является левый берег Амура до самого Сахалинского залива, землепроходцы не обращали внимания ни на что другое.

Выйдя в Сахалинский залив, они, после трудного плавания по Охотскому морю, подробности которого остались неизвестными, стараясь идти вдоль берега, были выброшены на какой-то остров. Отдохнув, отправились дальше и добрались до устья реки Улья, где было москвитинское зимовье-острожек. Двенадцать недель продолжалось это беспрецедентное плавание по морю. Перезимовав в острожке, поярковцы в середине июня возвратились в Якутск, где рассказали о реке Амур и населяющих его народах. Поярков сделал чертеж рекам и землям, где ему довелось побывать.

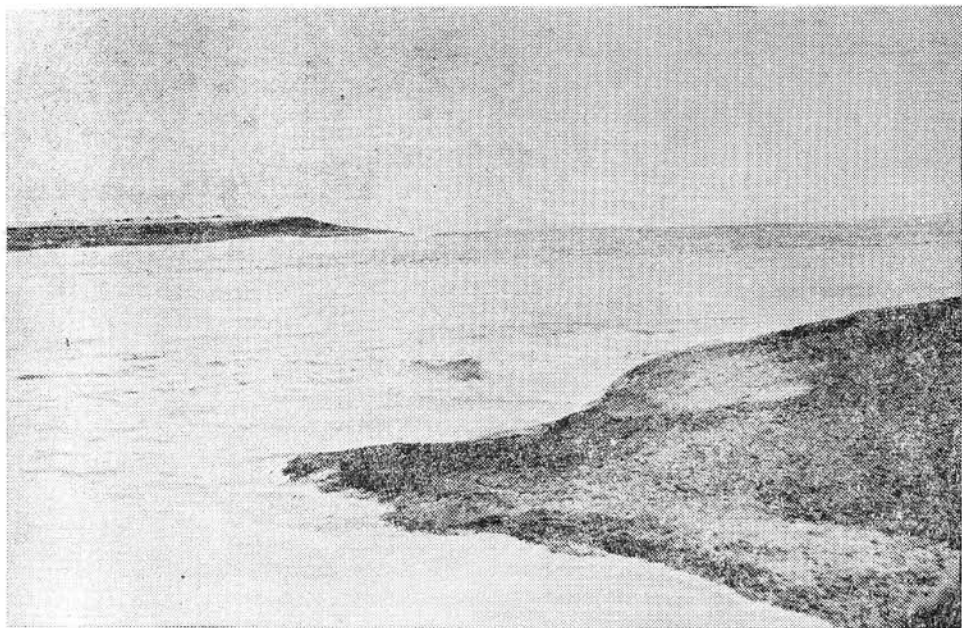
Следующим важным мероприятием стали походы Е. П. Хабарова на Амур в 1649—1653 годах. Они положили начало освоению Приамурья русскими людьми, продолженному следующими поколениями.

Посланный весной 1652 года на помощь Е. П. Хабарову отряд Т. Чечигина не нашел его в условленном месте, в верховьях Амура. Чечигин 4 мая 1652 года отправил вниз на разведку по Амуру отряд из 26 человек во главе с И. А. Нагибой, наказав ему плыть десять суток, а затем возвращаться.

Но случилось так, что за это время обнаружить отряд Хабарова в многочисленных протоках не удалось, возвращаться же было равносильно гибели — отряд Чечигина заметили. Продвигаясь с большими трудностями, отряд вскоре оказался на устье Амура. Хабарова здесь не было. Идти назад не имело смысла. Оставался один путь — повторить плавание В. Д. Пояркова: плыть вперед через лиман Амура и Охотское море.

По выходе из Амурского устья, а затем и лимана несколько дней гребли вдоль берегов, потом встретили льды в южной части Охотского моря. Подхваченное льдом судно Нагибы носило десять дней и раздавило у пустынного берега. Все запасы продовольствия и снаряжения оказались в воде. С большим трудом усталые и голодные путники добрались до небольшой реки. Здесь буквально голыми руками построили шитик, на котором продолжили плавание вдоль берега. У устья реки Учальды увидели тунгусские юрты и решили остановиться. Дождавшись в этом селении установления зимнего пути, 15 декабря 1652 года путники на нартах отправились через горы. Они вышли через четыре недели на реку Тугур, где набрели на тунгусское стойбище, около которого построили острожек и прожили в нем до лета.

30 июня 1653 года Иван Нагиба с пятью товарищами — Иваном Ми-

Устье р. Кухтуй. Отсюда многие суда выходили курсом в Историю

хайловым, Павлом Степановым, Иваном Степановым, Федором Спиридоновым и Степаном Дмитриевым отправились на построенном струге в плавание по реке Тугур. После того как им удалось выйти в море, они в течение четырех недель шли вдоль берега, а затем вошли в реку Нангары к югу от залива Аян и поднимались вверх по ней четыре дня. Отсюда, перевалив через горы, вышли на речку Ватангу (Ваган) и по системе рек Мая, Алдан, Лена пришли 17 сентября 1653 года в Якутск.

К этому времени произошли большие события на севере и северо-востоке Азии: был основан Охотский острог, откуда начались плаванья по Охотскому морю, а затем и по северной части Тихого океана, пройден русскими людьми пролив между Азией и Америкой — Анианский пролив действительно существовал.

В год возвращения Пояркова в Якутск вышел на берег Охотского моря казачий десятник Семен Андреев Шелковник с отрядом. В наказной памяти, выданной ему 10 июня 1646 года, указывалось, что он должен обосноваться в устье реки Охоты и Кухтуя, приводить оттуда жителей в подданство Русского государства и собирать с них ясак. Задание было выполнено: в 1647 году на устье Охоты было поставлено зимовье, превратившееся затем в Охотский острог, а впоследствии — в Охотский порт — первый и в течение длительного времени единственный порт России на Тихом океане. С Охотском непосредственно связана почти двухвековая история развития русской гидрографии на Дальнем Востоке.

А началась она 23 июня 1648 года, когда из Охотского острожка

на кочах вышел в плавание на восток вдоль побережья Охотского моря отряд из 26 человек. Возглавлял его Алексей Филиппов. Считалось, что берег к югу от Охотска до реки Уды достаточно известен по плаваниям москвитинцев, пояркоцев и И. Нагибы. 28 июня отряд вошел в устье реки Ини, где выдержал бой с местными жителями, напавшими во время отлива. 3 июля Филиппов ушел с реки Ини и с большими трудностями через месяц достиг Тауйской губы, став на якорь в устье реки Мотыклей: «И после того бою,— сообщал об этом походе А. Филиппов,— с Ини реки пошли июля в 3 день, и как будто в урочных местах есть озеро велико подле моря, и у того озера море розбило суда и на кошку выбросило, и от того с великою нужею (нуждою.— А. А.) шли до Мотыхлея реки и как пришли на Мотыхлей реку августа в 3 день»¹.

Отряд А. Филиппова почти три года провел в районе Тауйской губы и возвратился в Охотский острожек 15 июля 1651 года, потеряв трех человек убитыми. Семь человек умерли от болезни. Для науки поход А. Филиппова и его товарищей Федора Яковлева, Ивана Савина, Андрея Иванова и других примечателен тем, что грамотный и наблюдательный Филиппов оставил интересные записки о посещенных им местах. Эти записки являются первым гидрографическим документом и первой своеобразной лощией северо-западного побережья Охотского моря, дошедшими до нас. Полное название документа такое: «Роспись от Охоты реки морем итти подле земли до Ини и до Мотыклей реки и каковы где места, и сколько где ходу и где каковы реки и ручьи пали в море, и где какой морской зверь морж ложится и на которых островах»².

«Роспись» содержит ценные и правильные данные об этом пути. В начале указано назначение «Росписи», затем говорится о том, сколько ходу от одного места до другого и каким способом — под парусами или на веслах, какие реки встречаются на пути, отдельные приметные места, растительный и животный мир. Это плавание и сохранившиеся о нем документы отражают общее стремление русских людей продолжать активный поиск земель на востоке.

Настало время чуть-чуть подробнее рассказать о том, чем объясняется столь стремительное продвижение русских людей на восток, через Сибирь, к Тихому океану, а в дальнейшем — и в Северную Америку. Почему такие огромные расстояния были пройдены русскими людьми за столь короткое историческое время — от Ермака, шагнувшего за Урал в 80-х годах XVI века, до выхода Москвитина на побережье Тихого океана в конце 30-х годов XVII столетия минуло всего около 60 лет. А вот европейцам потребовалось около 350 лет на то, чтобы пройти Северную Америку от Атлантического до Тихого океана. «Дело в том,— отмечал А. В. Ефимов,— что за отдельными исключениями как на Чукотском полуострове, так и на севере Камчатки, где появление русских вызвало сопротивление местного населения, русская колонизация не встречала

¹ Дополнения к Актам историческим, т. 3, док. 87, разд. II.

² Там же.

противодействия местных жителей»¹. Он же в другом месте по этому вопросу писал следующее: «Инициатива движения в сторону Восточной Сибири и прилегающих островов принадлежала не только центральной власти, но и сибирским промышленникам и служилым людям. Частично же поток переселенцев в Сибирь состоял из крестьян, уходивших от гнета помещиков-крепостников и крепостнического государства»². Добавим к этому, что на всей территории Сибири не было государственности (исключение — ханство Кучума), что Сибирь не знала крепостного права и что неизмеримо более высокий уровень социально-экономических отношений, существовавших в России, благотворно действовал на развитие связей с местными жителями, которые находились на стадии первобытнообщинных отношений³.

Почти одновременно, то есть в середине XVII века, происходили важные географические события на северо-востоке Азии, завершившиеся открытием пролива между Азией и Америкой и постепенным проникновением русских людей с севера, из Анадырского острога, основанного в 1649 году С. Дежневым, и приведшие к открытию Камчатки и Курильских островов. О том, что путешествия русских людей уже в 40-х годах XVII столетия в междуречье от Лены до Колымы было делом обычным и привычным, говорят документы того времени. Их много, но мы воспользуемся теми, которые относятся к Федоту Алексееву и Семену Дежневу.

Еще 15 июня 1641 года по царскому указу «отпущены из Енисейского острогу к Ленскому волоку москвитина гостиной сотни Олексея Усова, приказчики его, Федотко Олексеев да Лучка Васильев, а с ними русского товару»⁴. Далее идет большой список товаров, в том числе «две половинки сукна аглинского», «двести аршин холсту хрящу, дватцать концов сукон сермяжных», шила, иглы, колокольца, сапоги, кожа, кафтаны и прочее, всего «по енисейской таможенной оценке того у него русского товару и хлебново запасу на две тысячи на пятьдесят рублей, на осмнатцать алтын, на полпяты деньги». По тем временам такая огромная сумма говорила о многом и в первую очередь о широком проникновении русской торговли в Восточную Сибирь.

Летом 1642 года Федот Алексеев прибыл в Якутск, откуда с группой промышленных и торговых людей отправился на реку Оленек, заручившись 6 июля «выписью» из Якутской таможенной избы, что он с племянником своим Омелькой Стефановым и покрученниками идет «на низ по Лене реке и в стороннюю реку по Оленьку»⁵. Возвратившись оттуда, Федот Алексеев в 1647 году организовал новую партию товаров, которую

¹ Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв. Под ред. А. В. Ефимова. М., 1964, с. VII.

² Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971, с. 73.

³ Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982, с. 33.

⁴ Русские мореходы... под ред. М. И. Белова, с. 99, 100.

⁵ Там же, с. 104.

хотел на сей раз доставить с реки Колымы на другие реки вплоть до реки Анадырь. Годом раньше Исайко Игнатъев и Семейко Алексеев «с усть Ковымы реки ходили на море гуляти в коче» и потом рассказывали: «...бежали де они по большому морю, по зальду, подле Камень двои сутки парусом и доходили до губы, а в губе нашли людей, а называются чухчами, а с ними торговали небольшое место потому, что толмача у них не было, и съезжати к ним с судна на берег не смели, вывезли к ним товарцу на берег, положили, и они в то место положили кости рыба зубца немного, а не всякой зуб цел; деланы у них пешни да топоры ис той кости, и сказывают, что на море де товс зверя много, ложится де он на место»¹.

Федот Алексеев понял, что его могут обогнать другие приказчики в новых местах в торговле, и он решил на следующий год, то есть в 1647 году, пойти дальше по пути Исая Игнатъева и Семена Алексева. Как говорится в отписке с реки Колымы якутскому воеводе Петру Головину служилого человека Второго Гаврилова, в этом году «пошли на море москвитина гостиной сотни торгового человека Алексея Усова приказчик Федотко Алексиев колмогорец (уроженец Холмогор.— А. А.) с окруженниками двенадцать человек, а иные збирались промышленные люди своиуженники (т. е. снаряжилась самостоятельно.— А. А.), а сверх их собралось пятьдесят человек, пошли на четырех кочах той кости рыба зубца и соболиных промыслов разведывати. И тот Федотко Алексиев с товарищи к нам в съезжую избу словесно прошали с собою служилого человека. И бил челом государю Якуцково острогу служилой человек Семейка Дежнев (в это время как раз он подал свою челобитную.— А. А.) ис прибыли, а челобитную подал в съезжей избе, а в челобитной явил государю прибыли на новой реке на Анадыре сорок семь соболей (т. е., видимо, семь сороков соболей обязался доставить в казну.— А. А.). И мы его, Семейку Дежнева, отпустили для тое прибыли с торговым человеком с Федотом Алексиевым и для иных новых рек проведывати и где бы государю мошно прибыль учинити. И дали им наказную память и где буде найдут неясашных людей, и им аманатов имати и государев ясак с них збирати и под ево царскую высокую руку подводити и прочая»².

Пройти к реке Анадырь в 1647 году промышленникам не удалось, и они возвратились на Колыму. До какого места они дошли, неизвестно. Что касается их предшественников Игнатъева и Алексева, то можно предположить, что они добрались до Чаунской губы. Такое мнение высказал впервые Л. С. Берг, и его разделял М. И. Белов.

В 1648 году, как следует из отписки с Колымы служилого человека Второго Гаврилова якутским воеводам Василию Пушкину и Кириллу Супоневу, он отпустил снова С. Дежнева с Ф. Алексеевым, так как тот опять подавал такую же челобитную, как и годом раньше (только обещал семь сороков пять соболей): «И я того Семейку по той челобитной

¹ Русские мореходы... сост. М. И. Белов, с. 110.

² Там же, с. 110—111.

Скульптура Ф. Алексеева. Композиция

на новую реку Анандырь с Ковымы реки отпустил и наказ ему, Семейке, вместе с Федотом Алексеевым, торговым человеком дал. А на подарки дано ему государева товару иноземцам десять полиц»¹.

Мы несколько подробнее рассказываем об организации этого исторического плавания, чтобы показать, как исподволь, незаметно рождалась другая легенда о том, что возглавил поход Семен Дежнев. Несомненно, роль Семена Дежнева в этом походе и заслуги его перед географической наукой огромны, но истины ради следовало бы считать, что, говоря современным языком, начальником этой исторической экспедиции был Федот Алексеев, приказчик московского купца Алексея Усова, происходивший, видимо, из Холмогор и имевший прозвище Попов. Вполне возможно, что отцом его был церковный служитель. Судьба распорядилась таким образом, что Федот Алексеев, как и многие другие участники плавания, погиб. Но погиб, уже пройдя пролив, отделяющий Азию от Америки. Между тем именем начальника экспедиции, впервые разрешившей загадку Анианского пролива, ничего не названо ни на Чукотке, ни на Камчатке. Пора бы подумать, как исправить эту несправедливость. Хотелось бы напомнить, что после выхода книги автора о Н. И. Дауркине в честь ученого чукчи назвали полуостров Дауркина. Хочется ве-

¹ Русские мореходы... сост. М. И. Белов, с. 111.

П о л и ц а — железный лист; п а л и ц а — булава, дубина с шишкой на конце (военное оружие).

Скульптура С. Дежнева. Композиция

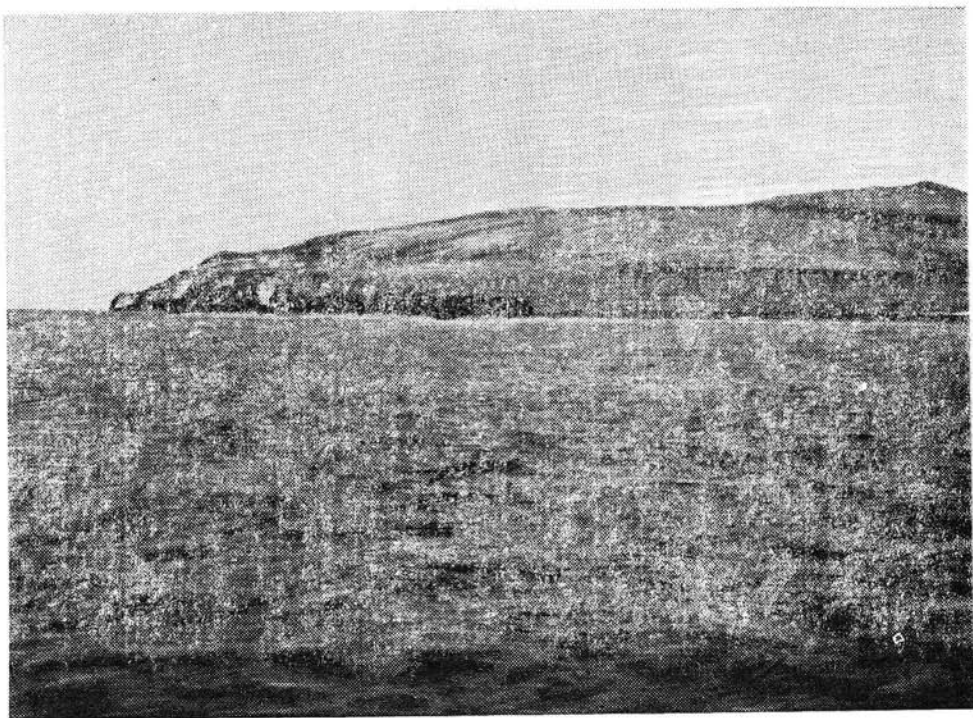
рять, что не будет забыт и Федот Алексеев, что справедливость восторжествует.

Между прочим, сам Семен Дежнев неизвестно уж по каким причинам, ничего не сообщал в своих первых отписках о судьбе всего отряда, вышедшего под руководством Ф. Алексеева в плавание. Лишь осенью 1654 года в челобитной царю Алексею Михайловичу он впервые сообщил о плавании морем из устья Колымы до устья реки Анадырь; сообщил и о том, что, возвратясь на Колыму после первого плавания в 1647 году, после зимовки там, в 1648 году «опять послан на ту же новую Анадырь реку тем же великим морем-окияном, и великие нужи и бедности и морские розбой принимал (т. е. испытывал штормы.— А. А.) и до Анадыри реки дошел и в тех подъемах и в морских розбоях»¹. Тут основал Анадырский острог, терпел всякие трудности, «обнищал и одолжал великим долгом» и просил смены. Это было уже осенью 1654 года.

И только в первой четверти 1655 года в одной из отписок якутскому воеводе Ивану Акинфову казак Семен Дежнев сообщал о судьбе Федота Алексеева. Должен оговориться, что, вероятно, он и раньше писал об этом прискорбном случае, но труднейшие условия, в которых Дежневу приходилось действовать при основании острога на устье реки Анадырь, а затем отстаивать свое дело в жестоком споре с прибывшим сюда Михаилом Стадухиным, не позволяют теперь нам читать эти документы: если они и были, то наверняка безвозвратно потеряны.

В этой отписке, о которой мы хотим поговорить, проливается свет на обстоятельства плавания отряда Федота Алексеева, на его судьбу; в этом же документе Семен Дежнев сообщает о своеволии М. Стадухи-

¹ Русские мореходы... сост. М. И. Белов, с. 118.

Мыс Дежнева

на и Е. Павлова. Но вот то, что нас интересует: «В прошлом во 156 году, июня в 20 день¹, с Ковымы реки послан я, Семейка (обратите внимание — о Федоте Алексееве пока ни слова.— А. А.), на новую реку на Анандырь для приску новых неясачных людей. И в прошлом же во 157 (1648 — А. А.) году, месяца сентября в 20 день, идучи с Ковымы реки морем, на пристанище, торгового человека Федота Алексеева чухочьи люди на драке ранили, и того Федота со мною, Семейкою, на море рознесло без вести. И носило меня, Семейку, по морю после покрова богородицы всюда неволею, и выбросило на берег в передней конец, за Анандырь реку». Дальше идут описания тяжелых походов С. Дежнева и его спутников, а в конце отписки, пожалуй, самое главное: «А с Ковымы реки итти морем на Анандырь реку, и есть Нос, вышел в море далеко, а не тот Нос, который от Чухочьи реки лежит, до того Носу Михайло Стадухин не доходил (т. е. до носа — мыса, который расположен у «Чухочьи реки», Стадухин доходил.— А. А.), а против того Носу есть два

¹ Новый год раньше начинался 1 сентября. Для перевода на современное летосчисление следует в первые четыре месяца (сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь) вычитать из года цифру 5509, а в следующие восемь месяцев (с января по август) — 5508. Например, год 156, месяц июнь. Надо из 156 (7156) вычесть 5508, получим 1648 год. В нашем случае мореходы вышли 20 июня 156 года, а 20 сентября 157 года Ф. Алексеева ранили. По нашему же календарю оба события произошли в 1648 году.

острова, а на тех островах живут чухчи, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбей зуб (т. е. прорезаны костью из рыбьего зуба.— А. А.), а лежит тот Нос промеж сивер на полуношник. А с рускую сторону Носа признака: вышла речка, становье тут у чухоч делано, что башни ис кости китовой. Нос поворотит кругом, к Онандыре реке подлегло (Б. П. Полевой прочитал это слово, на наш взгляд, точнее — «под лето», т. е. на юг.— А. А.). А доброго побегу от Носа до Онандыри реки трои сутки, а боле нет. А итти от берегу до реки недале (недалеко.— А. А.), потому что река Анандырь пала в губу. А в прошлом 162 году ходил я, Семейка, возле моря в поход. И отгромил я, Семейка, у коряков якуцкую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что де Федот и служилой человек Герасим померли цынгою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие (т. е. осталось мало людей.— А. А.) люди и побежали в лодках с одною душою (т. е. побежали без припасов, оружия и снаряжения.— А. А.), не знаю де куда»¹.

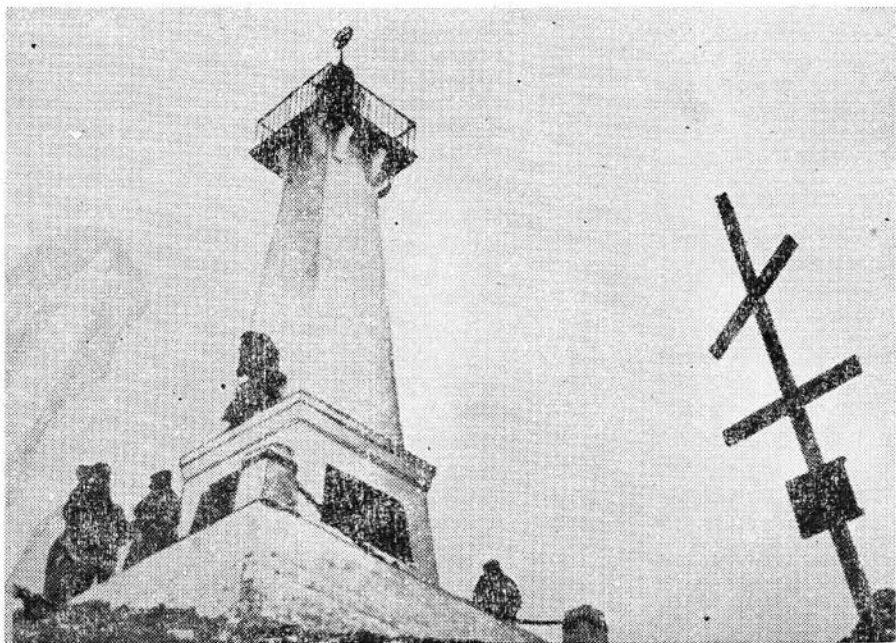
Существует и еще несколько документов, из которых можно составить представление об историческом предприятии Федота Алексеева, которое столь успешно удалось завершить служилому человеку казаку Семену Дежневу. Федот Алексеев погиб, но его имя, имя организатора и руководителя плавания на первом его этапе, не должно быть предано забвению. Случилось так, что первыми найдены были отписки С. Дежнева, о которых миру поведал Г. Миллер. На этом основании переименовали мыс Восточный в мыс Дежнева в 1898 году, а теперь там установлен памятник Дежневу. Справедливо установлен, но было бы еще лучше, если бы памятник установили Алексееву и Дежневу. Это одна из тех исторических легенд, которые сама же история впоследствии опровергла.

Семену Дежневу посвящено много произведений и исследований, и только в связи с ним вспоминается имя инициатора и руководителя экспедиции. Во многих книгах и научных исследованиях о С. Дежневе рассказано все, что стало известно в результате архивных поисков. Цитируя документы, мы показали, что это плавание не только дало важные сведения для географической науки, но и знаменовало также начало гидрографического изучения Берингова моря, Берингова пролива и Чукотского моря. Помимо того, что у русских людей появилось общее представление о Чукотке, которое наверняка было зафиксировано на не дошедших до нас чертежах, в отписках Дежнева и его спутников встречаются места с указанием гидрографических и даже гидрологических особенностей посещенных ими мест.

Так, например, в документах говорится, что «море около Большого Чукотского носу бывает не всякой год от льду чисто». А в другом месте говорится об открытии в 1652 году в устье реки Анадырь мели, простирающейся «далеко в море по северную сторону онаго устья»². Интересно упоминание в одном из документов о местоположении реки Анадырь

¹ Русские мореходы... сост. М. И. Белов, с. 130—132.

² Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб, 1758, январь, с. 17—18.

Памятник С. Дежневу на мысе Дежнева. Фото Б. Г. Масленникова

по представлениям служивых казаков. В челобитной казаков 1655 года, служивших с Семеном Дежневым, говорится: «Пошли мы, холопы и сироты твои, в судах на море для прииску, чтоб тебе государю где учинить прибыль прочная, и нашли мы усть той Анандыри реки за губою коргу, вышла в море далеко, а на ту коргу вылегает много морской зверь морж, и есть на той корге заморной зуб зверя того. И мы того зверя промышляли». А чуть раньше там же написано, что они просили, «чтобы итти нам охочим промышленным людям в ту новую землю (имеется в виду идти с реки Колымы.— А. А.), на ту захребетную реку Анандыр...»¹

В последние годы в науке разгорелся, как мне кажется, малопримечательный спор о том, что означал «Нос», который фигурирует неоднократно в отписках как самого Дежнева, так и его спутников. Последняя версия, а ее предлагает Б. П. Полевой, предполагает, что под «Носом» Дежнев имел в виду весь Чукотский полуостров. Версию приняли, она вполне устраивала и продолжает устраивать историков.

Не вступая в дальнейшую полемику в деталях, мне хотелось бы напомнить о том немаловажном обстоятельстве, что ни Дежнев да и никто из русских людей того времени не знали, что такое Чукотский полуостров. Достаточно посмотреть на карты Ремезова, чтобы убедиться в этом. Сейчас, когда есть точные карты всех этих районов, можно рас-

¹ Русские мореходы... сост. М. И. Белов, с. 123.

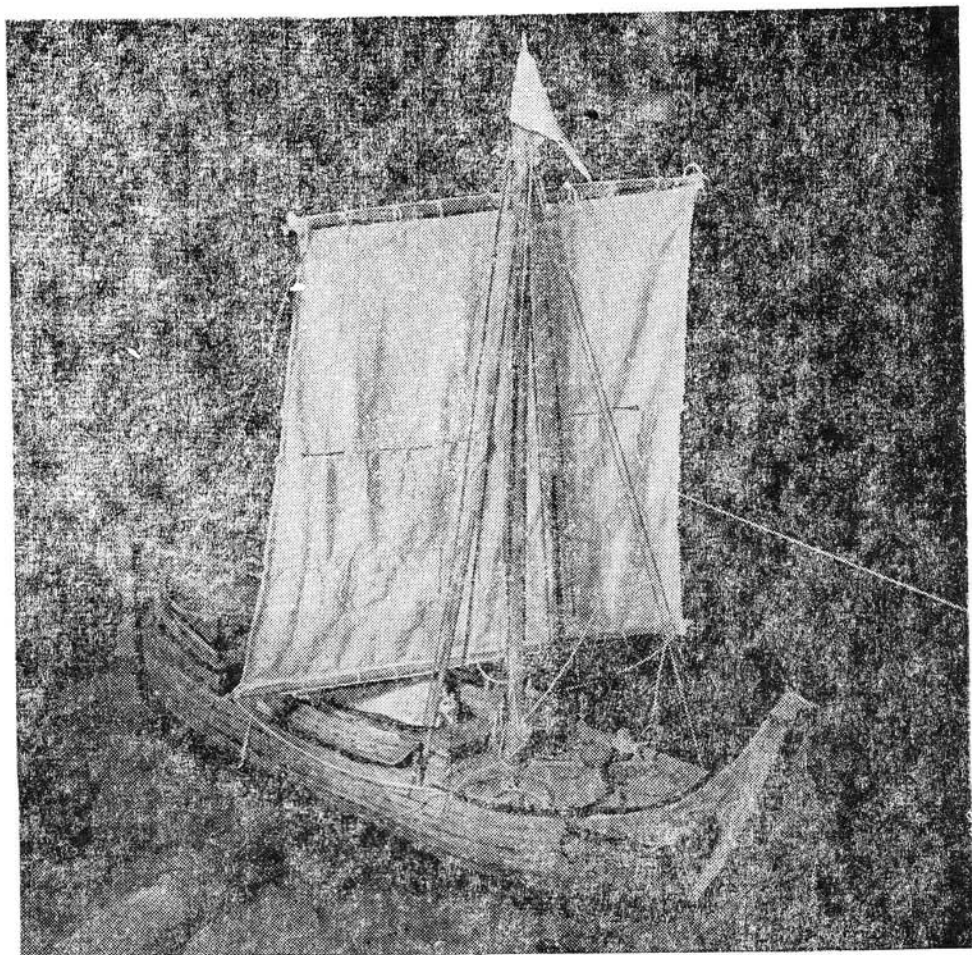
суждать и сопоставлять, где был Дежнев и что он видел. Но никак нельзя приписывать современные выводы нашим предкам. Да и выводы эти надо делать осторожно, сверяясь с географической наукой, а не только с историей, опирающейся в данном случае на одни отписки, найденные через сотни лет. Нельзя забывать, что их писали тоже люди со своими заботами, недостатками, временными интересами.

Что же касается понятия «нос», то в Сибири и на Дальнем Востоке издревле существует такое понятие как «камень», означающее каменные, как правило, высокие горы. Если этот «камень» тянется на большое расстояние, то называли его хребтом. Хребет, который мы теперь называем Чукотским, был известен русским людям под названием просто «хребет», о чем говорит и вышеприведенная цитата. Окончанием же любого «камня» или «хребта» в море являлся «нос». Вот именно так и называли мореходы и землепроходцы окончание известного им хребта, разделяющего бассейны рек Колымы и Анадыря, не думая о том, идет этот хребет по полуострову или по чукотской земле.

Семен Дежнев не знал, что своим плаванием он совершил одно из выдающихся открытий, поставившее его в один ряд с великими мореплавателями, но в отличие от Колумба например, не знавшего до конца своей жизни, что он открыл Новый Свет, Семен Дежнев твердо знал, что он прошел по «морю-окияну» из устья Колымы в устье Анадыря, обогнув «нос», считавшийся не обходимым. Плавание Федота Алексеева и Семена Дежнева дало полное право считать Азию отделенной от Америки проливом и снимало навсегда вопрос о существовании между материками легендарного Анианского пролива.

Наконец, надо отметить еще одно, очень важное на наш взгляд, обстоятельство. Из приведенных документов отчасти уже видно, что плавание Федота Алексеева и Семена Дежнева нельзя рассматривать как выдающееся единичное событие. Нет, это плавание, хотя и стало историческим, но оно стояло в ряду многих плаваний русских людей вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Еще в 1633 году отряд Ивана Реброва плывал из Жиганска на Оленек, а в 1633—1635 годах Илья Перфильев с отрядом служилых и промышленных людей совершил плавание из Якутска в устье Оленека. Эти плавания мореходы затем неоднократно повторяли, открывали новые пути.

Летом 1643 года маршруты мореходов вплотную приблизились к современной Магаданской области, кочи плавали на севере современной Якутии. Летом же 1643 года Дмитрий Зырян, Михаил Стадухин, Семен Дежнев и многие другие пришли из устья Алазеи на Колыму, а в 1645 году на Колыму пришли уже из Якутска торговые и промышленные люди во главе с Петром Новоселовым. Потянулись русские люди на северо-восток. Шли они не только по рекам и по морю, хотя такой путь и считался легче сухопутного, но пробирались также и через горы, кочуя вместе с чукчами и коряками. С открытием Анадырского острога в 1649 году М. Стадухин вместе с С. Моторой открыли к нему путь с реки Анюй в 1650 году, а затем уж и путь на реку Пенжину, где в 1656 году был возобновлен Тауйский острог.

Коч (реконструкция М. И. Белова)

Движение землепроходцев на восток северным путем, из Лены и Колымы, начатое одновременно с выходом русских к Тихому океану в районе Охотского моря, открытие пролива между Азией и Америкой, основание Анадырского острога, соприкоснулись с другой волной землепроходцев — из Якутска на восток, завершившейся основанием Охотского острога. Некому было тогда сочинять на Руси точные карты, не было специалистов этого дела, но можно смело утверждать, что свое представление о береговой черте Чукотского полуострова у землепроходцев существовало, если даже принять во внимание, что о плавании Алексеева и Дежнева долго никто не знал. Кроме отписок, бывали в ходу чертежи неведомых земель и пути своего отряда. Они не дошли до нас, но можно полагать, что некоторыми из них пользовались составители наших са-

мых ранних русских карт, и в частности карт Годунова и Ремезова¹.

Несомненно, что о Камчатке, лежащей на стыке двух волн освоения Охотско-Чукотского края, землепроходцы знали. Опять-таки можно с полной уверенностью говорить, что документы об этом до нас не дошли. Но и то, что известно, убеждает в знакомстве русских людей с Камчаткой. Даже сохранившиеся свидетельства указывают на то, что в рукописных материалах и на картах того времени сохранилось это название. Правда, первоначально оно относилось к реке и к острову, а не к полуострову. А. В. Ефимов пишет, что в «Списке с чертежа Сибирской земли» (другое название «Описание новые земли Сибирского государства...») есть такое место (1672 год): «С левую сторону Ленскую позадке к Амурской стороне в море-океан больших рек пало: Охота, Рама, Товой, Тадуй, Анадырь, Пенжон, Камчатка, Чудон; а от Чюдона устья реки великий камень пошел во океан-море за 500 поприщ и устье великие реки Амура возле края океана-моря теплого. А за тем камнем нос, который в морскую пучину пошел...» В этом же документе есть место, которое А. В. Ефимов назвал местом огромной важности. И это действительно так: «...лежит тот камень кругом всей земли от Мангазейского моря и до Амурского, и тот камень протянулся в море и около его обойти никто не может, для того, что льды велики притискают и растирают, а взойти на него человеку невозможно, а есть проход в Китайское царство». И еще в том же документе: «а через тот камень ходу день, а как на него человек взойдет, и он оба моря видит: Ленское и Амурское»².

В этом сообщении суть всех тогдашних представлений о северо-востоке Азии. Чукотку и более близкие к Лене места русские люди знали довольно хорошо, они сообщали даже, что вокруг «носа» никто обойти не может. Впрочем, в другом месте этого же документа говорится и так, что «как бывает, что льды пропустят, и до того камня парусом добегают об одно лето, а как льды не пустят, и по три года доходят». Последнее известие говорит о том, что вокруг «носа» при благоприятных ледовых условиях можно благополучно обойти. Такое заявление, очевидно, исходит из практики. И, наверное, не только Алексеев с Дежневым обходили этот «не обходимый «нос». С другой же стороны, указание на большую протяженность камня в море и на невозможность его обойти говорит о противоречивости сведений об этом далеком районе. Видимо, слово «не обходимый», употребляемое без объяснений причин (льды), породило у составителей чертежей и карт тенденцию указывать на простирающийся где-то в этих местах в сторону Америки мыс, который некоторыми был переделан в перешеек, что, очевидно, и послужило одной из причин, побудивших Петра I записать в инструкции пункт В. Берингу о поисках пролива. Ибо невозможно представить, чтобы до Петербурга не дошли сведения если не об открытии пролива Алексеевым и Дежневым (простые люди тогда были не в счет), то хотя бы о наличии пролива вообще.

¹ Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов. М., 1965, с. 186.

² Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971, с. 118—119.

Указание же на реку Камчатку весьма примечательно по той причине, что сначала так называли реку, которая действительно существует и вкпе с другими упомянутыми реками в общем-то весьма правильно отнесена к Амурской стороне. Отметим, что сведения эти зафиксированы в 1672 году. В «Писании до ласкового читателя С. У. Ремезова» упомянут «Чертеж Сибири» 1684—1685 года как один из чертежей, выполненных в Тобольске после чертежа 1667 года и до его «Чертежной книги»¹. На этом чертеже отчетливо нанесены реки и среди них Анадыр, Камчатка, Пенжень, Товуй, Охвота. Береговая же черта нанесена вольно.

Общеизвестно, что первое изображение Камчатки появилось на «Печатном чертеже Сибири» 1667 года. Несомненно, оно пришло из чертежей мореходов и землепроходцев. На этнографическом чертеже Сибири 1673 года имеется надпись: «Камчадальска», расположенная между двумя реками, около произвольной формы полуострова, уходящего в море на неопределенное расстояние. На ней имеются и другие любопытные надписи, как, например, слово «чюкчей», нанесенное на полуострове, ограниченном двумя реками, впадающими в залив, отделенный, но не совсем — проход оставлен, серповидным ярко выраженным полуостровом, отделяющим эти реки и полуостров «чюкичей» от названия «Море Ледовитое». Нанесены также земли «ламунутска», «коряков» и «земля царства Гилятского». На карте же 1698 года название «Камчатка» отнесено к острову.

Еще раз повторим, что о Камчатке знали уже тогда, когда еще М. Стадухин в 1650 году вместе с С. Моторой открыл путь с реки Анюй к Анадырскому острогу, а затем и путь на реку Пенжину, где в 1656 году был возобновлен Тауйский острог (вспомним еще раз, что на чертеже 1684—1685 годов мы встречаем не только Камчатку, но и реку Товуй). И не случайно также появление на чертеже 1667 года наряду с надписью «Камчадальска» и такой, как «земля коряков».

Все эти указания на существование Камчатки (в виде реки, острова или полуострова) были подтверждены отписками и другими документами, относящимися к 90-м годам, о походах Луки Морозко в 1695—1696 годах и Владимира Атласова в 1696—1699 годах. Есть сведения, полученные от М. И. Белова, что по крайней мере пять походов на Камчатку можно насчитать и до них, включая походы Ивана Голыгина. Но прежде чем говорить о их влиянии на изображение береговой черты, хотелось бы отметить еще одно важное ремезовское творение, относящееся к 1701 году — ремезовский этнографический чертеж Сибири. Камчатка на нем по-прежнему означена рекой, но со следующими комментариями: «р. Камчатка, а живут по ней неясашные камчадалы, платье на них собачье, и соболье, и лисье, а луки у них маленьки усовые на жилах с тово переводу, что роженцы. А послен на те реки из якуцково в коряки казак Дмитрий Потапов 94-го году. Р. Камчатка Ивановской повост, а на Камчатке приходят люди и грамотны, платье на них азямы камчатые»². Сама собой напрашивается мысль, что чертеж этот составлялся еще до

¹ Атлас... под ред. А. В. Ефимова, № 34, с. 22.

² Атлас... сост. А. В. Ефимов.

походов Морозко и Атласова, или уж во всяком случае сведения эти еще не дошли до составителя. После 1700 года на картах Сибири Камчатка показывается в виде полуострова, хотя на них кое-где сохраняются надписи, говорящие об ее островном положении или относящиеся к реке.

Хотелось бы здесь высказать свое отношение к одной абсолютно неприемлемой, на наш взгляд, версии Б. П. Полевого, который ратует за то, что название «Камчатка» пошло от казака Ивана Камчатого, который в 1657 году был послан с Колымы на Чукотку.

Не вдаваясь в подробности этой надуманной версии, скажем лишь следующее. Давно доказано, что название это существовало и до 1657 года. Слово же «камчатый» имеет несколько значений, если посмотреть по словарю В. И. Даля или по другим старым русским словарям. Камка (отсюда камчатый) — это шелковая ткань с разводами, ныне малоупотребительная, узорчатая, нарядная, бросающаяся в глаза. Всенаучный (энциклопедический) словарь В. Ключникова утверждает, что камчатка — это браный холст, льняной, узорчатый. Сктерти и полотенца из него называются камчатыми. Можно еще сказать, что браный холст или браная ткань, то есть камчатая ткань, — это ткань полотняная белая узорчатая, из которой делают сктерти. Браное же шитье — это шитье цветными нитками по холсту¹. Неужели Иван Камчатый, который любил, согласно Б. П. Полевому, носить камчатые ткани, был таким богатым, что ткань, из которой делали сктерти и прочее убранство, была ему всегда по карману? Не атаману даже, а никому не известному до Б. П. Полевого казаку? Красивые извилистые реки или бугристые места, а также красиво изрезанные берега наши предки называли камчатыми. Не лишне напомнить, что казахское слово «камшат» означает «куница». Не случайно кроме отмеченных на Камчатке географических объектов в XIX веке существовало в Ишимском округе Тобольской губернии Камчатское озеро. Уж не от Ивана ли Камчатого и оно ведет свое название? Наконец, никто почему-то не пытается искать в архивах Ивана Татарского на берегах Татарского пролива.

Русские люди, не зная того, совершили множество географических открытий, которые в корне изменили представление о совершенно до того времени не известных пространствах земного шара и создали все предпосылки для дальнейших исследований. В результате этих походов и плаваний стало возможным создание на базе чертежей землепроходцев и мореходов первых русских карт и планов, а затем и атласов Сибири С. У. Ремезова и всех иностранных атласов.

Разумеется, говорить о специальных гидрографических работах во время этих походов не приходится. Да это было бы и неверно, но сами географические открытия, совершенные в XVII веке на Тихом океане, являются лучшим доказательством начавшихся гидрографических работ в этой части земного шара. Кроме того, сохранились и отдельные гидрографические документы, как, например, «Роспись» А. Филиппова и не-

¹ Всенаучный (энциклопедический) словарь под ред. В. Ключникова. СПб., 1878, ч. I, с. 264, 846.

которые гидрографические наблюдения, отмеченные в отписках мореходов и землепроходцев.

Вторая половина XVII столетия более бедна географическими открытиями в бассейнах морей Тихого океана. Это обстоятельство кроме всего прочего связано с политическими и экономическими причинами. Русской государственной власти необходимо было до конца разрешить первоочередную задачу: окончательно присоединить к Русскому государству все открытые земли, добиться перехода местных жителей в русское подданство и собрать ясак «мягкой рухлядью» или «рыбьим зубом».

При решении этих задач русские люди иногда наталкивались на сопротивление местных жителей, которое возрастало по мере все увеличивающегося произвола отдельных представителей власти. Полумирные, полувраждебные отношения, «которые не давали уверенности в прочном положении здесь русской государственности»¹, привели в конечном итоге впоследствии в некоторых местах к открытому выступлению.

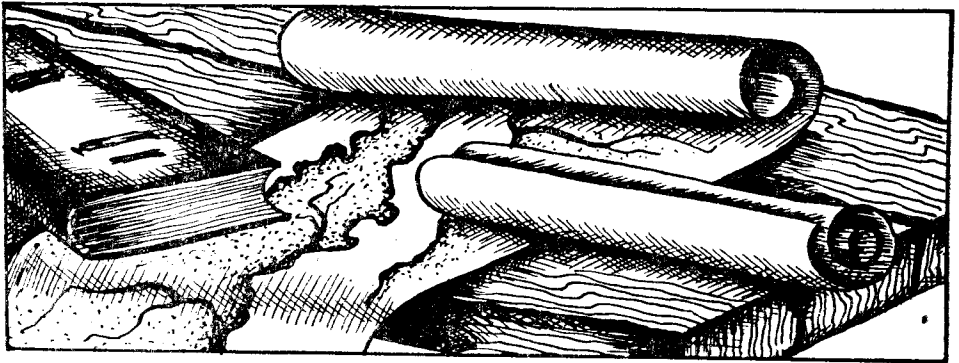
В 60—80-х годах XVII столетия по всему Охотско-Чукотскому краю прокатилась волна восстаний, на подавление которых были брошены все силы местных гарнизонов, казаков и служилых. Сопротивление свободолюбивого чукотского народа продолжалось до самого конца первой половины XVIII века. Принимая меры к усмирению восставших, правительство неизменно предписывало местным властям действовать «ласкою». И эти миролюбивые целеустремления привели к тому, что русская государственная власть укрепила свое влияние на всем дальневосточном побережье, где появились русские поселения — зимовья и остроги.

За сравнительно короткий исторический промежуток времени русские землепроходцы совершили небывалый по своим масштабам гражданский и научный подвиг. За это время в общих чертах стала известна большая часть побережья Охотско-Чукотско-Камчатского края и открыт пролив, отделяющий Азию от Америки, появились не только чертежи, но и карты, в которых эти чертежи были использованы, появились и первые гидрографические описи.

Гидрографические исследования носили рекогносцировочный, описной характер и не выходили за рамки самых общих представлений о характере берегов, гидрологическом режиме морей и впадающих в них рек. Методом гидрографических исследований явился метод попутной описи. Часто такую опись делали уже по возвращении из экспедиции-похода, когда в канцеляриях острогов записывали устные показания мореходов, составляли «скаску». Отсутствие каких-либо специальных штурманских инструментов не позволяло составлять карты на научной основе.

Великие и малые географические открытия, совершенные в это время русскими землепроходцами и мореходами, проложили путь к дальнейшим научным исследованиям уже присоединенных к России земель, к организации первых правительственных экспедиций в северную часть Тихого океана и к развитию гидрографических исследований.

¹ Огородников В. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII вв. Иркутск, 1920, с. 37.

Глава третья

О ЧЕРТЕЖАХ, КОТОРЫЕ СОХРАНИЛИСЬ

До сих пор мы говорили о картах, составленных на основании отписок и чертежей мореходов и землепроходцев, которые не сохранились до нашего времени и судить о которых мы можем лишь по тем местам иностранных и русских карт, куда они вошли частично или полностью. Иногда о таком заимствовании или использовании авторы карт говорили сами, а иногда об этом можно было лишь догадываться. Сейчас же мы поговорим о старинных русских чертежах, сохранившихся до настоящего времени в архивах. По методике составления они продолжают традиции тех чертежей, на которых основаны, например, карты С. У. Ремезова, но с появлением русских морских офицеров, доставивших в эти края первые геодезические или гидрографические инструменты, они совершенно изменились. Это относится прежде всего к ориентировке подобных чертежей, а затем и к нанесению береговой черты с использованием компаса, что стало своего рода началом морской описи.

После того как появились первые чертежи Чукотки и сопредельных ей земель, а также исполненные с их использованием карты, познания русских землепроходцев расширились за счет открытия Камчатки, а затем и Курильских островов. Вполне возможно, что уже тогда им стало известно и о земле, находящейся за проливом, то есть об Америке.

Многолетние дебаты ведутся по поводу Федота Алексеева: был ли он или хотя бы его сын, или же наконец кто-либо из его спутников или казаков той поры на Камчатке ранее 80-х годов XVII столетия? Ограничусь лишь общими соображениями, так как твердо убежден, что и до 80-х годов русские люди там неоднократно бывали, но доказательств тому не сохранилось.

Все версии о раннем пребывании русских людей на Камчатке начались с показаний С. Дежнева, относящихся к 1655 году, о «якуцкой бабе» Федота Алексеева. Рассказы камчадалов, передававшиеся из поколения в поколение, о русских, поселившихся среди них в давние времена, нельзя не принимать во внимание. На Камчатке русские люди бывали и после плавания Ф. Алексеева и С. Дежнева. М. И. Белов насчитал четыре похода до похода В. Атласова: первый между 1686 и 1689 годами, затем в 1691—1692, 1693—1694 и 1695—1696 годах. Походы Луки Морозко и Ивана Голыгина в 1691—1692, 1693—1694 годах и Владимира Атласова в 1697—1699 годах дали нам первые описания Камчатки, первые ее достоверные чертежи и сведения о ее населении¹.

На карте, составленной по данным пятидесятника Владимира Кубасова, датированной 1701 годом и названной «Чертеж вновь Камчадальския земли и моря», учтены сведения многих походов. И несмотря на то, что она по современным понятиям во многом несовершенна, на ней уже тогда Чукотка нанесена как полуостров, по своей форме отдаленно напоминающий реальный. Полуостров, южнее Чукотского, на этой карте имеет довольно узкий перешеек, соединяющий его с материком. Севернее перешейка надпись: «Море Акиан за носом Ледовитым», а к югу «Море Люторское». А река Анадырь показана впадающей в море-океан, то есть южнее полуострова, который можно принять за Чукотку, хотя на нем и нет никаких надписей. На полуострове южнее написано: «Живут чюкчи и коряки и люторцы беглые от ясаку». От устья Колымы и до устья Анадыря нанесено совсем немного земли, но зато отчетливо вырисован уходящий в море-океан Чукотский нос.

Береговая черта от Анадырского устья до Камчатки значительно длиннее и представлена кроме моря Олюторского еще несколькими неподписанными заливами, образующими по крайней мере два полуострова, на одном из которых есть надпись: «Волные чюкчи. Остров Каменной». Камчатка хотя и изображена в виде полуострова, но на нем надпись: «Остров Камчатской приходят люди грамотные, платье на них азямы камчатые». Река Камчатка показана вытекающей из Олюторской губы (там надпись: «Река Камчатка») и текущей слева от хребта (надпись: «Камчатой нос») на полуостров Камчатку. В пределах полуострова имеются еще две надписи: «Река Камчатка» и «О. Устье Камчатки реки». Любопытно, что на карте нанесен маршрут путешествия В. Кубасова и хребты-камни. На одном из таких хребтов-камней и сохранилась надпись: «Камчатой нос» — явное подтверждение, что русские люди того времени в какой-то мере отождествляли названия «камень», «хребет» и «нос»².

М. И. Белов, чрезвычайно много и полезно потрудившийся над выявлением архивных материалов о мореплавателях на северо-востоке Сибири в XVII веке, выделил несколько плаваний вокруг современного

¹ Степанов Н. Н. Первые русские на Камчатке.— Страны и народы Востока. М., 1982, вып. XXIV, кн. 5, с. 21.

² Атлас... сост. А. В. Ефимов, с. 32.

мыса Дежнева. Помимо Федота Алексеева и Семена Дежнева этим путем или частью его проходили: Михаил Стадухин — из Нижнеколымска до Шелагского мыса, откуда, вероятнее всего, сухим путем он перешел на Анадырь в 1649 году; Курбат Иванов, ходивший в 1660 году из Анадыря к Чукотскому носу и возвратившийся в Анадырь; Иван Хворый и Иван Рубец, в 1662 году перешедшие с Лены на Колыму, а оттуда с Омолона на Анадырь; Никита Катасонов и Осип Иванов — из Якутска на Колыму и затем на Анадырь в 1664 году; Родион Кобелев с отрядом в 1668 году перешел из Якутска на Яну, а оттуда на Анадырь; Третьяк Аллаев в 1672 году перешел из Якутска в устье Лены, а затем в Анадырь; в 1675 году таким же путем прошел Осип Иванов, а в 1680 году из Якутска в Яну, а оттуда на Анадырь ходил Иван Курбатов; в 1683 году Иван Голыгин совершил поход из Анадыря в устье Колымы вокруг Чукотского носа, а в 1688 году Иван Кузнецов вышел в поход из Анадыря и не вернулся¹.

Вот сколько было только теперь ставших известными походов-плаваний по рекам или по морю, совершенных в устье Анадыря или в Анадырский острог, а также и из него. Естественно, ни один из них не оставался бесследным — отписки, чертежи своевременно приходили к воеводам. Весьма часто дело на этом, к великому сожалению, и заканчивалось. В лучшем случае воеводы делали список-копию и отсылали его в Сибирский приказ в Москву. Если же, по их мнению, такой поход не представлял особого интереса, то он становился лишь достоянием молвы. Сами отписки или пропадали, или спустя какое-то время сгорали во время частных пожаров, а архивное дело еще не было поставлено должным образом.

Если на Охотском побережье центром русской жизни стал Охотский острог, то на Чукотке такую роль играл Анадырский острог, основанный в 1649 году Семеном Дежневым. Из него русские люди неуклонно продвигались на юг и, как мы уже видели, весьма скоро побывали на Камчатке. Если самые ранние походы туда относятся к 1686 году, то уже в 1693 году около двадцати анадырских казаков основали на Камчатке первое русское зимовье. Исторический поход В. В. Атласова явился тем событием, которое окончательно позволило считать Камчатку присоединенной к Русскому государству. Во время похода 1697—1699 годов Атласов основал Верхнекамчатский острог-зимовье. Кроме известий о Курильских островах Атласову потомство обязано описанием Камчатки. О познании русскими гидрографии морей говорится в показании Атласова, данном им в 1701 году в Москве: «меж Колымы и Анадыря реки необходимой нос, который впал в море, и по левой стороне того носу на море бывают льды, а зимою то море стоит мерзло, а по другую сторону этого носу весною льды бывают, а летом не бывают. А на этом необходимом носу он, Володимир, не бывал. А тутошние инородцы чюкчи, которые живут около того носу и на устье Анадыря реки, сказывали, что

¹ Русские мореходы... сост. М. И. Белов, с. 330—339.

против того необходимого носу есть остров, а с того острова зимою, как море замерзнет, приходят иноземцы»¹.

Этот уровень знаний об Охотско-Чукотско-Камчатском крае на рубеже двух столетий уже нашел свое отражение на «Чертеже вновь Камчадалской земли» (Чертеж Камчатки Ремезова — Атласова) 1700 года. На нем значительно лучше нанесено Охотское море с двумя островами на южной его стороне: один (между Охотой, Ямой и Олой) соответствует островам Спафарьева или Завьялова, а может быть, и Ямским островам, а второй — Шантарским. Здесь написано: «Остров значится от Удского устья в дали». Кстати, это еще одно убедительное доказательство того, что Москвитин и его товарищи принимали именно этот остров или эти острова (они могли видеть, что их несколько) за острова Гиляцкой орды.

Существенно новым стало на этом чертеже появление двух надписей. Напротив Чукотки, а точнее напротив дважды повторенной надписи «Корга Чюконка», нанесена большая земля с надписью: «Землица вновь проведенная. Остроги многи. Кынынцы». Вполне можно думать, что это указание на Аляску, несомненно известную не только местным жителям, но и русским людям, только они не знали, что это Америка. На карте-чертеже нанесен также остров Карагинский, остроги на самой Камчатке и другие подробности. Примечательна и надпись, указывающая на открытие Курильских островов: «Земля Курилска на озере и на островах». Южнее надписи нарисован полуостров, наверное мыс Лопатка, а затем острова; между ними и Камчаткой есть характерная надпись: «Пучина» и «Зде унесло». Морякам хорошо известно такое явление, каким является сулой, который встречается чаще всего в проливах и особенно характерен для Курильских проливов. Видимо, мореходы пробовали здесь плавать и убедились в том, какая тут пучина, а может быть и унесло тут кого-нибудь².

Во время похода на Камчатку В. Атласов в 1697 году получил первые подробные сведения о «Курильской земле». В 1701 году он доносил: «А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах города каменные и живут люди, а какие — про то иноземцы сказать не умеют»³. В 1703 году В. Атласовым был основан Нижнекамчатский острог. Важные сведения о Курильских островах доставил в 1706 году Михаил Наседкин, который «вновь явственно видел с мыса Лопатка сушу на юге за проливом»⁴. В 1700 году на Камчатке приказчиком И. Кобелевым был основан Большерецкий острог. Походы русских людей из Якутска в Анадырский острог и на Камчатку стали обычными. Но все они проходили сухим путем. Такие переходы занимали много времени, были трудны и

¹ Цит. по Н. Н. Зубову. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954, с. 54.

² Атлас... сост. А. В. Ефимов, с. 33.

³ Тихоокеанская эпопея. ДИБ. Хабаровск, 1979, с. 110.

⁴ Соловьев А. И. Курильские острова. М., 1947, с. 11—12.

дорогостоящи. Поэтому возник вопрос об отыскании морского пути из Охотска на Камчатку. Выгоды морского сообщения Охотска с открытой и быстро осваиваемой Камчаткой были очевидны.

В 1710 году сибирский губернатор М. П. Гагарин в инструкции от 17 марта предписывал якутскому воеводе Д. А. Траурнихту: «С Ламы проведывать чрез море путь на Камчатку»¹. Исполняя это распоряжение, воевода в наказе от 9 сентября 1710 года, данном якутскому каза-чьему пятидесятнику Василию Савостьянову, посылаемому на Камчатку, предписал «проведывать пути к Тауйскому и Ламскому острогам через Ламское море русскими людьми и ясачными иноземцы, как мочно»², то есть «проведать» морской путь из Камчатки к северо-западному побережью Охотского моря, минуя Пенжинский залив.

Вслед за этим Траурнихт в 1711 году послал охотского приказчика Петра Гуторова с тем же заданием. Он, добравшись до Тауйского острога, сделал оттуда попытку добраться до Камчатки морем. Как ни старались тщательно готовить поход, он не дал желаемых результатов, так как не хватало мореходов и мореходных инструментов. Гуторову на ботах-однодеревках без компаса, на судах, совершенно не приспособленных к дальним морским плаваниям, удалось все же, идучи вдоль берега, с большим трудом добраться до устья реки Иглиган (теперь Сиглан), хотя из донесения его видно, что он собирался пройти в Пенжинский залив³. На этом попытки достичь морем Камчатки не прекратились. Освоение Камчатки продолжалось. Важное место в истории изучения Камчатки и островов, лежащих к югу от нее, с точки зрения представлений русских людей о береговой черте, занимают чертежи и донесения казака Ивана Петровича Козыревского. Если о существовании Курильских островов люди узнали от В. Атласова, то в результате походов Анциферова и Козыревского на эти острова в 1711 году и позже началось их первоначальное освоение русскими. Результатом похода стал представленный в 1713 году чертеж, на основе которого в том же 1713 году С. У. Ремезовым составлена наиболее ранняя из известных, очень подробная карта Камчатки, Курильских и Японских островов.

На Камчатке нанесено все, что было о ней известно, и в частности реки этого полуострова, а также остроги. Отлично прочерчен путь Козыревского по Камчатке и на Курильские острова. В конце маршрута надпись: «До сего места доходили служилой Иван Козыревской с 18 человеки и видели острова». На карте показан существовавший тогда путь из Якутска на Камчатку, на юге нанесен даже Матмай, а на севере рядом с Шелагским носом фигурирует «Нос непроходимой», который стали обозначать на всех чертежах особенно те составители, которые сами там не бывали и переносили сведения из старых чертежей. «Повинен» в этом деле и С. У. Ремезов, превративший со временем «нос», не всегда проходимый из-за льдов, в «нос», вообще не проходимый, что, несомнен-

¹ Памятники сибирской истории (ПСИ), т. II, док. 121, с. 522.

² ПСИ, т. I, док. 99.

³ Летопись занятий в Археологической комиссии, 1862, вып. 1, с. 12—14.

но, как-то повлияло и на новое появление версии о соединении Азии с Америкой¹.

В 1726 году, находясь в Якутске, И. П. Козыревский представил В. И. Берингу «Чертеж Камчадальского Носу и морским островам». На этом драгоценном документе (иначе и говорить-то про него не хочется) отразились все последние представления русских людей не только о Камчатке, но также и о всех Курильских островах, нанесенных в правильной последовательности.

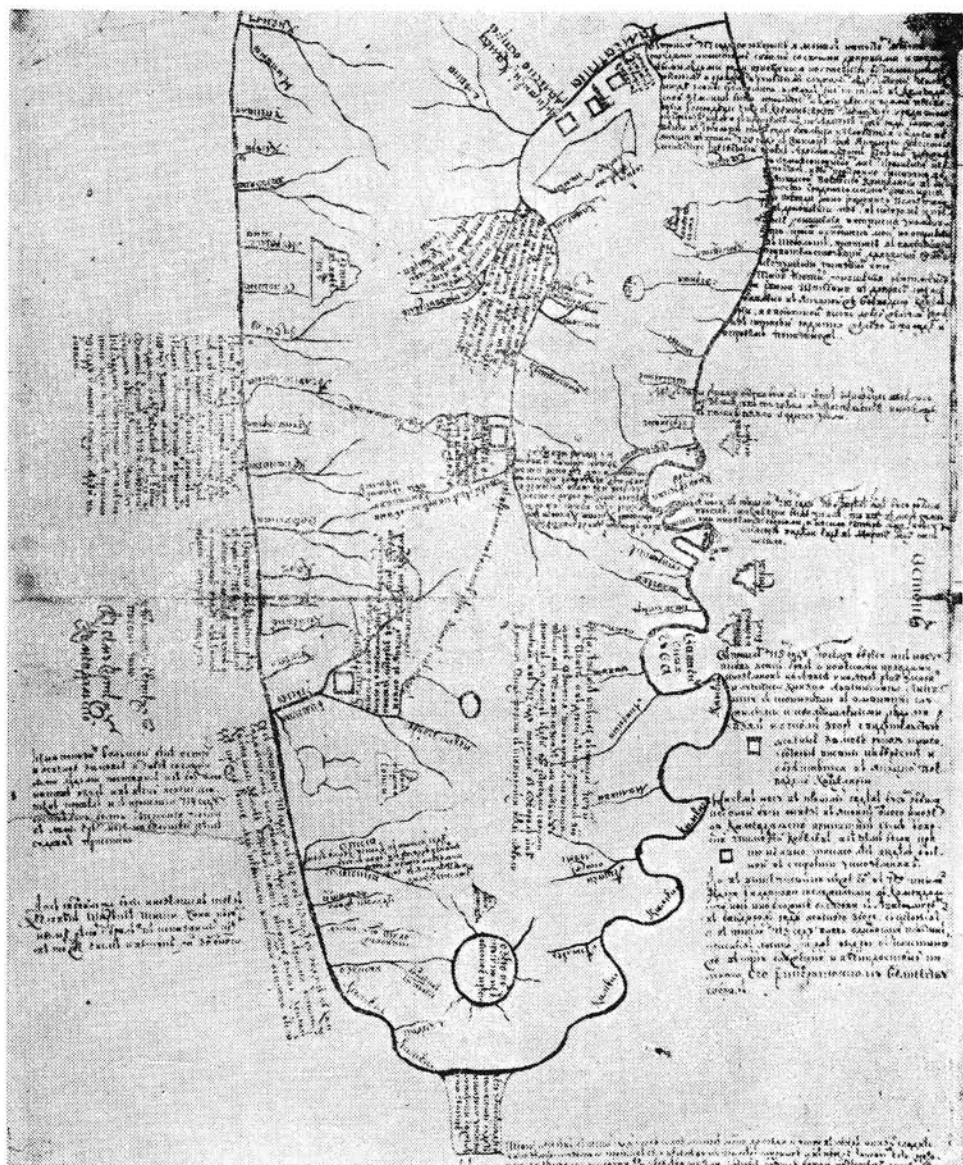
Карта И. Козыревского является своеобразным описанием, сделанным большею частью на основании его собственных наблюдений и частью по сведениям, полученным от местных жителей. Описание дано в виде рассказа о своих действиях в этих местах. Так, например, против рек Большая, Опала, Голыгина, Амшилова и других Козыревский написал: «А с прошлого 711 году и в 1712 и в 713 годах ходил в Камчадальской Нос со служилыми людьми и с верными ясашными камчадалы землею и морем, и ясак в казну вновь збирал, где прежде русские не бывали, и на ближних островах был». А рядом с Лопаткой надпись: «Первой перелев. В легких судах своею силою наскоре можно до обеда из утра вперед и назад сходить. А иноземцы сказывали: против сего перелеву, например, шириною и вперед таковы ж есть, но токмо до Итурупы острова три перелевы широки, которые подписью объявил на чертеже при сем же». Затем следуют описания не только всех Курильских островов и проливов между ними, но и описание Японии: «Государство стоит в великой губе морской над рекою, званием их Эдо, общим называют Нифонское, а люди называются нифонцы»².

Иван Петрович Козыревский — личность незаурядная в истории русских географических исследований на Дальнем Востоке. Благодаря неутомимой деятельности русских и советских историков биография его довольно хорошо известна. Родился он около 1680 года, внук ссыльного поляка, взятого в плен под Смоленском в 1654 году, Федора Козыревского. Этот военнопленный был сослан в Якутск, здесь женился. Когда Федор Козыревский получил право возвратиться на родину в 1667 году, он, будучи в это время в Тобольске, дал согласие остаться на «вечную службу» в Сибири, за что был пожалован званием сына боярского. Служил он, как сообщает Б. П. Полевой, «начальным человеком» — приказным Нижневилуйского, Верхнеянского, Чаринского (уж не там ли, где сейчас станция БАМа — Чара?), Чечуйского волока и в других местах.

Один из его сыновей, Петр Козыревский, человек необузданного нрава, имел трех сыновей — Ивана, Петра и Михаила. Во время ссоры он убил свою жену, за что был сурово наказан. Стремясь избежать возмездия, Козыревский сбежал, но через пять лет его поймали, жгли каленым железом, били кнутом и пропустили сквозь строй казаков со шпирцутеями. Разжалованный и искалеченный, он обратился к царю с челобитной «приверстать в пешую казачью службу на убылое место и послать

¹ Атлас... сост. А. В. Ефимов, с. 34—35.

² Русская Тихоокеанская эпопея... с. 447—458.

Камчатка на карте И. П. Козыревского

меня послужить тебе, великому государю, на новую Камчатку реку»¹.

Просьба его была удовлетворена, и в сентябре 1700 года вместе с сыновьями он отправился на Камчатку в составе команды Тимофея Кобелева. Память о пребывании Петра Козыревского на Камчатке сохранил один из притоков реки Камчатки — река Козыревская. В 1704 году он повез вместе с другими ясак в Якутск, а на обратном пути в 1705 году был убит вместе со спутниками коряками вблизи реки Караги. Вскоре после этого его сыновья Иван и Петр были поверстаны в казаки.

В то время приказчиком на Камчатке был В. В. Атласов, он часто несправедливо относился к казакам. Несколько раз за различные провинности держал Ивана Козыревского в кандалах, поэтому тот вскоре оказался вместе с казаками, сговорившимися убрать Атласова. Б. П. Полевой пишет, что во время чтения фальшивой челобитной Козыревского Атласов был убит ударом в спину. Убили также и приказчиков Чирикова Петра и Липина Осипа. У Атласова остался сын Иван Владимирович. Потомки «Камчатского Ермака» — В. В. Атласова прослеживаются до середины XIX века: среди защитников Петропавловска были Атласовы.

Предводитель заговорщиков Данила Яковлевич Анциферов из Томска и другие казаки охотно избрали грамотного, молодого и храброго казака Ивана Козыревского своим есаулом. Не дожидаясь неминуемой расправы и для того, чтобы «замолить грехи», восставшие решили идти с устья реки Большой на юг Камчатки. Так начался первый поход в 1711 году казаков под руководством Д. Я. Анциферова и при участии И. П. Козыревского на Курильские острова, который продолжался с 1 августа по 18 сентября.

Участники плавания побывали только на Первом Курильском острове — Шумшу. Козыревский на своем знаменитом чертеже написал о нем так: «Остров первой Шумчю. На сем острову живут иноземцы званием Курила, и на дальние острова которые ходят, и те головы свои бреют до затылку по тамошнему обычаю, и кланяются на коленках, також из дальних островов приходят ради покупки бобров, и лисиц, и орлов, и орлового перья»².

В феврале 1712 года авачинские камчадалы убили на реке Авача, в балагане, Д. Я. Анциферова и 25 служилых казаков, поэтому поход на юг возглавил И. П. Козыревский. Он дошел до берегу до мыса Лопатка и составил «Чертеж вновь Камчадалские земли и моря». Во время этого похода «с Воровской и с Кыкчика рек в прошлом 712 году разговором в ясашной платеж призвал, и аманатов взял, и в Большерецком остроге посадил»³.

Наиболее результативным стал поход Козыревского в 1713 году, когда он побывал на двух Курильских островах, подходил и к третьему острову. В походе под предводительством И. Козыревского участвовало

¹ Полевой Б. П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982, с. 16—18.

² ЦГАДА, ф. 199, д. 533, № 8, л. 6 об.

³ Там же, л. 4, 5.

55 человек. Много неясного до сих пор относительно похода 1713 года. В его кратком описании есть слова, из которых можно вывести заключение, что козыревцы побывали не только на двух-трех островах, но подходили и к некоторым другим: «От Камчатской земли морем до первого острова парусом бежали день, на второй остров половину дня гребли, на третьей — день парусом бежали, на четвертой половину дня парусом же бежали. А на том острове людей множество и за их многолюдством на остров не ходили и бою с ними не дали... И ходили они, казаки, по многим островам недели с четыре, и находили на островах людей множество. А люди гораздо волосами обрастают, а платье они, иноземцы, делают себе из крапивы, и краски делают сами ж на тех же островах. А по скаске их, иноземцев, до японского первого города Матмая не доходили де за 7 дней, да они ж, иноземцы, сказывали, что около их в близости есть островов с 70 и больше и от последнего острова до Матманского города приезжают судами дни в 3 и в 4, а как они поехали от островов и приехали в 5 дней к Камчатской земле»¹.

В 1714—1715 годах, как это следует из обширной легенды на чертеже, представленном много позже, в 1726 году в Якутске В. И. Берингу, Козыревский собирал ясак по рекам Камчатки, побывал снова в 1715 году на Курильских островах. Затем, как сообщает сам Козыревский, «по обещанию» он стал монахом Игнатием Козыревским — постригся в монахи, хотел строить Успенский храм в долине реки Камчатки. Стал проситься в Тобольск, но архимандрит якутский Феофан его не отпустил.

В жизни Козыревского наступает тяжелое время. Он порвал отношения с братом Петром. Тот сгоряча напомнил ему об участии в гибели В. В. Атласова, на что якобы Иван Козыревский ответил так: «Которые де люди царубойцы, и те де живут приставлены у государевых дел, а не великое дело, что на Камчатке приказчиков убивать»². В Якутске Козыревскому удалось отказаться от этих слов и от убийства В. В. Атласова. Более того, он участвовал в 1721 году в строительстве Покровского, а в 1722 году — Спасского монастырей.

Затем подобная жизнь, видимо, надоела умному вольному и строптивому казаку-монаху, он присвоил казенные деньги, за что был посажен на цепь в тюрьму, в Спасском монастыре, который он сам строил. Из тюрьмы он бежал в 1724 году. Писал во все инстанции письма, челобитные, стал проситься в плавание на Курильские острова, предлагал организовать экспедицию в Японию. Дошло до того, что он фигурировал в доношении Сената Екатерине I от 18 января 1727 года в связи с результатами экспедиции Я. А. Ельчина: «Да и в 725 году ноября 14 дня пребывающий ныне в Сибири губернатор кн. Долгорукой в Сенат доносил, что монах Игнатей Козыревской, которой прежде бывал на Камчатке, о новых же землях и островах показывает, о котором монахе он, губернатор, писал к посланному морского флота к капитану Витез Берингу, чтоб его просил и уведомился чрез ево о всем подлинно, и буде он

¹ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, д. 43, л. 375—376.

² ПСИ, XVIII в. 1885, т. II, с. 272.

к походу ево, капитанскому, удобен, то бо взятье учинил по своему рассмотрению»¹.

Встреча состоялась 6 июня 1726 года. Козыревский представил Берингу описание, историю Камчатки и «Чертеж как Камчадалского носу, також и морским островам, коликое число островов от Камчадалского носу до Матмайского и Нифона островов...»². Видимо, Козыревский не во всем настолько устраивал Беринга, чтобы взять его с собой в плавание, и он лишь в полную меру воспользовался щедрыми подарками монаха-путешественника, его рассказами, описанием и чертежом, которые затем попали в Петербург и сохранились, к счастью, до нашего времени, вызывая восторг и удивление исследователей, начиная с Г. Ф. Миллера, опубликовавшего сведения Козыревского в 1774 году в приложении к труду «География и нынешнее состояние Камчатки». Можно предположить, что Беринг передал материалы Козыревского Миллеру вскоре после встречи с ним. Во всяком случае в 1737 году Миллер уже работал с ними, и благодаря Миллеру сообщение и чертеж Козыревского сохранились до сих пор.

А. С. Полонский, А. С. Сгибнев, Л. С. Берг, А. И. Андреев и многие другие исследователи обращались в разное время к этим важным историческим документам³. В настоящее время установлено, что Козыревский по крайней мере трижды посылал свои чертежи в Тобольск С. У. Ремезову: в 1711, 1712 и 1713 годах. По А. И. Андрееву, один из чертежей Ремезова в «Служебной чертежной книге» подтверждает, что Ремезов знал известия Козыревского и его чертежи. На чертеже Камчатки, соседних земель и островов на листах 103 об.—104 «Служебной чертежной книги» С. У. Ремезов собственноручно сделал надпись в южной части Камчатки: «До сего места доходили служилой Иван Козыревской с 18 человеки и видели острова» и далее к югу находили изображения островов с надписями: «Первой остров», «Второй остров, с него взят апонцы землю», несколько к западу от него «Остров, значитца земляца, а по скаскам иноземцов живут люди своеязычные»; к югу от Авачинской губы Ремезов нанес несколько земель и островов, из которых последний Матмай. Как известно, в 1713 году Козыревский, посланный в третий раз в Камчатку «для проведывания от Камчатского носу за перелевами морских островов и Апонского государства», представил по возвращении отчет о своей экспедиции и тем «островам чертеж даже и до Матмайского острова». Этот третий чертеж Козыревского 1713 года несомненно использовал С. У. Ремезов для своего нового чертежа Камчатки. Так как ранние чертежи Козыревского не сохранились, то основанный на них

¹ Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979, с. 135.

² ЦГАДА, ф. 199, д. 533, № 2, л. 4.

³ Сгибнев А. С.—Морской сборник, 1869, № 2; Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Л., 1935, с. 159—161; Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948, с. 150—157; Полевой Б. П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982, с. 15—36; Гольденберг Л. А. Между двумя экспедициями Беринга. Магадан, 1984, с. 40; и другие.

чертеж С. У. Ремезова приобретает особую ценность: это первый русский чертеж Камчатки, Курильских и Японских островов, отражающий имевшиеся тогда сведения»¹.

Разочаровавшись в Беринге, который не взял его в экспедицию, Козыревский сумел присоединиться к экспедиции А. Ф. Шестакова и Д. И. Павлуцкого. Участие Козыревского интересно для нас тем, что он не только вместе с подмастерьем Спешневым строил морское судно в районе Усть-Кутска, но и «желал на оном морском судне Ленским устьем вытти на Северное море», на котором, по рассказам, «и в летнее время лед от земли не относит и не тает, дабы подлинно оное осмотреть и уведомитца, можно ль пройтить от Ленского устья до Восточного моря, и ежели де от оного устья до того моря судами выттить будет возможно, то де будет великая польза»².

Рассказом об этом плавании, которое впервые удалось восстановить по архивным материалам Л. А. Гольденбергу³. Но прежде внесем ясность в один вопрос. Все без исключения исследователи ошибочно приписывают судну название «Эверс». Дело в том, что это судно относилось к типу эверсов — разновидности тендеров. Так, скажем, как у Беринга «Петр» и «Павел» относились к типу пакетботов, а «Св. Гавриил» — к типу ботов и так далее. Видимо, эверс Козыревского не имел специального названия, как это часто случалось у мореходов той поры (например, кочи Алексеева и Дежнева), и во всех документах судно просто называлось эверсом. Впоследствии историки, недостаточно знакомые с историей кораблестроения, стали принимать это слово за наименование судна.

16 августа 1728 года в числе прочих сухопутных отрядов экспедиции А. Ф. Шестакова отправился из Якутска и эверс для «проведывания Ленского устья и от Северного к Восточному морю ходу». На его борту находилось 24 казака, матросы-мореходы М. Турнаев и Г. Беляев. Руководителем похода Шестаков назначил Козыревского. Добравшись до Сиктяха, расположенного ниже Жиганского зимовья, Козыревский и мореходы убедились в том, что в узком месте Лены («трубе») между горами Хараулах и кряжем Чекановского, эверсу не пройти к устью реки. Они приняли решение оставить судно, а сами купили у монаха Нила Юрганова карбас, на котором и продолжили исследования в устье Лены. Как сообщает Л. А. Гольденберг, использовавший отчет Козыревского об этом плавании, мореходы побывали во всех четырех рукавах Лены, коими она впадает в море, и измерили глубины: глубина первого, западного устья — Крестях составила 3—4 сажени, а в «розливе морском» 6—10 и более сажен, затем «пошло» море. «И на море Сиверном окияне были ж, — доносил Козыревский, — и никакого старого и приносного

¹ Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948, с. 13—14; см.: ЦГАДА, ф. 199, д. 533, № 8, л. 4—5.

² Гольденберг Л. А. Между двумя экспедициями Беринга. Магадан, 1984, с. 46—47.

³ Там же, с. 50—53.

льду с моря не видали и возвратились с моря сентября в последних числах». На Тумацком устье глубина оказалась в 5—6 сажен, а на «лайде и на разливе морском» — 3—4 сажени. В третьем устье — Кыллах, или Кынлах, — подо льдом 4—5. Восточное устье, выходящее в губу Буорхая, «имело глубины 6—7 сажен. Однако вблизи впадения в губу и на лайде проводить измерения стало невозможно, потому что, во-первых, от «осеннего заморозу заломило торосом и льдом», во-вторых, Быковская протока превосходит величиной все другие устья и она «водою быстрое»¹.

На этом гидрографические работы И. Козыревского в устье реки Лены закончились. Постепенно все участники экспедиции возвратились в Якутск. Мы можем констатировать, что это первые гидрографические исследования, проведенные в этом районе, а найденные Л. А. Гольденбергом документы воскрешают неизвестную страницу истории исследования Восточной Сибири и новую страницу биографии первооткрывателя Курильских островов, замечательного землепроходца И. П. Козыревского.

Из Якутска Козыревский сумел выехать в Тобольск, где просил возвратить ему отобранное имущество и значительную сумму денег. Прощение его было отправлено в Сенат, а сам он должен был состоять в прежней должности. Ему выдали проездные документы и деньги для возвращения в Якутск, но, решив во что бы то ни стало добиться правды, Козыревский вместо Якутска направился в Москву. Надо полагать, что в Москве он сначала посетил Миллера, который 26 марта 1730 года опубликовал в «Санктпетербургских ведомостях» статью о Козыревском и его отце.

Козыревский явился в Синод, побывал дважды и в Сенате, добиваясь назначения на Камчатку в Успенскую церковь. 23 октября 1730 года Сенат выделил в его распоряжение 500 рублей на постройку Успенского собора и церквей в Верхнекамчатске, Большерецке и Анадырске и постановил послать туда священника-иеромонаха Игнатия Козыревского.

Все шло хорошо, но архимандрит якутский Феофан не простил Козыревскому самовольства, крамольных речей и побега. К тому же объявился и сын Атласова — Иван Владимирович, подавший жалобу, в которой Козыревский обвинялся в убийстве трех приказчиков. Обо всем этом Феофан написал в Сенат вслед уехавшему Козыревскому. Козыревский был в Москве посажен в тюрьму. Следствие велось три года. Здоровье заключенного не выдержало — он умер 2 декабря 1734 года и похоронен, видимо, на кладбище Преображенской слободы.

Походы на Курильские острова явились составной частью общего плана русского правительства и по времени совпали с указами Петра I о сборе сведений на новых землях на востоке страны. В том же 1713 году 26 июля последовал указ Петра I послать людей «для проведывания через Ламское море камчацкого пути»², то есть об отыскании морского

¹ Цит. из книги Л. А. Гольденберга... с. 52.

² Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Л., 1935, с. 93.

пути на Камчатку. Во исполнение его Сибирский губернатор весьма неудачно послал в Охотск сына боярского Ивана Сорокоумова, нерадиво отнесшегося незадолго перед тем к выполнению приказа об осмотре Шантарских островов, открытых официально (наверняка об известиях отряда И. Москвитина давно позабыли) в 1713 году Иваном Быховым и Семеном Анабарой. Не оправдал Сорокоумов и нового назначения, занявшись в Охотске пьянством и грабежом местного населения.

Сибирский губернатор М. П. Гагарин писал в Охотск, что «посланы из Тобольска в Якуцкой мореходы и плотники для строения морских судов»: мореходы Кондратий Мошков, Никифор Треска, Андрей Буш, плотники Кирилл Плоских и Варфоломей Федоров, Иван Каргопол, Михаил Кармакулов. Мореходы и плотники прибыли в Якутск 23 мая 1714 года. Здесь окончательно был сформирован состав экспедиции во главе со служилым человеком Козьмой Соколовым, кормщиком Яковом Невейцыным и пятидесятником Михаилом Кривоносковым, к которым и обращена наказная память якутского коменданта полковника Я. А. Ельчина 3 июля 1714 года, «итти из Якуцка в судах реками: Леною, Алданом, Маею, Юдомою до Креста, а от Креста чрез волок до реки Урака и тою рекою Ураком до Охоцкого острогу и до Ламского моря днем и ночами, везде не мешкая ни малого времени, чтоб до Охоцкого острогу дойти летним путем».

В этот же день экспедиция отправилась в Охотск и по прибытии туда заложили первое на Тихом океане мореходное судно, строившееся по всем правилам кораблестроения. В мае 1716 года его спустили на воду, и оно получило название «Восток». К июню мореходы были готовы, как записано в наказной памяти, «итти чрез Ламское море на Камчатской Нос без всякого одержания. И ест ли содетель Христос бог наш помилует и перейдете на Камчатку, то не медля многово времени, взяв на Камчатке ведение от государевых людей, из Камчатских островов (так! — А. А.) итти тем же путем на Ламу и в Якуцкой... Да тебе же, Козьме, с товарищи, как вы пойдете от Охоцкого морем на Камчатской Нос, много ли дней или недель до того Камчацкого Носу пойдете, и в том морском пути буде явятца какие жилые острова: те люди какой веры, и под чьим владением, и какую битву и богатство имеют; также буде явятца пустые острова, много ли по смете мерою и какой зверь, описывать имянно и чинить чертеж всему. А по возвращении с той Камчацкой земли итти в Якуцкой и те описные росписи и чертеж подать в приказной полате»¹.

Мореходами кроме кормщика Якова Власовича Невейцына шли штурманы, а следовательно, и гидрографы были Никифор Моисеевич Треска и Андрей Яковлевич Буш. Кроме лотов и компасов у мореходов других инструментов не было — приходилось больше доверять опыту и чутью. Плыли все время на восток, не удаляясь от берега, и вскоре благополучно дошли до полуострова Кони. Там, подхваченное сильным ветром, судно вскоре оказалось у берегов Камчатки на виду мыса Утколокского

¹ Памятники Сибирской истории, XVIII в. СПб., 1885, кн. II, с. 37—40.

(или, может быть, Омгона). Ветер переменялся, и судно отнесло снова к Охотскому берегу, где пришлось отстаиваться на якоре, чтобы избежать крушения. Наконец, когда ветер стих, судно добралось до устья Тигиля на Камчатке, откуда, спускаясь вдоль берега к югу, было введено на стоянку в устье реки Компаковой.

Морской путь на Камчатку был открыт. На Камчатке Соколову пришлось заняться административными делами — сменить злоупотреблявшего своим положением управителя Камчатки А. Петриловского (племянника Е. П. Хабарова) в Нижнекамчатске. После тщательных приготовлений К. Соколов в мае 1717 года вышел из устья реки Компаковой. Был взят курс к Тауйской губе, но уже на четвертый день судно окружили льды, и оно попало в тяжелый ледовый плен. Становилось совсем тепло, а льды не таяли и таскали с собой «Восток». Этого никто никак не мог в свое время предусмотреть. Кончились припасы и питались только нерпой.

Пять с половиной недель продолжалось вынужденное плавание — дрейф во льдах. И когда они наконец-то растаяли и отпустили судно, то оно смогло продолжить путь к Тауйской губе и сумело подойти к берегу между рекой Олой и Тауйским острогом и стать на якорь, чтобы дать отдых вконец измученной команде. 8 июля 1717 года судно прибыло в Охотск. С тех пор суда на Камчатку стали ходить сравнительно регулярно, и на Камчатке все большее значение стал иметь Большерецкий острог. Не случайно И. Козыревский отмечал в 1726 году на своем чертеже Камчатки и Курильских островов: «И с прошлого 719 года (или ошибка в тексте, нужно 1716, или имелось в виду уже следующее плавание.— А. А.) состоялось быть морского пути с Ламы чрез море и на Большой реке судовая пристань»¹.

Несколько слов о дальнейшей судьбе главных деятелей этого плавания. К. Соколов сразу после плавания отправился в Охотск, где в 1717 году умер. Мореход Никифор Моисеев Треска в дальнейшем участвовал в экспедиции Беринга, плывал с отрядом Шпанберга в Японию. В Охотске имел собственный дом. Последние сведения о нем относятся к 1739 году. Яков Власов Невейцын и Андрей Яковлев Буш участвовали в Большом Камчатском Наряде, плывали с Евреиновым и Лужиным².

Достоверно известно, что участниками плавания была составлена карта, которая, к сожалению, до сего времени не нашлась. Не сохранилось также и вахтенного журнала. Сведения дошли до нас лишь благодаря отпискам участников плавания. Плавание имело практическое значение, о котором А. С. Пушкин писал: «Открытие пути через Пеңжинское море имело важное следствие для Камчатки. Суда с казаками приходили ежегодно: экспедиции следовали одна за другою»³, и, кроме того, были получены первые достоверные сведения о ледовом характере Охотского моря в весеннее и летнее время. Теперь стало известно, что морской путь на

¹ Русская Тихоокеанская эпопея, с. 448.

² Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958, с. 33—34.

³ Пушкин А. С. Сочинения. М., 1938, т. V, с. 444.

Камчатку гораздо короче сухопутного. Это имело решающее значение при организации многочисленных плаваний в северной части тихого океана, в Беринговом или, как раньше его называли, в Бобровом море.

Мы уже упоминали о том, что в начале XVIII столетия появились первые сведения о Большой земле, лежащей против Чукотского носа. Если в Пенжинском или Амурском или Ламском море (все названия правомерны для того времени) постепенно вырисовывались очертания берегов и повсюду наносили один (а не группу) остров Шантар, то к востоку от Чукотского носа и Камчатки с годами стали ставить под сомнение и пересматривать то, что было уже известно. Это обстоятельство наложило отпечаток на изображение береговой черты. Так, на карте Сибири от Енисея до Камчатки включительно, составление которой датируется самой крайней датой — 1715 годом (возможно и ранее), остров Шантар нанесен растянутым от устья реки Алдома до устья реки Тыль. Это в общем-то вполне соответствует положению всех Шантарских островов, если объединить их в один остров и пренебречь поворотом береговой черты с южного на восточное генеральное направление.

На этой же карте очень неточно, несмотря на появившиеся некоторые подробности, нанесено восточное побережье Камчатки, которое показано как неизвестно куда уходящий обрыв. В связи с частым написанием на многих картах и чертежах на месте Чукотского носа слов «нос непроходимой» возникла тенденция, способствовавшая возрождению легенды о том, что где-то тут Азия все-таки соединяется с Америкой¹. Видимо, искажались сведения, получаемые от местных жителей о существовании к востоку от Камчатки Командорских и Алеутских островов.

В 1948 году А. В. Ефимов опубликовал сведения о двух картах, оказавших существенное влияние на другие русские карты, а также и на ряд иностранных. Они так же тенденциозны, как и рассмотренная выше. Мы имеем в виду карту И. Львова 1710 года и так называемую якутскую карту 1710—1711 годов. На карте Львова весьма определенно показаны Чукотский полуостров, острова Диомиды и отделенная проливом Аляска с надписью: «Землица Большая, а на ней живут люди, по чюкоцки зовомы Кигин элят, язык собой (свой или особый.— А. А.) и парки носят собольи, лисьи и олени; а зверь всякой, соболи и лисицы и олени есть. А юрты у них в земле, а бой лучной. А лес на ней сосняк и листьях, ельных и березник и острог у них»². Но зато тут другая крайность — в сторону Америки вытянулся от Шелагского носа мыс, который показан продолжающимся за рамку карты. На якутской же карте того времени подтверждаются сведения об Аляске, о проливе между Азией и Америкой, но зато от Камчатки на восток отходит теперь уже не полуостров, а «остров или земляца, а на ней люди все неясашные. Бывал на нем Иван Голыгин; лисицы бурые и сиводушки есть»³.

В. И. Греков и А. В. Ефимов полагают, что эти карты — основа для

¹ Атлас... сост. А. В. Ефимов, с. 34.

² Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948, с. 102; Атлас... сост. А. В. Ефимов, с. 38—39.

³ Атлас... сост. А. В. Ефимов, с. 39.

составления полковником Я. Ельчиным в 1718 году карты, где соседствовали самые противоречивые сведения. Она, несомненно, дала материал для других карт и, в частности, для карты И. Б. Гомана. Карта эта составлена с учетом карты Ивана Козыревского и связана с намерением Петра I строить на Дальнем Востоке флот. По предположению В. И. Грекова, которое разделял А. В. Ефимов, она «могла дать повод к мысли о том, что Камчатка непосредственно соединяется с Америкой перешейком, и могла служить одним из оснований для посылки на Камчатку Евреинова и Лужина с поручением узнать, сошлась ли Азия с Америкой»¹. Это предположение вполне правдоподобно: непроходимый из-за льдов мыс Чукотский постепенно превращался в перешеек, соединяющий Азию с Америкой, а Алеутские острова, расположенные к востоку от Камчатки, в огромную землю, получившую название таинственной Земли да Гамы.

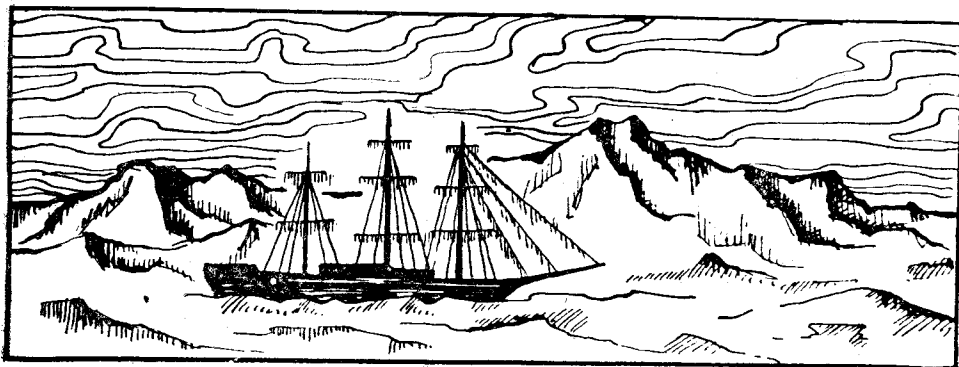
Без существенных изменений эти представления о Чукотке вошли в русскую карту, составленную по приказанию Петра I Я. В. Брюсом и пересланную им в Нюрнберг И. Б. Гоману для его атласа. Она называется так: «Страна Камчадалия или Иедзо с Ламским или Пенжинским морем, как она намечена и начерчена во время разных путешествий русских казаков и охотников на соболей по воде и суше»². Чукотка на ней показана все-таки полуостровом, но зато Аляска — узкой полосой земли, не имеющей конца на севере, и можно думать о ее возможном соединении там с Шелагским мысом. Следовательно, снова возникла проблема существования перешейка, хотя и в другом месте, зато Алеутские острова превращены в огромную землю, пока еще никак не названную. Курильские острова нанесены вразброс, а не грядой, до острова Япона, или Нифона. Вдоль побережья Охотского моря, там где Шантарские острова, севернее устья Амура на карте семь больших островов, причем никакого острова, лежащего против устья Амура и хотя бы отдаленно напоминающего Сахалин, нет.

Вне всякого сомнения эта и другие карты, отразившие нередко противоречивые известия русских мореходов и землепроходцев, стали основой для инструктивного картографического материала при решении вопроса об организации экспедиции В. И. Беринга. И все же надо уверенно говорить о том, что, несмотря на противоречивость в изображении некоторых районов, побережье Охотского моря, часть Чукотского, Берингова моря и Тихого океана были в самых общих чертах исследованы русскими землепроходцами и мореходами, а береговая черта к концу первой четверти XVIII века положена на карту.

Великие и малые географические открытия русских землепроходцев в этот период проложили путь к дальнейшим научным исследованиям уже присоединенных к России земель и островов, к организации первых правительственных экспедиций в северную часть Тихого океана, к последующим географическим открытиям и развитию гидрографии.

¹ Атлас... сост. А. В. Ефимов, с. 39.

² Там же, с. 40.

Глава четвертая

ОКОНЧАТЕЛЬНО: ПРОЛИВ

Выход России на морские просторы знаменовал собой начало освоения новых земель и морей. Огромное значение приобретали географические исследования. По справедливому замечанию А. В. Ефимова, «часто незнание географии больше влияло на практическую деятельность, чем имевшиеся уже весьма ограниченные достоверные сведения. При таких условиях вопросы географии, несомненно, стояли весьма остро»¹.

А здесь, на востоке, случилось так. Открыли морской путь на Камчатку, узнали не только эту новую землю, но и острова, лежавшие к югу от Камчатки, проведали о таинственной земле Японии, а о когда-то известной Чукотке забыли. Мало того, что снова неразрешенной стала острая проблема существования пролива между Азией и Америкой, появилась и новая загадка — большая земля, которую картографы один за другим наносили к востоку от Камчатки. Наступило время разобраться во всем, надо было собрать более точные сведения о новых землях, приобретенных для России ее славными первопроходцами и мореходами. К географической путанице прибавились еще и западноевропейская легенда о «золотых» и «серебряных» островах — об этом вскользь упомянул И. П. Козыревский, рассказав, что с Шестого Курильского острова возят руду.

Для выполнения ответственного задания выбор пал на досрочно выпущенных² из Морской Академии геодезистов (а следовательно, гид-

¹ Ефимов А. В. ... 1948, с. 18.

² Указ о рассылке геодезистов состоялся 9 декабря 1720 года, а решение об отправлении Евреинова и Лужина — 31 мая 1718 года. См. Андреев А. И. Экспедиции на восток до Беринга. Труды Историко-архивного института. М., 1946, с. 186.

рографов) Ивана Михайловича Евреинова и Федора Федоровича Лужина, которым надлежало «ехать до Камчатки и далее, куда вам указано, и описать тамошние места: сошлася Америка с Азией, что надлежит zelo тщательно сделать не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить»¹. Иными словами, не затрагивая политическую сторону задания, морским геодезистам вменялось в обязанность разобраться в географическом положении региона и в первую очередь установить, не ошибочны ли были сведения русских мореходов о проливе между Азией и Америкой, а если пролив существует, то каково расстояние от азиатского берега до американского. И конечно же Евреинов и Лужин должны были определить, в каком направлении простиралась и как далеко земля, которую наносили восточнее Камчатки, являлась ли она частью Америки.

Но, как отмечают единодушно все историки, у морских геодезистов было и особое, секретное задание: ехать «куда... указано». Известно, что Петр I долго готовил эту экспедицию, для нее были выделены в нужном количестве мореходные инструменты, сам царь встречался с участниками. Очевидно, он и раньше знал об их примерном поведении и прилежании во время обучения в Московской математико-навигационной школе и затем в Петербурге, в Морской Академии. Можно предположить, что предметом их разговоров была и земля, наносимая близко к Камчатке. Почему бы и не подумать тогда, что эта земля и есть Америка, которая может подходить близко к Азии не только на Чукотке, но и у берегов Камчатки? Во всяком случае, рассмотренные нами карты позволяют сделать такое предположение.

Некоторые ученые высказывают мысль о том, что морские геодезисты и не должны были исполнять приказание об описи Чукотки и прилежащих районов, что главной их задачей было описание Курильских островов и сбор сведений о Японии и серебряной руде, добываемой на Шестом Курильском острове. В подтверждение этому приводятся свидетельства об организации в 1716 году экспедиционных мероприятий под общим названием Большой Камчатский наряд, во главе которого был поставлен якутский воевода полковник Я. А. Ельчин. Этой широко задуманной экспедиции согласно указу Петра I в 1716 году «...поручалось исследовать Камчатку, с землями чукчей, коряков и юкагиров; покорить независимые племена, собрать с них ясак, построить остроги и завести торги с окрестными жителями; снарядить экспедиции к берегам морей Северного и Восточного и по рекам: Колыме, Камчатке, Пенжине, Чендону, Яме, Охоте, Уди и Тугуру для проведывания неизвестных земель, лежащих противу устьев этих рек, и открытия сопредельных островов»².

В экспедиции принимали участие многие известные кормщики и мореходы, в том числе и Н. М. Треска, и А. Я. Буш, и Я. В. Невейцын, и Кондратий Мошков, и другие. В 1718 году Ельчин был вызван в Петер-

¹ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984, с. 30.

² Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958, с. 35.

бург, а в его отсутствие из-за нераспорядительности оставшегося за него капитана Абыштова действия экспедиции сильно замедлились, и она сумела добраться лишь до Охотска — капитан строил в этом направлении дорогу. Затем по возвращении Ельчина началось все-таки строительство двух кораблей — в Удском остроге и в Охотске. В 1720—1721 годах на судне, построенном в Удском остроге, сын боярский Филькеев ходил к Шантарским островам и обследовал остров Большой Шантар. На этом по сути дела и закончилась экспедиция.

Итак, хотя итоги Большого Камчатского наряда не были существенными, они имели значение для будущих экспедиций. И вполне возможно, что, ставя перед Я. А. Ельчиным огромные задачи, Петр I освобождал его от исследований в южном направлении, имея в виду предстоящее плавание морских геодезистов. Ельчин описал путь от Якутска до Охотска, указал, где на этом пути можно хлеб сеять, где лошадей держать, чтобы завести по всему тракту почтовые станции. Наконец, «по тому Елчина объявлению, ежели б Амур река была в российский владении и можно б было от Нерчинска выходить судами в Амурское устье, а оттуда во все вышеозначенные поморские места ездить судами, то о вышеописанном от Якуцка до Охоцка пути старания иметь не надлежало б»¹.

Именно к этому времени и относится экспедиция И. Евреинова и Ф. Лужина. Геодезисты до Тобольска ехали без задержек, так как царский указ обеспечивал им беспрепятственную смену лошадей на станциях. По прибытии же в Тобольск геодезисты задержались для того, чтобы принять пополнение, получить денежное и хлебное жалование и подготовиться к астрономическим определениям, которые им надлежало проводить на дальнейшем пути. Экспедиция насчитывала теперь более 22 человек и до Иркутска дошла преимущественно по рекам, а когда в Иркутске ее участники встретили зиму, то дальше ехали на санях. В мае 1720 года геодезисты были в Якутске, где долго не задержались: наступила весна, и по известному уже пути они направились в Охотск.

Здесь находилась та самая лодья «Восток», на которой К. Соколов и Н. Треска совершили свое первое плавание, открыв путь на Камчатку. Мореходы Кондратий Мошков, Андрей Буш и кормщик Григорий Березин взялись за ее подготовку. В сентябре 1720 года лодья вышла в плавание, имея на борту кроме названных мореходов и геодезистов еще камчатских приказчиков Степана Бобровского и Алексея Шестакова, тобольских драгун — всего около 15 человек.

Лодья шла по тому же пути, что и в первый раз — вдоль побережья, до полуострова Кони, а затем через открытое море к берегу Камчатки. Через девять суток судно оказалось вблизи устья реки Ичи. Тут геодезисты высадились на берег и вместе с приказчиком отправились в Нижнекамчатск, где собирались перезимовать. А лодья должна была перейти в устье реки Большой и по весне ожидать там возвращения морских гео-

¹ Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960, с. 11.

дезистов. Во время зимовки геодезистам пришлось много заниматься астрономическими определениями — ведь они проводились на Камчатке впервые. Пришлось также вмешаться в действия новых камчатских приказчиков, которые обижали местных жителей, а те искали защиты у «господ офицеров», невиданных доселе в этих краях.

Перейдя к весне в Большерецкий острог, Евреинов и Лужин 22 мая 1721 года на приготовленной мореходами лодье вышли в плавание, держа курс на Шестой Курильский остров. Описание плавания геодезистов до сих пор не найдено. По всей вероятности, после возвращения оно было до такой степени засекречено, что после использования его вполне надежно спрятали. Имеющиеся материалы позволяют установить, что геодезисты подходили с большим трудом к Шестому Курильскому острову, по пути описав все прочие острова, но обратно оттуда не повернули, так как продолжали описывать острова, лежащие к югу от него.

Далее подошли к острову Симушир, где намеревались пополнить запасы свежей воды, но все планы нарушил шторм. Целых семь суток носило их около острова по всем направлениям, а затем переменившимся ветром понесло к острову Парамушир. Здесь им удалось задержаться. Несколько суток отдыха подкрепили силы скитальцев, а затем попутный ветер и хорошая погода сделали свое дело и лодья подошла к устью реки Большой. Был конец июня 1721 года.

Вместо потерянного якоря пошли в ход железные сковороды. Чинили паруса, грузили запасы. В числе пассажиров до Охотска находился отрешенный от должности Евреиновым приказчик А. Шестаков. Вышли в море 12 июля 1721 года. Плавание прошло благополучно, путешествие из Охотска в Якутск также, и уже в сентябре путешественники оказались в Якутске.

Здесь их ждало письмо из Тобольска с приказанием сообщить о проделанной работе. Сохранился ответ геодезистов от 3 сентября 1721 года тобольскому начальству, из которого явствует, что никаких пунктов (требовали, чтобы ответили по пунктам данной им инструкции) им не дано, «а велено нам отправлять по данному нам наказу за собственною его царского величества рукою, по которому мы, помощью всеильного бога, что надлежит отправили, о котором отправлении будем ответствовать самому его царского величества»¹.

Это прямое свидетельство того, что исследование береговой черты к северу от южной оконечности Камчатки не входило в их обязанности. А то, что входило («что надлежит отправили»), они считали исполненным.

Когда геодезисты добрались до Тобольска, то дальше поехал один Евреинов. 30 ноября 1722 года в Казани он был принят Петром I, которому непосредственно представил все отчетные документы и карту. Судьба геодезистов после их путешествия известна. Оба продолжали работать: Евреинов описывал Вятскую провинцию и умер там 3 февраля 1724 года; Лужин, оставшийся в Сибири, участвовал затем в Первой

¹ Русские экспедиции... М., 1984, с. 31.

Камчатской экспедиции В. И. Беринга и умер 11 марта 1727 года в Юдомском зимовье¹.

Научное значение экспедиции заключается в том, что она стала первой научной экспедицией русских людей на Дальнем Востоке, в которой участвовали специалисты геодезисты-гидрографы, воспитанники Морской Академии. Евреинов и Лужин впервые применили астрономические наблюдения в качестве основы созданной ими карты. При определении широт они использовали самый употребительный в то время способ — по Солнцу или Полярной звезде, инструментом же служил астрономический квадрант, прообраз современного секстана. Долготы определяли счислением, то есть вычисляли разность долгот по широтам двух точек и расстоянию между ними. Долготы геодезисты считали, исходя из шестидесяти миль в одном градусе. Все определения их сведены в один каталог координат пунктов. Широты были определены довольно точно, а долготы значительно искажены — до двух градусов к северу на Камчатке и на Курильских островах.

И. М. Евреинов составил в 1722 году карту Камчатки и Курильских островов, найденную в 1945 году В. Н. Шумиловым в ЦГАДА и опубликованную впервые в 1948 году А. В. Ефимовым. С тех пор анализом ее занимались многие исследователи (А. И. Андреев, Л. С. Берг, О. А. Евтеев, А. В. Ефимов, Д. М. Лебедев и др.). В отличие от чертежей, не имевших географической сетки, карта Евреинова имеет прямоугольную сеть меридианов и параллелей, причем меридианы проведены через два градуса, а параллели — через один. В левом нижнем углу надпись: «Сию ланкарту делал геодезист Иван Евреинов и руку приложил». Хотя на ней и нет таблицы условных знаков как таковой, но обозначения одних и тех же объектов произведены одним и тем же условным знаком.

Характерно, что эта карта была сразу же использована при составлении других карт. Так, в 1724 году И. К. Кирилов составил карту, перевод заголовка которой с латинского языка (составлена она была для Европы в Академии наук) гласит: «Карта географическая части дальневосточной Сибири и Татарии, а также новых земель Камчатки и Японских островов (так первоначально называли Курильские острова. — А. А.) на основании карты геодезистов Ивана Евреинова и Федора Лужина, посланных Петром I в 1719 году для исследования вопроса о том, соприкасается ли Азия с Америкой, и на основании Китайской карты, присланной императором Кашхи (Канси. — А. А.) Петру Великому»².

Карта Кирилова лучше других карт дает представление о картографической изученности дальневосточных морей того времени. В ней нашли отражение элементы чертежей землепроходцев, картографических работ С. У. Ремезова, данные китайской картографии и материалы первой правительственной экспедиции с участием морских геодезистов. На карте Евреинова, а затем и на карте Кирилова, впервые достаточно точно

¹ Евтеев О. А. Указ. соч., с. 67, 70.

² Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946, прил. II, § 117, с. 290.

переданы характерные особенности Камчатки и правильное направление Курильских островов, а также и их расположение.

Начало второй четверти XVIII века ознаменовалось организацией двух экспедиций: Первой Камчатской экспедиции В. И. Беринга и экспедиции под начальством казачьего головы А. Ф. Шестакова. Обе они по-разному, но в значительной степени повлияли на развитие представлений о береговой черте Чукотки, Камчатки и Охотского побережья. Начинались экспедиции почти одновременно и несомненно являлись частями единого плана исследовательских работ по географическому изучению обширного края на востоке государства Российского.

Офицеру русского флота, датчанину по рождению Витусу Ионассену Берингу принадлежит почетное место в истории географии. Как мы знаем, ученые России и Западной Европы не имели ясного представления о том, соединяется ли Азия с Америкой или между ними есть пролив. У местных жителей было совершенно определенное мнение — пролив существует. Запутанность картографических представлений и особенно появление на картах вытянутого в сторону Америки мыса, который называли и не обходимым и не проходимым, побудили Петра I дважды специально обратиться на это внимание в своих инструкциях — И. М. Евреиннову, Ф. Ф. Лужину и позднее В. И. Берингу.

Конечно, не одна географическая задача должна была решаться экспедицией. Утвердить русское влияние на вновь открытых землях, предупредить покушение иностранных держав на эти земли, а также разведать, кто сосед России на американском материке, — весь сложный комплекс политических и экономических вопросов, включая оборону, входил в программу действий экспедиции.

Об экспедиции В. И. Беринга знают все со школьной скамьи, поэтому нет необходимости рассказывать о ней подробно. Расскажем лишь о важном для книги. Начнем с инструкции, которую дали начальнику экспедиции:

«1. Надлежит на Камчатке, или в другом там месте, сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах плыть возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля — часть Америки.

3. И для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтоб доехать до какого города европейских владений или ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него как оной куст (берег.— А. А.) называют, и взять на письме, и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды»¹.

Многие годы историки и географы ведут спор о том, что именно имел в виду Петр I в своей инструкции. Мы только еще раз подчеркнем то обстоятельство, что царь возлагал на экспедицию главным образом политические задачи. Отсюда и указания о необходимости искать Америку и ехать в города «европейских владений». Царю нужно было знать, как

¹ Русские экспедиции... М., 1984, с. 35, 36.

В. И. Беринг

далеко простираются на восток владения его государства и есть ли пролив между российскими владениями и американской землей.

Помощниками Беринга были назначены лейтенанты М. П. Шпанберг и А. И. Чириков. Среди других офицеров были П. А. Чаплин, врач В. Буцковский, в составе экспедиции находился мореход К. Мошков, а всего 44 человека. Добравшись до Охотска, экспедиция на шитике «Фортуна», который строился специально для нее, дошла до Большерецка летом 1727 года. Оттуда зимним путем перебрались в Нижнекамчатск, где в апреле было заложено судно для предстоящего похода. Оно было спущено на воду 8 июня 1728 года и названо «Св. Гавриил».

13 июля 1728 года началось это поистине историческое плавание. На каждом шагу моряков ждали мелкие и крупные открытия. Мелкие они заносили в вахтенный журнал без каких-либо подробностей и комментариев, открытым крупным объектам давали названия. Так, 1 августа мореплаватели открыли залив, названный Берингом заливом (губой) Св. Креста. Любопытная деталь: все вновь открываемые места он называл по церковному календарю и никогда не давал имена участников экспедиции и даже лиц царской фамилии. В данном случае «поелику в сие число празднует церковь наша происхождение древ честного и животворящего Креста, то и назвал он губу, в коей находился, губою Св. Креста», — отмечал В. Н. Берх¹. На том же основании был назван и открытый 10 августа остров именем Св. Лаврентия². «А 15 дня того ж августа пришли в ширину северную 67°18', разсуждал, что по всему видимому

¹ Алексеев А. И. Витус Беринг.— В кн.: Люди русской науки. М., 1962, с. 292.

² Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979, с. 145.

№	Время	Ветер	Скорость	Направление	Другие примечания
1	2-7	2-7	2-7	2-7	Торговля и торговля...
2	8-10	1-8	2-20	2-20	Скорость ветра...
3	10-20	2-8	2-20	2-20	Ветер с севера...
4	21-2	1-2	---	---	Скорость ветра...
5	3-22	6-10	2-20	2-20	Ветер с севера...
6	23-1	1-2	---	---	Скорость ветра...
7	2-2	1-3	---	---	Скорость ветра...
8	3-27	---	---	---	Скорость ветра...
9	4-2	6-10	2-20	2-20	Ветер с севера...
10	5-10	5-50	---	---	Скорость ветра...
11	11-0	3-5	---	---	Скорость ветра...
12	12-4	10-10	---	---	Скорость ветра...
1	0-4	---	0-20	0-20	Скорость ветра...
2	5-10	---	0-20	0-20	Скорость ветра...
3	11-15	---	---	---	Скорость ветра...
4	16-20	5-10	---	---	Скорость ветра...
5	21-0	5-10	---	---	Скорость ветра...
6	26-2	---	---	---	Скорость ветра...
7	31-1	---	---	---	Скорость ветра...
8	---	---	---	---	Скорость ветра...
9	---	---	---	---	Скорость ветра...
10	---	---	---	---	Скорость ветра...
11	0-7	7-7	---	---	Скорость ветра...
12	---	---	---	---	Скорость ветра...

Выписка из вахтенного журнала «Св. Гавриила» за 8 августа 1728 года о плавании проливом между Азией и Америкой

и по данной инструкции блаженные и вечно достойныя памяти е. и. в. исполнено, понеже земля более к северу не простирается, а к Чюкоцкому или восточному углу земли никакой не подошло, и возвратился. А ежели б еще иттить далее, а случились бы противные ветры, то не можно б паки того лета возвратиться до Камчатки, а на тамошней земле зимовать было б не без притчины, понеже лесу никакого не имеется, а тамошней народ не под державую Российского государства, самовластен и союзства с нашими ясажными иноземцами не имеет»¹.

Прежде чем принять такое решение, Беринг собрал совет офицеров и попросил каждого письменно изложить свою точку зрения о том, что делать дальше. Чириков 13 августа предлагал Берингу «подле земли иттить (ежели не воспрепятствуют льды или не отведет берег на запад к устью реки Колымы)», а если берег пойдет к северу, «то надлежит по 25 число сего настоящего месяца в здешних местах искать место, где бы можно было зимовать, а наипаче против Чюкоцкого Носу на земле, на которой по полученной саске от чюкач чрез Петра Татарина, имеется лес»².

Шпанберг был совершенно иного мнения: «Понеже мы пришли в вышеписанную ширину и на Чюкоцкой земле нет гавани, дров или тече-

¹ Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979, с. 145—146.

² ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 87, л. 227 об.

ния, где мы можем охранить себя в такое зимнее время, какая случитца в здешней параллеле, а также и люди немирные, и не осведомились, сколько мы до сих мест обсервовали... когда мы еще пройдем нашего пути до 16 дня нынешнего месяца к северу, ежели невозможно дойти до 66°00', мы тогда в божие имя возвратимся вовремя искать гавани и охранения в реке Камчатке, откуда мы вышли, для охранения судна и людей»¹.

Мы привели подлинные записи ведущих офицеров экспедиции. Несмотря на сделанный сыном Беринга Яковом плохой перевод с немецкого, из-за которого трудно вникать в смысл сказанного, все же ясно, что Шпанберг и Беринг были одного мнения: надо возвратиться на Камчатку для того, чтобы не заставлять людей зимовать в неизвестном месте, где можно было ждать чего угодно от «немирных чукчей». Характерно, что оба ни словом не обмолвились о лежащей против Чукотского носа земле. Беринг же считал свою задачу выполненной («понеже земля более к северу не простирается, а к Чюкоцкому или восточному углу земли никакой не подошло») и пролив между Азией и Америкой найденным, открытым. Совершенно отлично мнение Чирикова, который предлагал обогнуть Чукотку и тем самым окончательно убедиться в том, что никакого соединения двух материков, несмотря на наносившиеся в разное время выдающиеся и не обходимые мысы, нет. Примечательно и то, что он предлагал: если не удастся пройти к устью Колымы, остаться зимовать в здешних местах, например напротив Чукотского мыса, где есть лес, а не возвращаться на Камчатку.

1 сентября экспедиция возвратилась в Нижнекамчатск, где и зазимовала. Ни во время плавания на север, ни на обратном пути погода не позволила мореплавателям увидеть американские берега — стоял туман. На следующий год Беринг предпринял попытку поискать землю к востоку от Камчатки и, как впоследствии оказалось, был не так уж далек от Командорских островов, но быстро возвратился. Экспедиция вернулась в Охотск 23 июля 1729 года, а в марте 1730 года после пятилетнего отсутствия мореплаватели прибыли в Петербург.

«До настоящего времени в научной литературе было установлено, что во время плаваний 1728—1729 гг. экипаж бота «Св. Гавриил» совершил 23 географических открытия. Теперь можно утверждать, что в 1728—1729 гг. было совершено не 23, а 154 территориальных и 18 океанографических открытий. Кроме того, до сих пор было известно, что Беринг и его сподвижники во время плавания 1729 г. нанесли на карту только 5 новых географических объектов. На самом деле участники экспедиции Беринга впервые определили местоположение и нанесли на карту 66 географических объектов. Таким образом, установлено, что во время плаваний 1728—1729 гг. участниками Первой Камчатской экспедиции открыто и нанесено на карту не 28, а 220 географических объектов»².

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 87, л. 227 об., 228.

² Сопочко А. А. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан. М., 1983, с. 185.

На Чукотке были открыты заливы Креста и Преображения. По сути дела береговая черта Чукотки со стороны Берингова моря, а также и значительная часть Камчатки были положены на карту так уверенно, что оказались несостоятельными все существовавшие доселе чертежи. Основную задачу о существовании пролива между Азией и Америкой экспедиция решила, несмотря на то, что с «Гавриила» не видели берегов Америки. Экспедиция обогнула Чукотский и Восточный носы, поднялась на север до широты $67^{\circ}18'$ и фактически прошла проливом, но не доставила никаких сведений о пространстве к востоку от Камчатки и Чукотки. При описи побережья офицеры применяли метод морской описи с рекогносцировочным промером.

Первая Камчатская экспедиция стала одновременно и прологом к дальнейшим исследованиям северо-востока Азии. Обобщающим результатом экспедиции явилось составление мичманом Петром Авраамовичем Чаплиным в 1729 году итоговой карты экспедиции. Все предыдущие карты, за исключением карты И. М. Евреинова, мы правильно называем чертежами. Эта карта основана на съемках. И не случайно по вахтенному журналу бота «Св. Гавриил» уже в наше время представилось возможным смоделировать весь маршрут плавания экспедиции ДВВИМУ им. Г. И. Невельского на яхтах «Родина» и «Россия» в 1976—1977 годах под руководством Л. К. Лысенко.

Итоговая карта Первой Камчатской экспедиции сразу же вошла во все атласы мира после того, как полностью была использована в Генеральной карте России И. К. Кириловым в 1734 году. Карта правильно передает основные элементы береговой черты Камчатки и Чукотки. На ней нанесены главные реки, основные и во многих случаях второстепенные мысы и заливы, вдоль береговой черты на суше показано направление хребтов. Градусная сетка позволила составить весьма точное представление о протяжении различных участков малоизвестной территории. Карта оказала решающее влияние на мировую картографию.

В то время, когда «Св. Гавриил» и «Фортуна» возвращались в 1729 году в Охотск, там уже снаряжалась экспедиция под начальством казачьего головы А. Ф. Шестакова, которая стала второй частью единого плана Петра I. Ее снаряжали для того, чтобы привести в подданство России не плативших ясак «немирных» чукчей¹. 27 ноября 1727 года на основании царского указа был послан якутскому воеводе Ивану Полуехтову указ из Тобольска об отправлении Афанасия Федотовича Шестакова и Дмитрия Ивановича Павлуцкого.

А. Ф. Шестаков, прибывший в Охотск, использовал для своей экспедиции суда Первой Камчатской экспедиции. Специально для нее построили суда «Восточный Гавриил» и «Лев», командирами которых стали родственники Шестакова — его сын Василий и племянник Иван Григорьевич Шестаков. Одновременно с главной задачей корабли эти должны были доставлять участников экспедиции в различные места, то есть служить

¹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 18, д. 2725, л. 93. Цит.: Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 35.

средствами связи между Охотском и Тауйским острогом, между Охотском и Камчаткой, а также между Камчаткой и Анадырским острогом. Кроме этого первоначально им поручалось исследовать Шантарские, Курильские острова и южное побережье Камчатки.

Плавания на Шантарские и Курильские острова не состоялись, бот «Лев» был сожжен восставшими коряками, «Восточный Гавриил» погиб у берегов Камчатки, Шестаков, а затем и Павлуцкий были убиты чукчами. В экспедиции участвовали присланные по указу из Адмиралтейства геодезист Михаил Спиридонович Гвоздев, штурманы Иван Федоров и Яков Генс, ботовый подмастерье Иван Спешнев.

После гибели А. Шестакова во главе экспедиции встал Д. И. Павлуцкий. 9 октября 1730 года он приказывал Я. Генсу и И. Федорову закончить формирование команды бота «Св. Гавриил», «собрать всех матрозов при себе и итить с ними и с обретающимися при вас служилыми людьми обще з дворянином Иваном Шестаковым и при нем имеющимися служилыми с Камчатки, на морском судне-боте, которое построено морского флоту капитаном г-ном Берингом, к нам, к Анадырскому устью, в самой скорости, без опущения удобного времени для проведения морских островов»¹.

29 сентября 1731 года И. Федоров докладывал Я. Генсу о том, что 9 июля того же года «Св. Гавриил» пришел в устье реки Камчатки из Большерецка в очень плохом состоянии и требует ремонта, что «в показанной тракт в Анадырской острог к г-ну капитану Павлуцкому итти не соблаговолил. А ныне у меня в зимнее время рыбнаго корму и никакого не имеетцо ни малаго чего. Также и ныне еще я живу на боту «Гавриле» вельми тяшко, болен правою ногою, сам собою еще и ныне владать и ходить не могу, а ныне приходит студеное зимнее время и такой стужи и мразов в болезни своей без теплаго покою и без фатеры не могу»².

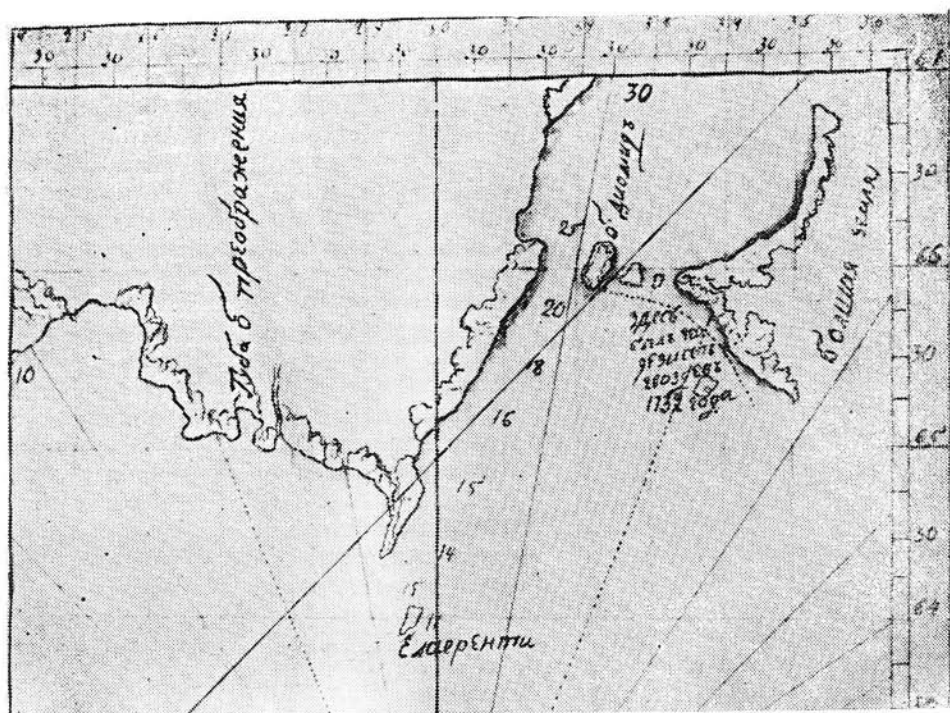
Бодел также и командир — штурман Генс. Начальник экспедиции был им недоволен из-за того, что он плохо исполнял свои обязанности. И вот 11 февраля 1732 года от Павлуцкого пришел приказ о назначении М. С. Гвоздева командиром «Св. Гавриила» и передаче Я. Генсом ему всех дел и полномочий. «Да тебе ж, штурман, — говорилось дальше в приказе Павлуцкого Генсу, — с подштурманом (т. е. с И. Федоровым, — А. А.) и с матрозы на боте «Гавриле» обще з геодезистом Гвоздевым, буде вы от болезней своих выздоровели, то итти на море, куды по посланным от нас ордером повелено»³.

1 мая 1732 года М. С. Гвоздев принял командование ботом, стал готовить его к плаванию. Сначала он решил идти в поход один с мореходами («А буде ты, штурман (Генс. — А. А.), глазами слеп и ногами скорбен, также и подштурман (Федоров. — А. А.), в морской ход вас не брать и оставить в Нижнем остроге (Нижнекамчатске. — А. А.), дабы вы от болезней выздоровели. Да мне ж повелено взять на бот «Гавриил» в мор-

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 3, л. 63—64.

² Там же, л. 54.

³ Там же, л. 91.

Карта Шпанберга (фрагмент) с надписью: «Здесь был Гвоздев»

ской ход мореходов, которые были на море с капитаном г-ном Берингом¹). Но вышло так, что Федоров несколько поправился и смог выйти в плавание. О ходе этого плавания в последние годы много написано², поэтому ограничимся сообщением о том, что 23 июля 1732 года «Св. Гавриил» вышел из Нижнекамчатска и 3 августа вошел в устье реки Анадырь. Путь до Анадыря был практически тот же, как и при плавании с Берингом в 1728 году. Впрочем, об этом можно судить лишь по маршруту, нанесенному на некоторых картах, так как вахтенного журнала не сохранилось, а, точнее, до сих пор не найдено.

От устья Анадыря перешли к Чукотскому носу, от которого по указанию К. Мошкова 8 августа был взят курс на восток к видимым недалеко островам, которые ныне называются островами Гвоздева (Ратманова, Крузенштерна и скала Фэрүэй). На всех этих островах Гвоздев тщательно расспрашивал о Большой земле местных жителей, получил много сведений, а с последнего, самого маленького, но высокого «острова видели и Большую землю». Держа на восток августа «де 21 дня по полудни в 3-м часу стал быть ветр пособной (попутный.— А. А.) и пош-

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 5. л. 126—127.

² Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 34—49; Его же: Судьба Русской Америки. Магадан, 1975, с. 16—22; Гольденберг Л. А. Между двумя экспедициями Беринга. Магадан, 1984, с. 123—138.

ли к Большой земли и пришли ко оной земли (мыс Принца Уэльского.— А. А.) и стали на якорь от земли в верстах четырех»¹.

К сожалению, обстоятельства сложились так, что погода и болезнь членов экипажа не позволили выйти на берег, хотя несколько суток судно было недалеко от него. «Св. Гавриил» возвратился в Нижнекамчатск 28 сентября. Об этой экспедиции сохранилось мало подлинных документов. Вспомнили о ней и стали собирать сведения во время Второй Камчатской экспедиции, когда выяснилось, что «Св. Гавриил» побывал у берегов Америки в 1732 году. М. П. Шпанберг, составивший карту своих работ во время экспедиции на участке американского берега, написал: «Здесь был геодезист Гвоздев 1732 года»². О том, что Шпанберг, составляя свою карту, пользовался журналом плавания М. С. Гвоздева и И. Федорова, говорит запись в легенде этой карты. А то, что существовала карта плавания Гвоздева и Федорова, подтверждается надписью на карте А. И. Чирикова³.

Береговая черта Охотско-Чукотско-Камчатского края, проведенная на чертежах землепроходцами и мореходами, была в значительной мере уточнена гидрографическими работами первых правительственных экспедиций. Кроме того, окончательно был разрешен вопрос о существовании Анианского пролива. Таков итог первоначального картографирования северо-востока Азии русскими.

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 53, л. 727.

² Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948, с. 170.

³ Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982, с. 90—91.

Глава пятая

ВСЕ В АМЕРИКУ

Ученый монах Чудова монастыря Корион Истомир в 1694 году написал, пожалуй, первые русские стихи об Америке:

Америка, часть четверта,
Новоземля взнать отперта.
Волнохитца Америка,
Людьми в нравах в царствах дика.
Тысящи лет бысть незнанна
Морем зело отлиянна...¹

Сведения об открытии Колумбом и первом описании Америго Веспуччи нового материка быстро прокатились по Европе и вызвали даже у монаха желание в стихотворной форме поделиться такой важной новостью. Но Америка, открытая со стороны Европы, продолжала оставаться неизвестной со стороны Азии. И лишь после плаваний Беринга и Гвоздева Россия, а затем и весь мир узнали о проливе между Азией и Америкой, а также и о том, что Америка находится совсем рядом с российскими владениями. Теперь наступала пора познакомиться с Америкой поближе.

Но не только с Америкой. Справедливости ради, необходимо сказать, что решение о поиске Америки было принято тогда, когда она еще не была открыта Гвоздевым и Федоровым. По возвращении из Первой Камчатской экспедиции В. Беринг представил свои соображения о том,

¹ Браиловский С. Н. Один из пестрых XVII столетия. СПб., 1902, с. 315.

«что в Сибири, в восточном крае, признается к пользе государству»¹. Эти предложения — первая программа устройства Сибири и Камчатки. В ней же нашлось место и для предложения об организации экспедиции в Америку: «Нижайшее помышление не в указ, ежели иногда восприиметца намерение посылать в экспедицию, а особливо от Камчатки к осту»². В этом предложении есть весьма важное место — об организации исследовательских работ на севере и востоке Сибири: «Ежели за благо разсуждено будет, севернее земли или берег от Сибири, а именно от реки Оби до Енисея, а оттуда до реки Лены, к устьям оных рек можно свободно и на ботах или сухим путем выведывать, понеже оные земли под высокою державою Российской империи суть»³.

Одной из важных мер правительства по предложениям В. Беринга стал указ от 10 мая 1731 года об объявлении Охотска портовым городом⁴. Первым командиром порта был назначен Г. Г. Скорняков-Писарев, один из сподвижников Петра I, сосланный затем А. С. Меншиковым в Жиганск. Почти одновременно, 17 апреля 1732 года, правительство приняло другое важное решение об организации Второй Камчатской экспедиции, которую впоследствии стали называть Великой Северной экспедицией.

Мнение В. Беринга находилось в полном соответствии с планами правительства об организации географических экспедиций по изучению всего государства Российского. Первая Камчатская экспедиция хотя и прошла проливом между Азией и Америкой, но широкие исследовательских работ в этом районе не производила. Поэтому предстояло довести дело с проливом и с Америкой до возможного завершения и убедиться в возможности плавания Северным морским путем в Индию и в Китай. Примерно через год, 16 марта 1733 года, последовал уже именной указ об организации исследовательской экспедиции, начальником которой назначался, как и прежде, В. Беринг, а его помощниками М. П. Шпанберг и А. И. Чириков. Были написаны самые подробные инструкции для семи отрядов экспедиции. Они должны были действовать, наносить на карту береговую черту от Оби до Амура под начальством опытных морских офицеров — Степана Малыгина, Дмитрия Овцына, Дмитрия и Харитона Лаптевых, Петра Ласиниуса, Василия Прончищева, Семена Челюскина, Федора Минина, Дмитрия Стерлегова. Центром экспедиции был избран Якутск, центром дальневосточных морских отрядов — Охотск.

Из всего многообразия работ, выполненных этой поистине колоссальной, даже по современным масштабам, экспедицией, рассмотрим только те, которые помогли уточнить положение береговой черты в Охотско-Камчатско-Чукотском крае. Иными словами, коснемся деятельности отрядов в этом регионе. Их было три: на участке от Лены до Анадыря работал отряд под начальством сначала Петра Ласиниуса, а после его

¹ ЦГИА СССР, ф. 1329, оп. 1, д. 35. л. 283.

² Там же, л. 289.

³ Там же, л. 291.

⁴ Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958, с. 42.

смерти — Дмитрия Лаптева; к востоку от Камчатки в поисках новых земель отправлялся отряд под начальством самого В. Беринга и А. И. Чирикова, а на юг от Камчатки — к Курильским островам и к берегам Японии — отряд М. П. Шпанберга с офицерами В. Вальтоном и А. Е. Шельтингом. Ход и главные результаты этих исследований общезвестны и изложены во многих работах.

В экспедиции самостоятельно действовал Академический отряд в составе профессоров Г. Ф. Миллера, И. Гмелина, Л. Делиль де ла Кройера. К ним впоследствии присоединились Г. Штеллер (Стеллер) и И. Фишер. В этом отряде было пять студентов: Степан Крашенинников, Федор Попов, Лука Иванов, Алексей Третьяков, Алексей Горланов. В составе — отряда были также 12 геодезистов и четыре «геодезии ученика». Геодезисты — Андрей Красильников, Михаил Гвоздев, Никифор Чекин, Моисей Ушаков, Александр Иванов, Петр Скобельцын, Дмитрий Баскаков, Иван Свистунов, Василий Шетилов, Василий Селифонтов, Иван Киндяков, Василий Сомов; ученики — Михаил Выходцев, Федор Прянишников, Алексей Макшеев, Иван Шаврыгин. Участие Академического отряда придает особый характер всей деятельности экспедиции. Наряду с лучшими морскими офицерами своего времени — геодезистами, астрономами, навигаторами в ней приняли участие натуралисты, рудознатцы (геологи), историографы.

Экспедиция была отлично снаряжена всевозможными приборами, и в частности мореходными и геодезическими.

Основными инструментами, применявшимися для измерения высот светил в то время в России, были градштоки, квадранты и астролябии, а расстояния меряли мерительной цепью. Горизонтальные углы измеряли по компасу. До появления секстана все употреблявшиеся в море для измерения углов инструменты или зависели от направления отвесной линии или вынуждали наблюдателя смотреть сразу по двум направлениям. Местное время определяли по наблюдению моментов прохождения Солнца через меридиан места по солнечным часам, а промежутки времени — по песочным часам — склянкам. Расстояния определяли на глаз или по скорости проплывавших мимо судна (от носа до кормы) предметов. Секстаны были изобретены только в 1731 году в Англии, а хронометр — в 1735 году. В России же с 1725 года при Академии наук работала мастерская, выпускавшая астролябии, ватерпасы, астрономические трубы. Точность визирования через диоптры астролябии достигала 15—20". С 1732 года появилась компасная мастерская.

Секстаны и хронометры по тем временам были новинкой, в России их стали изготовлять только в конце века. И все же представление о том, как была снаряжена экспедиция, может дать перечисление инструментов, которыми был снабжен главный астроном Делиль де ла Кройер. Это квадрант, радиусом полтора фута, двое стальных часов с висячим маятником, пять подзорных труб разного размера, инструмент для наблюдения за наклоном магнитной стрелки, инструмент для наблюдения за склонением магнитной стрелки, четыре компаса, 20 ртутных термометров, 27 барометров, семь гидрометров, пять астролябий или теодо-

литов с положенными инструментами, две мерительные цепи с принадлежностями к ним и различный другой вспомогательный инструмент¹. Как тут не вспомнить мореходов с их примитивными матками и лотами!

Первая же попытка отряда Питера Ласиниуса выйти в море из Якутска и начать опись всего огромного берега — от Лены к востоку до Камчатки закончилась печально. На боте «Иркутск», построенном в Якутске, П. Ласиниус во главе отряда из 52 человек² начал спускаться к морю. С ним были подштурман Василий Алексеевич Ртищев, геодезист Дмитрий Баскаков, штурманский ученик Осип Глазов, боцманмат Алексей Толмачев, подконстапель Борис Росельков.

Выйдя в море, бот встретил сплошные льды и был вынужден зазимовать, став на зимовку в устье реки Хараулах 18 августа 1735 года. Зимовка оказалась трагической — умерло 40 человек и среди них Ласиниус и Баскаков. Оставшиеся в живых под руководством В. А. Ртищева ждали ответа из Якутска, куда немедленно после смерти Ласиниуса сообщили о положении отряда. Беринг своей властью назначил начальником отряда Дмитрия Яковлевича Лаптева. По имени его и двоюродного брата его Харитона Прокофьевича Лаптева названо море Лаптевых.

Дмитрий Лаптев очень спешил и уже 29 июля 1736 года прибыл с отрядом к месту зимовки «Иркутска». Приготовив судно к плаванию, 11 августа пошли в море. Но, как и год назад Ласиниусу, Лаптеву далеко уйти не удалось — кругом стоял сплошной лёд. Тогда «Иркутск» 22 августа вошел в Быковскую протоку, где 6 сентября стал на зимовку в устье речки Боровой.

Зимой Д. Лаптев съездил в Якутск, где подал рапорт В. Берингу. Он утверждал, что до Камчатки пройти морем «за оными препятствиями отнюдь видется невозможно»³. Рапорт со своим донесением Беринг послал в Петербург на рассмотрение Адмиралтейств-коллегии. Туда же выехал и Д. Я. Лаптев, намереваясь убедить лично членов Адмиралтейств-коллегии, что пройти морем к Камчатке невозможно. 13 декабря 1737 года рассматривалось донесение Беринга с рапортом Лаптева и было решено продолжать попытки описать береговую черту с моря. Это решение Лаптев получил, приехав в Москву 17 января 1738 года. В Петербурге Адмиралтейств-коллегия повторно разобрала представление Беринга и заслушала объяснение Лаптева 27 февраля 1738 года. Президент Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головин настоял на таком решении: если в течение двух навигаций мореходы не пройдут до Камчатки, им будет разрешено производить опись, «двигаясь по берегу»⁴.

4 марта 1738 года Дмитрий Яковлевич Лаптев вместе с Харитоном Прокофьевичем Лаптевым, лейтенантом Иваном Львовичем Чихачевым, геодезистом Иваном Киндяковым в сопровождении солдат Якова Лавре-

¹ Записки Гидрографического департамента, СПб., 1849, ч. VII, с. 357.

² Подробно о действиях отряда Д. Я. Лаптева см.: Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 62—74; Глушанков И. В. Навстречу неизведанному. Л., 1980, с. 73—77.

³ Глушанков И. В. Навстречу неизведанному. Л., 1980, с. 75.

⁴ Там же, с. 76.

нева и Артемия Хомякова выехали в Якутск. Наверное, братья Лаптевы не миновали Великих Лук, в окрестностях которых родились и где жили их родные. Во всяком случае точно известно, что Яков Владимирович Лаптев, отец Дмитрия, его ждал.

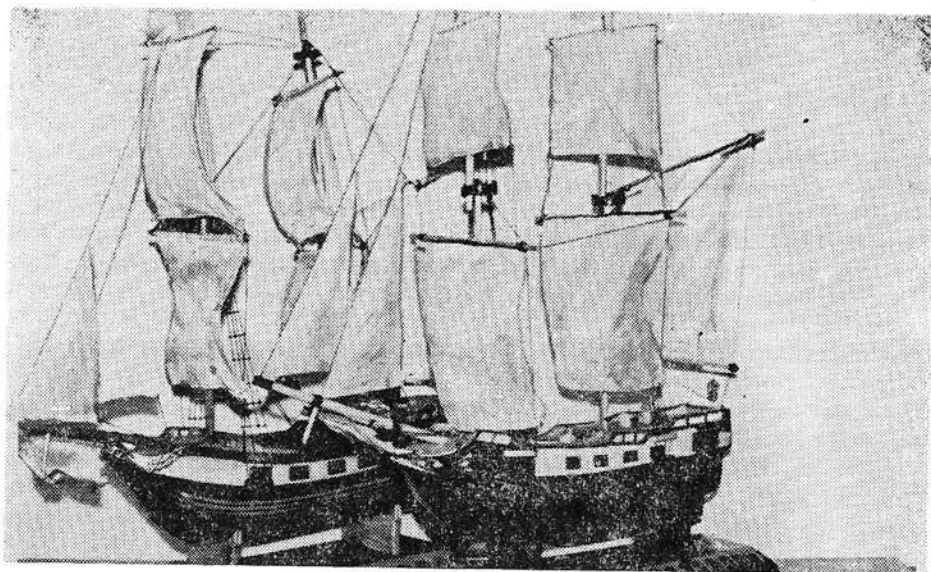
7 июня 1939 года «Иркутск» с обновленной командой отправился в путь по Лене и к 7 августа сумел дойти до устья реки Яны. Пройти дальше к Индигирке не удалось, и Лаптев стал на зимовку. Еще из Якутска он послал матроса Алексея Лошкина описывать береговую черту к востоку от Лены, а геодезиста Ивана Киндякова — реку Индигирку. Оба они исполнили поручения. Тем временем «Иркутск» весной 1740 года продолжил плавание и 4 августа того же года сумел пройти к устью реки Колымы. 1 мая 1740 года Лаптев докладывал, что карта от устья Лены и до Индигирки сделана и отправлена в Адмиралтейств-коллегию. Он сообщал, что геодезист Киндяков, путешествуя на собаках, описал реку «Ковыму от среднего Ковымского острога до моря и при устье, где в море впадает, берег восточной и западной описал и от Ковымы подле моря берегом до реки Индигирки с компасом и мерою объехал»¹.

Далее Колымы на восток Лаптеву не удалось пройти — помешали сплоченные льды, начинавшиеся сразу у Баранова камня. Он решил возвратиться и стал на якорь на рейде Нижнеколымска 23 августа 1740 года на очередную зимовку, надеясь, что следующей весной льды пропустят его к Анадырскому острогу вокруг Чукотского носа. Во время зимовки строили два небольших судна для помощи «Иркутску». Штурман Щербинин был отправлен на собаках в Анадырский острог с известием о зимовке в Нижнеколымске, а Киндяков отправился описывать реку Колыму вверх от острога.

Однако попытка пробиться весной 1741 года морем к Анадырскому устью успеха не имела. И Лаптев решил идти туда по суше, по стране «немирных чукок». Караван из 45 собачьих нарт вышел в путь 27 ноября 1741 года. Прибыв в Анадырский острог, путешественники три недели отдыхали, с наступлением весны описывали реку Анадырь и лиман, а 3 августа 1742 года возвратились в острог. 19 октября 1742 года весь отряд вышел в обратный путь к Нижнеколымску через Чукотку и завершил его благополучно.

Результатом этого беспримерного путешествия явилась «Карта рекам Большаго и Сухаго Анюев и Амолона, текущим в реку Колыму и с Анадырю, впадающего в Тихо-Восточный океан, с трактом от Анадырского острога до Пенжинской губы и на Камчатку. Сочинена из журнала содержания в команде капитана Дмитрия Лаптева 1741 и 1742 годов, который из Нижне-Ковымскаго острога с командою бота Иркутска зимою ехал нартами на собаках и оленях до Анадырскаго острога, а летом 1742 года на новопостроенных тамо судах, до взморья. Анадырь река описана по инструменту. Сочинена Государственной Адмиралтейской коллегии в Чертежной 1778 года. По северную сторону реки Анадыря никаких лесов, окромя оленьяго корму великих мхов нет. Где летним вре-

¹ Экспедиция Беринга. Сб. док. Подг. А. Покровский. М., 1941, с. 233.

Модели пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел». Получена от В. А. Потопяка

менем оленей ходит великими стадами, а к зиме переходят на южную сторону Анадыря в леса, весною паки переплывают в холодные мхи, и во время их плава анадырския жители и чюкчи на лодках вдруг выехавши колют себе для пропитания до несколько тысяч¹.

Эта карта требует комментариев. Во-первых, она появилась, то есть была «сочинена», гораздо позже путешествия, только в 1778 году. Во-вторых, это карта Чукотки, впервые исполненная по материалам инструментальной съемки. И в-третьих, по-прежнему оставался не снятым берег Чукотки от устья Колымы до Анадырского лимана.

Самым важным результатом работы морского отряда, возглавлявшегося В. Берингом и А. Чириковым, которые командовали соответственно пакетботами «Св. Петр» и «Св. Павел», явилось достижение 15 июля 1741 года А. И. Чириковым и 17 июля 1741 года В. И. Берингом (порознь) берегов Северной Америки. Американский берег был увиден с пакетбота А. И. Чирикова в северной широте $55^{\circ}21'$. На берег поочередно высылали две шлюпки, но обратно они не возвратились. На пакетботе «Св. Петр» в северной широте $58^{\circ}14'$ также увидели берег. Это были покрытые снегом горы. Среди них выделялась одна, названная Берингом горой Святого Ильи. Севернее этого места участники экспедиции высаживались на берег. Несмотря на кратковременность пребывания на берегу, адъютант Г. Стеллер сумел сделать подробное описание посещенного места. Это событие по праву стоит в ряду важнейших географических открытий.

На пути в Америку и на обратном пути оба пакетбота открыли многие из Алеутских островов. Беринг открыл и осмотрел остров Укамок,

¹ ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 30.

острова Евдокеевские, Шумагинские, видел берега Аляски, острова Ат-ку, Амчитку, Киску, Семичи и закончил свою жизнь на одном из открытых им Командорских островов, острове Беринга. Чириков также побывал у многих островов и открыл острова Адак и Атту. Другой важный результат экспедиции состоит в том, что отряду Шпанберга удалось в 1738—1742 годах осмотреть и нанести на карту все Курильские острова. Ему и Вальтону удалось также побывать в Японии. В пределах данной книги невозможно описать ход четырехлетних исследований отрядом Шпанберга этих островов. В качестве образца описи, которой подверглись практически все Курильские острова, приведем выдержку из рапорта штурмана Матвея Петрова, описывавшего остров Шикотан, который назвали островом Фигурным, остров Итуруп получил название Цитронного: «Сего июля 5 числа (1739 года.— А. А.) по ордеру вашего высокоблагородия ездил я на шлюпке и со мною толмач к Фигурному острову и осматривал найденную вами губу и пеленговал (далее идет запись о пеленгах, румбах, глубинах, грунте в этой губе.— А. А.)... А по берегам и при езде во оной губе с правой стороны блись утесу бежит воды сладкой источник небольшой, також еще по правую сторону имеютца источники два малыя, а по левую, поворотя к S (южной.— А. А.) стороне губы, впала малая речка. А в самой той губе имеет быть падь, ис которой пади вышла речка ж, токмо мелка, и на нашей шлюпке мы хотя во оную ехать тщились, и за мелкостью не вошли. А по сторонам той помянутой губы низменных мест мало, токмо горы и бугры, изложины и пади, на которых растет лес: пихта, ребина, ольха и тальник, трава лапушника и осока и протчие травы, и подорожник есть, цветов разных саваны и протчих довольно. И по правую сторону в половине той губы стоят барабор пять, каковы бывають или употребляють камчадальские или курильские народы. И наши толмачи, бывшие со мной, по приметам тех барабор, також по устройству в бараборах, жилища с курильскими жителями сходное. Но токмо в тех бараборах никого нет и во оной губе людей мы не видали, хотя те толмачи по своему курильскому языку и кричали, токмо никого того острова людей не видали, а видели одну токмо по правую сторону собаку желтую, а по левую сторону лисицу сиводушку. Потом ис той губы блись версты ехали мы к весту (западу.— А. А.) блись утеса и, поворотя с $\frac{1}{2}$ версты на румб S, лежит малая губа шириною на $\frac{1}{2}$ версты ж и в конце той губы впала от О (восточной.— А. А.) стороны речка, ис которой вашему высокоблагородию на суда команды вашей воду брали»¹.

Вместе с этими первостепенной важности результатами гидрографической описи подверглись отдельные участки побережья Охотского моря и берега Камчатки. Кроме уже упомянутого описания реки Анадырь отрядом Д. Я. Лаптева М. А. Юрлов сделал опись берега Камчатки от Авачинского залива до мыса Кроноцкого. 10 октября 1739 года В. Беринг докладывал в Адмиралтейств-коллегию об отправлении штурмана Ивана Фомича Елагина на боте «Св. Гавриил» для описания побережья

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 35, л. 398—399.

Карта северного берега Охотского моря И. Ф. Елагина

Камчатки от реки Большой до Авачинской губы. «Понеже, как известно, что на Камчатке кроме Авачинской губы к отстою морским судам безопасных мест нет, да и о той подлинного известия не имеетца, а в какой она глубине состоит и можно ль построенными для нашего вояжу пакетботами в тою губу войти и зимовать, ибо прежде сего в тою губу с моря судами не вхаживали. А подпоручик, управляющий геодезическую должность, Иван Свистунов (которой для вымеривания оной губы послан был с подштюрманом Родичевым еще прошлого 737-го году¹) по прибытии в Охотск, в команде капитана Шпанберха, сего 739-го году сентября 8-го дня репортом объявил, что оную де губу описывал и вымеривал он, Свистунов, собою один, о чем в Государственную адмиралтейскую коллегию того ж сентября 10-го дня и репортовано, при котором репорте и описание той губы предложено. Токмо на том утвердитца невозможно, того для оной Свистунов имел описание з берегу. К тому ж при оной губе надлежит быть для житья служителем строенне, також и для клажи правянта магазеннам, да и от Большой реки до означенной губы морской берег и поныне еще не описан». А потому «вышереченному штюрману Елагину определено инструкциею, чтоб по прибытии к Большой реке, порученной в его команду бот «Гавриил» поставил в удобное место, дабы чрез зиму ото льду и прочаго какова повреждения не учинилось, и иттить зимним временем от Большой реки по берегу до Авачинской губы»².

29 сентября 1739 года из Охотска в Большерецк отправился бот «Св. Гавриил» под командой И. Ф. Елагина. Вместе с ним отправились штурман В. А. Хметевский и гардемарин И. Б. Синдт. В Большерецке Елагин направил на устье Камчатки через полуостров Василия Андреевича Хметевского, а сам, как ему было приказано, начал описывать берег — от Большерецка до мыса Лопатка. От мыса Лопатка до Авачинской губы опись была совершена на боте «Гавриил» весной 1740 года.

В Авачинскую губу Елагин прибыл на боте «Гавриил» 21 июня 1740 года, где и выбрал место для базы экспедиции, для будущего поселения бухту Низкину (теперь Петропавловская гавань).

Посылая И. Елагина для промера и описи Авачинской губы в 1739 году, В. Беринг отчетливо разграничил разницу возложенного на него поручения и результаты выполненной работы геодезиста И. Свистунова,

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, л. 24, л. 1254—1255.

² Там же, д. 43, л. 173. Карта съемки И. Свистунова и Е. Родичева до сих пор не найдена.

уже побывавшего там в 1737 году. Беринг, как мы видели, писал, что «оной Свистунов имел описание з берегу», и Елагину поручил «ту губу вымереть и описать со обстоятельством, можноль в тое губу пакетботами войтить, и в зимнее время без опасности зимовать»¹.

Кроме того Елагину поручалось описать берег Камчатки от Большерецка до Авачинской губы, поскольку «морской берег и поныне еще не описан». А «ежели являца против берегу острова», то и «те острова положить на карту». Отряду Елагина поручалось также «как река Камчатка ото лду очистится, то устье той реки вымереть». Таким образом, из практических нужд рождались специальные, чисто гидрографические исследования.

Карта, хранящаяся в Архиве внешней политики России, называется так: «Карта новая, в которой значит от устья реки Большой берег Камчаткой земли по Пенжинскому морю до Курильской Лопатки по Восточному берегу Камчаткой земли до Аваченской губы и со внутренним в ней гаваном, сочиненная под командою капитана командора Беринга штурманом Елагиным 1740»². Известны также еще две карты, представляющие копии этой. Одна из них напечатана в «Описании старинных атласов, карт, планов...» под № 66³. У нее точно такое же название, но меньше надписей, иное расположение масштаба и надписи-названия. Они являются, по-видимому, разновидностями одной и той же карты, составленной в 1740 году. Третья, известная нам карта, помещена в «Атласе...» А. В. Ефимова под совершенно другим названием. И она — копия с подлинных карт Елагина⁴.

Рассмотрим первую карту. На ней подробно изображена южная часть Камчатки: от реки Большой до Авачинской губы и далее до Шипунского мыса. По Охотскому побережью нанесены основные реки — Апала, Голыгина, Кошегочик, Явина, Озерная, Канбалина. Вдоль берега редко, но все же показаны глубины. К югу от Озерной реки и Курильско-го озера, из которого она вытекает, вся местность названа «Курильская земляца», отчетливо нанесены 1-й и 2-й Курильские острова, а также остров Алаид; между островами, в Первом Курильском проливе, отмечены глубины, изображен и подписан мыс «Лопатка» (Лопатка.— А. А.).

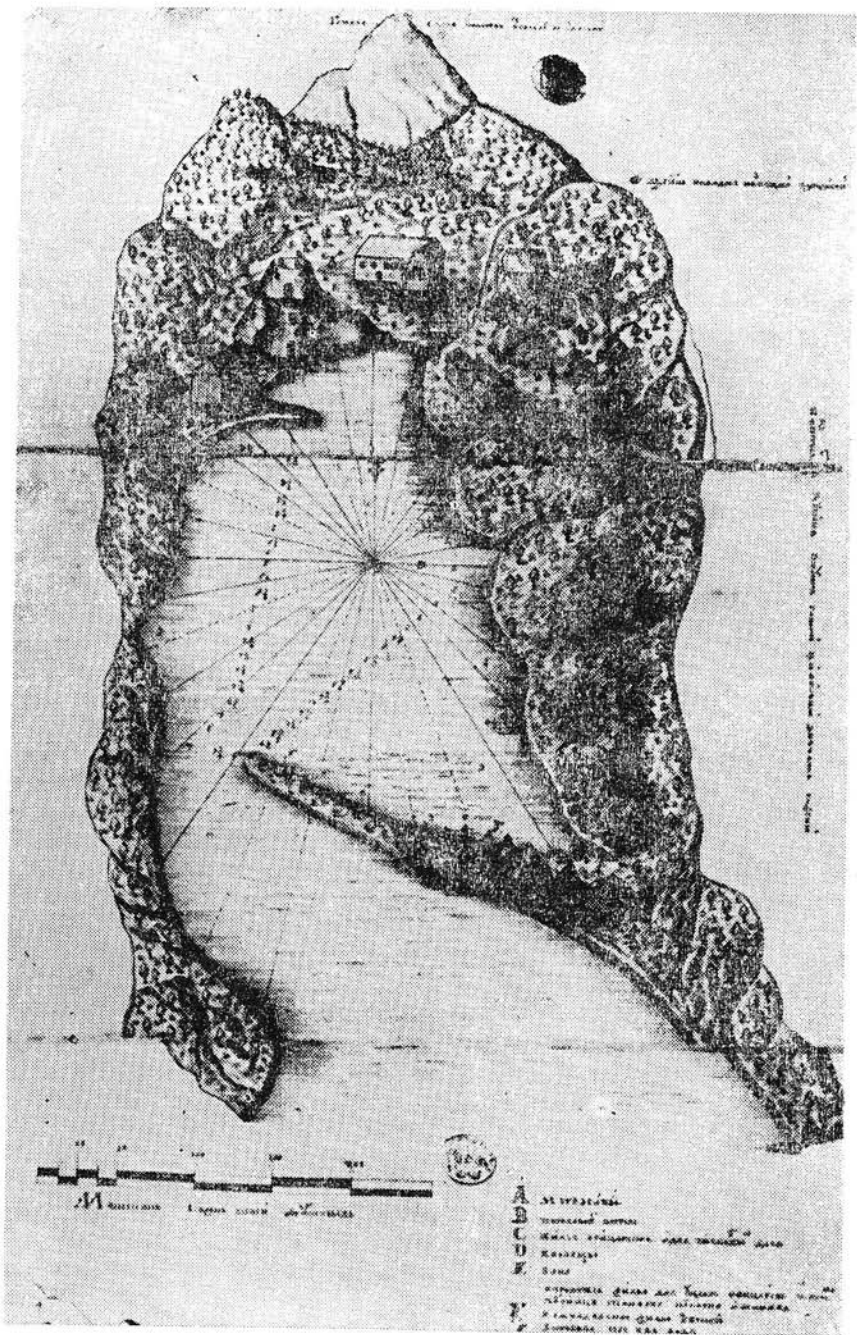
Восточное побережье Камчатки нанесено с меньшей подробностью, что и понятно, так как съемку делали с судна. На контуре полуострова нанесены и подписаны сопки (Канбалинская, Озерная, Авачинская, Вилюченская, Горелая) и очень хорошо нанесен район Авачинской губы, куда Елагин прибыл 10 июня 1740 года: «При которой губе построено камчатскими служилыми и ясажными иноземцами жилых покоев в одной связи пять, да казарм три, да три ж анбара в два апартамента. Також и в означенной губе глубину воды вымерел. И при том репорте приложил карту (упомянутая выше карта под № 66 в «Описании» ныне хранится в ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, № 66.— А. А.), в которой положен

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 43, л. 172—173 об.

² АВР, ф. Сибирские дела, № 66, 71.

³ Описание старинных атласов, карт и планов... Л., 1958, № 66, 67, с. 24.

⁴ Атлас... сост. А. В. Ефимов, карта № 95.

План Петропавловской гавани

берег камчацкой земли от устья Большой реки, лежащей к зюйду до Курильской Лопатки или до южного Камчацкого Угла мерою с Курильскими ж первым, вторым и третьим островами и со имеющимися меж ими проливами, которые де в означенном ево пути мимоходно случилось видеть, и положены на карту с пеленгов. И от Курильской Лопатки по восточному берегу камчацкой земли до Авачинской губы и со внутреннем в ней гаваном, которой гавани и при ней строению и какой при Авачинской губе имеетца лес, приложил карту ж (там же, № 67)»¹.

Действительно в районе Авачинской губы помечены гавань Св. Петра и Павла, маяк, река Авача, нанесены глубины при входе в Петропавловскую гавань; вокруг Авачинской губы сделана примечательная надпись: «Кругом сей г-ни (гавани.— А. А.) кроме березового, ольхового и тополевого лесу не имеетца». Это самая ранняя карта Камчатки, если не считать не найденную карту, составленную И. Свистуновым и Е. Родичевым в 1737 году. Мы имеем в виду при этом самую раннюю карту, исполненную гидрографическими методами с применением геодезических инструментов. Она вычерчена Ф. Х. Плениснером, участником плавания на «Св. Петре» вместе с Берингом в качестве «живописца», сопровождавшего Г. Стеллера. К такому выводу приводит рассмотрение карт Авачинской губы и плана Петропавловской гавани, на последнем из которых есть надпись Ф. Плениснера.

Карта Авачинской губы и план Петропавловской гавани, равно как и карта Камчатки, были окончательно составлены в 1740 году, когда прибыли суда экспедиции. 8 сентября 1740 года они вышли из Охотска и пришли в Авачинскую губу в начале октября того же года. Беринг 22 апреля 1741 года сообщил об этом Сенату в таких выражениях: «А вышереченная гавань к отстоя в зимнее время морских судов весьма способна, и для того и прибыли во оную гавань в двух пакетботах со всею командою того ж 740-го году октября 6 дня благополучно, где и зимовали. И оная гавань названа нами Святых апостол Петра и Павла»².

Карта Авачинской губы несомненно была составлена Елагиным и Хметевским ранее прибытия туда Беринга и основания Петропавловска, но начисто перечерчена Ф. Х. Плениснером уже после прихода пакетботов. На этой, вероятно самой первой карте Авачинской губы, вообще еще нет современных привычных названий, но зато на некоторых мысах написаны старые, местные названия. Так, входные мысы в Тарьинскую бухту названы «Куидих» и «Нитей», а островок в бухте назывался «Нюккаг»; самая южная часть Никольской сопки названа «Нитась». На месте Дальнего маяка — надпись: «Маяк, на котором в ношное время огонь жгут». Начиная от входа в Авачинскую губу и до самой Петропавловской гавани, а также и в ней нанесены глубины. Причем указано, что «внутри губы назначенная глубина в сажнях». Рядом с названием Петропавловской гавани (гавань св. апостолов Петра и Павла) помечено «мелка». Из других названий можно упомянуть «устье реки Авачи» и «р. Па-

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 51, л. 335—336.

² Там же, л. 336.

ратунка». Как карта Камчатки, так и карта Авачинской губы составлена в масштабе 15 немецких миль в одном градусе.

Наконец, последний картографический документ, связанный с этой экспедицией применительно к Камчатке, хранящийся в том же деле, в Архиве внешней политики России. Это план под названием «Гавань св. апостолов Петра и Павла». Вычерчен он Плениснером и им подписан, но составлен, вероятно, все же с плана Елагина, выполненного в масштабе — 1 дюйм = 50 шестифутовым саженям. План представляет собой отчетливую картину превосходного вида Петропавловска в год его основания, то есть в 1740-м.

Интересно теперь хотя бы примерно локализовать все эти постройки. Сразу за ручьем, в самой северной части Петропавловской гавани, стоял офицерский дом и канцелярия. К западу от него располагались бани, а в самом основании Никольской сопки — магазины-склады. К востоку от ручья, примерно в том районе, где теперь Дом политического просвещения (чуть ниже), находились казармы для нижних чинов и помещение для унтер-офицерского состава, за ними, повыше, стоял пороховой погреб. Походная церковь размещалась в районе областного краеведческого музея, а «камчадалские жилища» стояли на песчаной кошке, перекрывающей вход в Петропавловскую гавань. Думается, данный план представляет возможность путем точной локализации построек Камчатской экспедиции установить на соответствующих зданиях мемориальные доски.

Гидрографические работы на протяжении всей этой экспедиции вели не только в районе Камчатки. Когда Беринг и Чириков готовили и осуществляли свое плавание к берегам Америки, за начальника экспедиции оставался энергичный Мартын Петрович Шпанберг. Известны его распоряжения А. Е. Шельтингу от 30 августа 1741 года в Охотске об описании побережья Охотского моря от Охотска до Шантарских островов. Ему предписывалось следовать «от Охоцка морем подле берегу и оной берег от самого Охоцка описать и впадающия в море реки, вымеривая глубину оных рек в устьях, а ежели увидишь на море лежащия острова, те во описи своей тебе означивать, против которого места и на которой румб и в каком от берега расстоянии, например, так же и велики ль они, и как положением своим простираются, опись учинить. А ежели которые острова найдутца не в дальнем расстоянии от берегу, то для лутчаго описания посылать на те острова геодезиста Михайла Гвоздева, которой определен для вышеописанного описания в команду вашу». В задачу входила кроме того опись реки Уды, а «от устья Уди реки следовать сколько возможность допустит к реке Тугур, на которой бывал Российской Тугурской острог», а далее идти «в вышеписанном пути до 46° северной ширины до реки Амура, которая надеемся, что лежит в вышеписанной ширине»¹.

28 ноября 1741 года А. Е. Шельтинг докладывал Шпанбергу, что он благополучно прибыл к реке Уде и сообщал: «с устья реки ездил я з

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 114, л. 583—585.

геодезистом Гвоздевым до самого Удцкого острога по той реке водяным ходом на мелких лотках и судами, которые ходят глубиною от 6 до 10-ти фут». А обратно «от Уцкого устья реки следовал я меж берегами и Шантарскими островами, которые лежат от северного берегу в 6 и 4-х милях немецких, и за великими противными тогда ветрами, и погодами, и туманами на те острова для лутчаго осмотра и описания ехать на шлюпке было невозможно». По позднему времени (был сентябрь) Шельтинг возвратился в Большерецк. Он представил карту и журнал, «также и взятые с удцких пашенных крестьян и тамошних обывателей скаски», которые до сих пор не найдены¹.

В. А. Хметевский кроме работ на Камчатке описал северный берег Охотского моря от Охотска до реки Вилеги и побережье Камчатки от реки Хахтаны до Большерецка в 1743 году на боте «Большерецк» вместе с штурманом Андреем Шагановым. Из рапортов В. А. Хметевского Шпанбергу 20 июля и 8 декабря 1743 года можно представить ход исследований. В точности следуя инструкции от 30 июня, бот прибыл к устью реки Иня, где было произведено подробное обследование с промером, а 19 июля — к Тауйскому острогу «и от Охотска до Тауи берег и губы описал»².

Говоря о наиболее удобных для стоянки судов гаванях, Хметевский отметил Шилкапскую, Ейринейскую и Мотыклейскую губы-заливы. Он писал: «а в описанном мною берегу натуральных гаваней удобных хотя и не нашлось, однако от неблагоприятного ветра безопасных мест по отстою судов находятца некоторые губы, а имянно в Шилкапской губе две внутренние губки, одна называемая Шилкапская губка. Во оную и речка Шилкапка пала, хотя устье и мелко, но в большую воду бывает девять фут, а в губе в малую воду три и до семи сажень, грунт песок серой... а другая губа, называемая Ейрилейская. Во оной губе глубине от пяти до пятнадцати сажень, грунт песок серой, а третья Мутыклейская губа, глубиною от двенадцати до двух сажень в малую воду...»³.

Отсюда Хметевский «дошел обстоятельным описанием без проронку до Туманы реки в прошедшем августе в 24-м числе»⁴. На следующий день бот отправился дальше, но из-за шторма вынужден был стать на оба якоря. 26-го штормом «оторвало оба якоря и тогда я лежал на дрейфе (лежал в дрейфе.— А. А.) под фоком сутки, то от великого волнения заливало валами судно и тем залитием из нахтоуза выбило один компас и унесло в море, а люди едва могли удержатца за снасти, ибо оным заливым валом раздробило палубу»⁵.

2 сентября «Большерецк» отправился в Пенжинскую губу, чтобы продолжить ее опись, но противные ветры и отсутствие провианта заставили Хметевского «с общего согласия всей команды служителей» идти прямо на Камчатку. Приблизиться к ней и опознать берег смогли только»

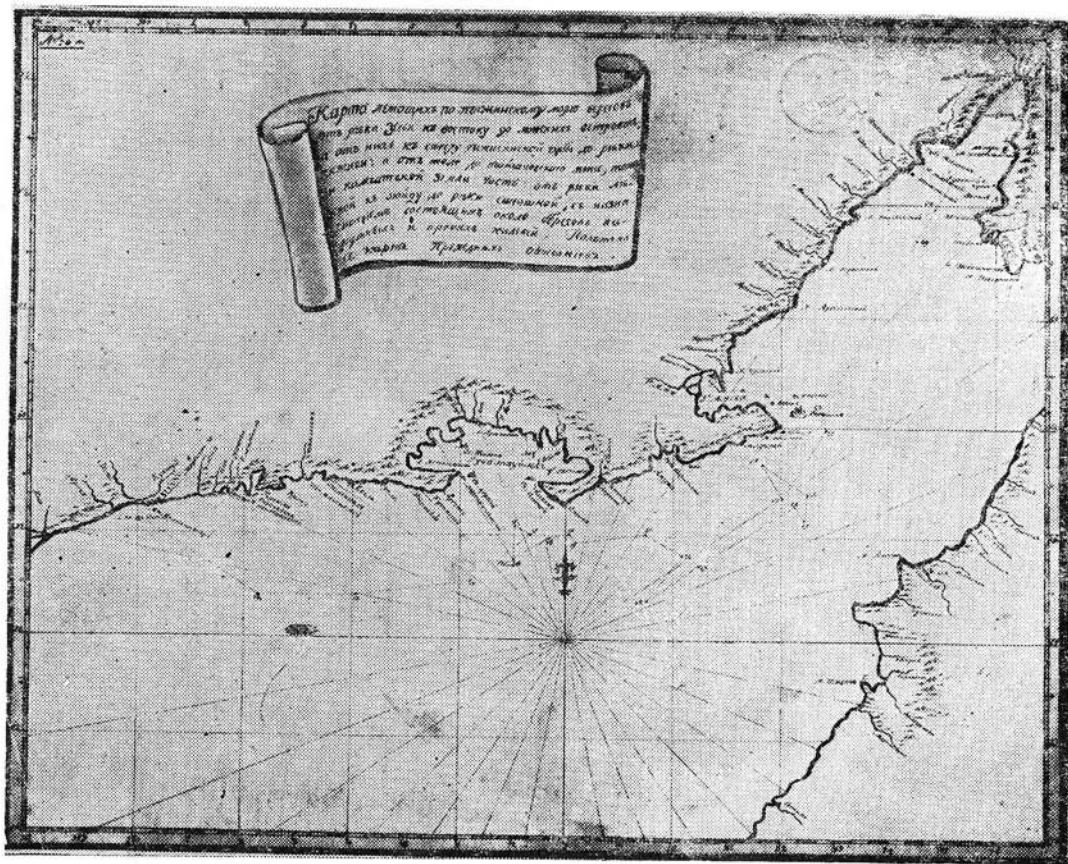
¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 38, л. 460.

² Там же, ф. 216, оп. 1, д. 53, л. 825 об.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 57, л. 418.

⁵ Там же.

Карта берега Охотского моря

12 сентября, когда сумели войти в устье реки Морошечной. Послав отсюда нарочного в Нижнекамчатск с докладом Шпанбергу, Хметевский пытался добраться до Большерецка. Но, писал в рапорте Хметевский, «как вышел из оной реки Морошечной, то того ж сентября 15 дня стал быть зело шторм меж S и O, которой продолжался до 19 числа, и от оно-го шторма видели смертную гибель, уже не чаяли получить спасение, что парусы изодрало и валами всегда покрывало все судно и от того сильного заливания оторвало нактоус, збросило и с компасами в море, тако ж некоторых служителей едва могли на судно за снасти удержатца, а нактоус едва ж могли поймать, а в каюте была всегда вода, а из ин-трюма безпрестанно ж в две помпы выливали и едва могли уливатца, ежели бы оной шторм продолжался хотя б еще половина дни, то бы никакого можно спасения получить, понеже служители от мокроты и заливания обезсилели и не имели пропитания, понеже чтоб перемятца с вахты было невозможно»¹.

Кончилось все тем, что удалось зайти в реку Хариузовку, где оставили судно на зимовку при карауле, а все прочие зимовали в выстроенных юртах. Зимой умер штурман Шабанов и вместо него прибыл М. В. Неводчиков. С открытием навигации Хметевский продолжал с ним описные работы. Результатом их стало подробное описание побережья от Охотска до Тауйска. Карта, составленная Хметевским, сохранялась в течение всего XVIII века, ее копировали другие мореходы. Об этом, в частности, писал исследователь Охотского моря начала XIX века А. Е. Шаховской. «До издания меркаторской карты Охотского моря и Восточного океана г. Вице-адмиралом Сарычевым в 1802 году на охотских мореходных судах не употреблялось никаких печатных карт Охотского моря. Служившие до того времени в Охотске морские офицеры для плаваний своих употребляли рисованные карты, скопирывая их один у другого... Так как все эти карты, — продолжал он далее, — очень сходны, то естественно предположить, что они являются копиями карты Василия Хметевского, сделанной в 1743—44 гг.»².

Не только перечисленные офицеры занимались гидрографическими работами во время действия Второй Камчатской экспедиции, о значении которой почему-то принято говорить главным образом в связи с плаваниями В. Беринга и А. И. Чирикова к берегам Америки да по результатам работы северных отрядов ее. Отряд Шпанберга в этой экспедиции играл значительную роль не только потому, что он описал Курильские острова и побывал в Японии. Он проделал большую и важную работу по гидрографическому обследованию береговой черты Охотского моря, о чем известно сравнительно мало.

Летом 1741 года штурман Василий Алексеевич Ртищев по распоряжению В. Беринга описывал устье реки Ини: «И ежели оная река будет способна для охранения морских судов, то требовать от Охоцкого правления, чтоб от оно-го определено было зделать мояки... А на которой

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 57, л. 418 об.

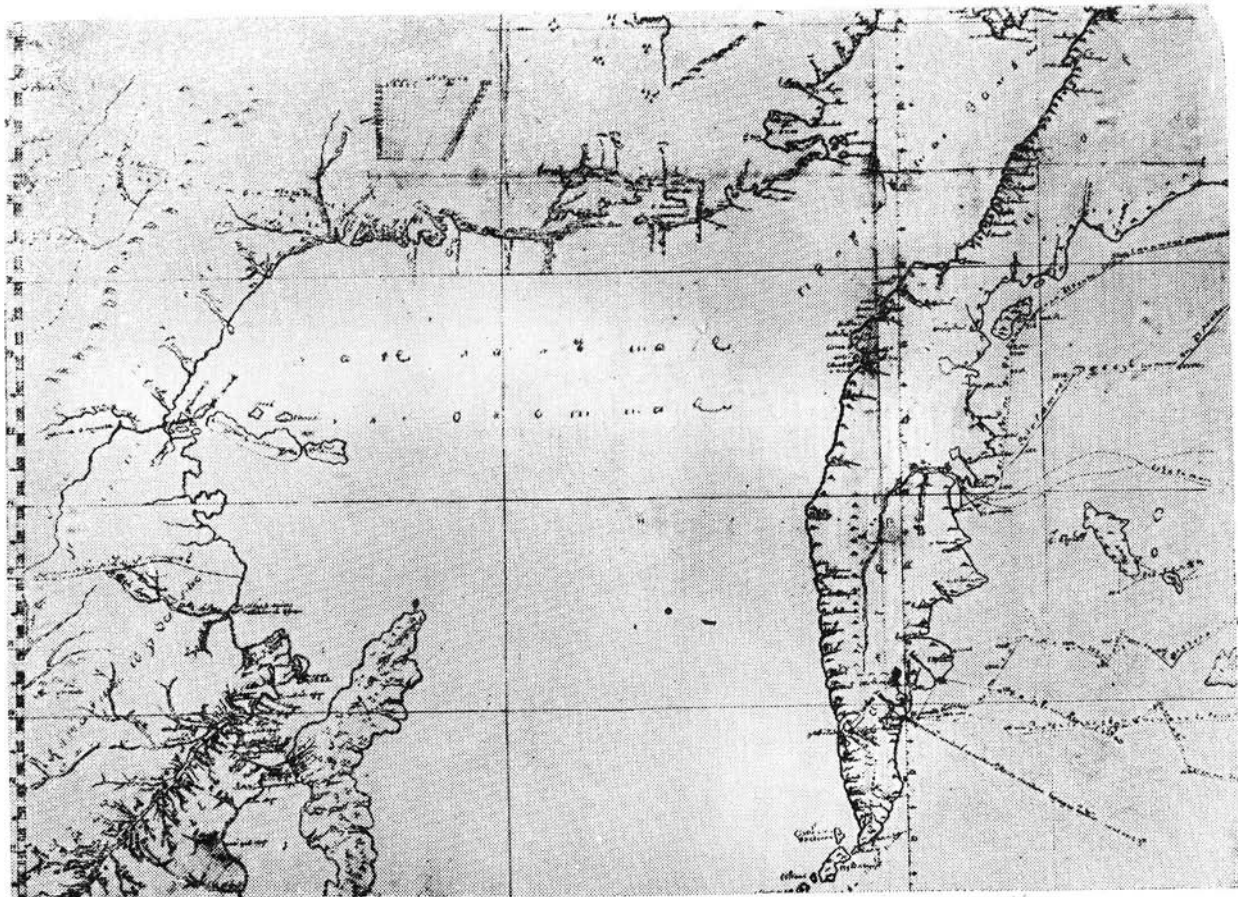
² Там же, ф. 913, оп. 1, д. 297, л. 5 об.

стороне той реки учрежден будет мойк или огонь, то назначить на карте»¹. Тем же целям была посвящена и работа штурмана Харлама Юшина вместе со шкипером Дмитрием Коростелевым, которые по приказанию А. И. Чирикова описывали летом того же 1743 года реку Улью. Мы приводим их рапорт от 8 августа 1743 года: «Следовали мы до устья реки Ульи на гукоре «Св. Петре», служителей при нас имелось разных чинов 10 человек, от Охоцка июля 10 дня, а прибыли в помянутое устье того ж месяца 15 дня, к которому нас не допускал зюйд-вестовый ветер, между тем и безветрие, а от Охоцка до Ульи румб зюйд-вест, половина к весту 16 миль немецких, и по свидетельству нашему к поселению жителей на южной стороне от маяка, даже и за юрты быть годно. А для осмотра лесу следовали мы вверх реки Ульи батом (выдолбленная из одного целого дерева лодка.— А. А.) три дни верст близь 50 до речки Горбыкана. И находится годной лес к строению морских судов от устья верстах в 35 и до речки Горбыкана, токмо ево недовольно и ретко, разве найдется не более на строение одного судна, а простирается вдоль реки верст на 10 и более, а в берег на версту. А к сплавке того лесу до устья весьма опасно, понеже есть пороги поперек всей реки и во многих местах наносы среди реки, к которым сильная вода лежит. Да к тому ж оная река весьма разсыписта и протоками, сильно в течении и быстротою разве малым тише явствует Урака реки. А вода имелась в то время малая, а ежели оная будет иметь прибылую воду от дождев или по вскрытии рек вешним временем, то и быстрее может быть. И на многих шеверах по одному с половиною и по одному футу и меньше, а между шеверами от 5-и до 10 фут. А к отстою морских судов годно только летним временем, разве для какой нужды, а к зимнему отстою полагаем быть не угодно, в которых он, г-н капитан Вальтон (он непосредственно отдавал распоряжение.— А. А.), назначивал в маленьких бухтах, понеже оная круто береги — вытаскивать суда невозможно. А в убылой воде в тех местах от 7 и до 10 фут, к которым чрез Кошку в осеннее время ходит вода морская, потому видно, что наносу многое число на Кошке, а дресва весьма насыпная и для крепления судов сваи утверждать невозможно, и от восточных ветров якоря держать, надеемся, не могут от слабости той дресвы. А течением во убыли воды сильно не тише Кухтуя реки (т. е. течение такое же сильное, как и в реке Кухтуй.— А. А.), где прежде наши пакетботы стояли. К тому ж тунгусы сказывали, что вешним, так и осенним временем носил лед как с прибылой, так и убылой водой. И о поселении жителей и о годном лесу к строению судов и со описанием реки и устья при сем репорте явствует карта»². К сожалению, и эта карта, как и многие другие, до нас не дошла.

Подобные примеры можно продолжать. М. А. Юрлов сделал опись берега Камчатки от Авачинского залива до мыса Кроноцкого. И. Новицкий описал реку Пенжину и составил карту Пенжинской губы. М. Ушаков — берег Камчатки от Большерецка до реки Тигиль. Несомненно, в

¹ ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 6, д. 62, л. 120.

² Там же, ф. 216, оп. 1, д. 60, л. 299.

Карта А. И. Нараева

какой-то степени к этому списку можно отнести обширные географические, этнографические и исторические исследования, проведенные на Камчатке Степаном Петровичем Крашенинниковым и описанные им впоследствии в капитальном труде «Описание земли Камчатки»¹.

Таким образом, впервые за всю историю береговая черта Берингова, Охотского морей и части Тихого океана была описана со всей возможной в те времена точностью, и большая часть ее нанесена на карту. Обработкой результатов занимался известный русский гидрограф адмирал Алексей Иванович Нагаев². Из его отчета видно, что по Берингову и Охотскому морям была составлена 31 карта. Эта цифра будет еще более внушительной, если сказать, что всех карт после окончания экспедиции насчитывалось 63³.

Основным методом гидрографических исследований стала морская опись, чаще всего применявшаяся во время плаваний Беринга, Чирикова, Шпанберга, Вальтона, Шельтинга, Ртищева, Хметевского и других офицеров. Ее применение позволило в сравнительно короткие сроки и довольно точно нанести на карту поистине огромные пространства. Там, где представлялось возможным, производили съемку и промер. Примером этому служат работы И. Елагина в Авачинской губе, В. Хметевского в Нижнекамчатске, С. Вакселя на Шумагинских островах и другие.

Применение новейших по тому времени инструментов дало возможность производить астрономические наблюдения, легшие затем в основу создания меркаторских карт. Основную работу по производству астрономических наблюдений провел геодезист и астроном А. Красильников. Им определено три долготы (Охотск, Большерецк и Петропавловск) и восемь широт (Урацкое плотбище, Охотск, Большерецк, Петропавловск и др.). Замечательно качество работ Красильникова: например, широта Охотска, найденная им, отличается от современной только на одну минуту.

Нельзя не отметить неприглядной роли профессора Делиль де ла Кройера, который за всю экспедицию произвел только четыре определения, из них на Дальнем Востоке одно — долготу Петропавловской гавани. Все астрономические определения производил в основном геодезист А. Красильников, впоследствии активный участник вместе с Н. Г. Кургановым гидрографической экспедиции А. И. Нагаева на Балтийском море. Начальник Академического отряда писал по поводу де ла Кройера: «Я был свидетелем, как жил сей профессор, и видел после его смерти, сколь мало осталось между его рукописями собственных его и без помощи г. Красильникова сделанных обсерваций. И эти обсервации, полученные в Академии под именем ла Кройеровых, должны быть приписаны наиболее трудолюбивому Красильникову, ученику Фарварсона. Что бы было если б Красильников не помогал де ла Кройеру?»⁴.

Завершим разговор о гидрографических работах, проведенных во

¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1786.

² О нем: Алексеев А. И. Адмирал Нагаев. Магадан, 1959.

³ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 73, л. 113—115.

⁴ Записки Гидрографического департамента. СПб., 1849, ч. VII, с. 541—542.

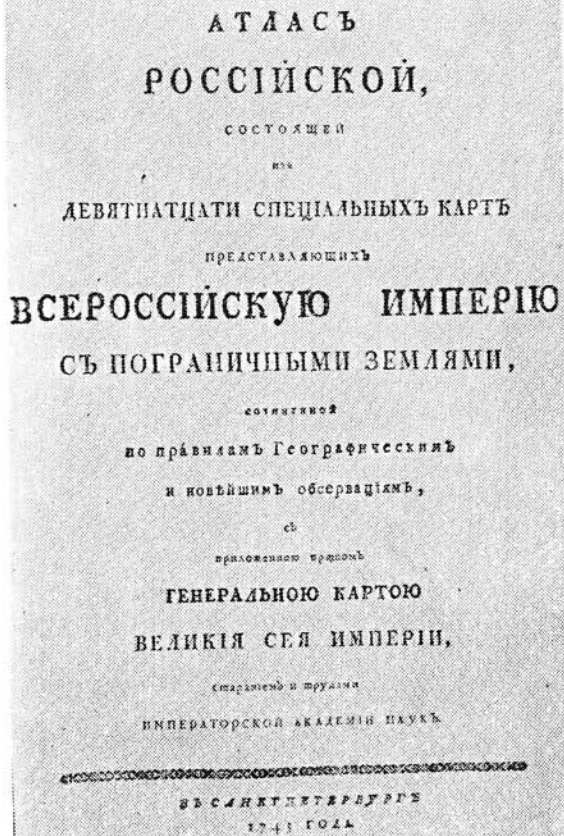
Крест на могиле В. И. Беринга

время экспедиций Беринга, тем, что они стали коренными, поворотными в изучении Дальнего Востока по точности нанесения на карты береговой черты. Гораздо больше исследований было сделано на пути в Америку и в самой Америке. Охотское побережье и Камчатка стали тем трамплином, откуда отправлялись в дальнейший путь многочисленные купеческие суда. Казалось, мореходы и купцы забыли об Анадырском остроге, забыли о восточных и чукотских носах — все стремились в Америку. Но устремляясь на восток от Камчатки, некоторые успевали сделать кое-что и в Охотско-Чукотско-Камчатском крае.

Открытие Алеутских островов и берегов Северной Америки вызвало небывалый приток промышленных и торговых людей, пожелавших попытать счастья в неведомых землях. Первый поход в этом ряду, поход Е. С. Басова на Командорские острова в 1743—1745 годах ознаменовался крупным успехом. Было вывезено много мехов на огромную сумму. После такого успешного похода плаванья промышленников на Командорские, а затем и на Алеутские острова стали обычными. По данным Р. В. Макаровой¹, их было с 1743 по 1797 год — 89. Теперь можно говорить, что этим списком не исчерпываются все промышленные экспедиции.

Исключительно велика роль Тимофея и Василия Ивановичей Шмалевых, благодаря трудам которых стало возможно достаточно подробно и достоверно говорить о плаваньях промышленников в это время. Составленное ими хронологическое описание всех компаний, современниками которых они сами были, позволяет принимать эти материалы без всяких колебаний за первоисточник. Несмотря на необычайно длинное для нашего времени их название, приведем его полностью: «Примечание, учиненное двумя братьями Охоцкой команды капитанами Тимофеем и Василием Шмалевыми, безсмертная славы блаженной и вечной достойная памяти государь Император Петр Первый отец отечества по премудрому своему благоусмотрению к ползе отечества и всему свету соизволил определить для осмотра на северном и северо-восточном морях неизвестных до того на оном земель и островов неоднократных экспедиции, о коих здесь как уже о том 758го году в Санктпетербургских месячных сочинениях обстоятельно напечатано то и всякому есть небезизвестно, но как после великих из оных бывших первой и второй Камчатских экспедиций купеческия суда для промыслу морских и земных всякаго рода зверей по северо-восточному морю от Камчатской земли на морских судах вояжировать начало поимели, о том еще обстоятельно описанием невидно, почему мы осмелились ко оному сим примечанием объяснить, сколько в Камчатке и в Охоцком и в протчих местах в постройке судов состояло, с показанием кто оных главных компанионы и кто предводителями и мореходами и на которых островах имянно находитца имели с выяснением отбытиев и прибытиев которых годов последовало сколько с американских народов обитающих на островах собранного в казну Ея Императорского Величества ясака то ж и разных оными компаниями с

¹ Макарова Р. В. Экспедиции русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII веке. — Вопросы географии. М., 1950, сб. 17, с. 35—41.

Титульный лист «Атласа Россійского» 1745 года

прошлого 744го по нынешней, 775 год в вывозе собственных промыслов промышленных зверей и каких именно состояло, и взятой со оного промыслу в десятую часть зверей по цене в казну Ея Императорского Величества получено по случаю собранных нами дел из Охоцкой и Камчацкой Большерецкой канцелярии и Нижнекамчатской приказной избы архив к тому ж и по нахождению нашему в здешних отдаленных местах чрез двадцати двух летнее время, а особливо бытия нашего при немалом числе судов отпращивании и по выходе выделов отчасти любопытствуя и от бывших в разныя времена на тех островах бывших, а особлив от подштурмана Михаила Неводчикова и начального компанейщика Камчацкого купца Никифора Трапезникова и находящихся, а по здешним местам почитаемым за лутчих Петра Башмакова, Андреяна Толстых, Степана Глотова и квартирмистра Гаврила Пушкарева, и протчих мореходов и передовщиков, к тому же и некоторых лучших промышленных людей, которыя американския называемыя Алеуцкия Ближняя Средняя и Дальняя острова з жителствующим на оных народом обыскать имели по персональной достоверности полученных объясненіев к верному знанию в

Карта Восточной Сибири, составленная по результатам экспедиций В. И. Беринга, М. С. Гвоздева

Отечестве, описание учинили 1775 года июля 12 дня капитан Тимофей Шмалев Капитан Василий Шмалев»¹.

Вряд ли этот замечательный историко-географический документ нуждается в комментариях. Остается пожелать, чтобы к нему почаще обращались исследователи, работающие над историей походов русских людей в северной части Тихого океана во второй половине XVIII века. Во время подобных плаваний было открыто множество островов. К чести промышленников и мореходов, после каждого плавания составлялась, а точнее сказать, оставалась карта плавания и открытых островов.

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 5, л. 1—1 об.

Прежде всего надо сказать, что мореходами во всех этих промышленных экспедициях были опытные люди. Часть их получила образование в основанных в Сибири и на Дальнем Востоке Иркутской, Якутской, Нерчинской и Охотской навигацких школах. Знакомство с навигацией, основами астрономии и лоции позволяло им составлять меркаторские карты и планы посещенных мест. Но все же большинство были практиками, хорошо знавшими местные условия плавания. Некоторой научной направленности каждого такого похода помогали передовые представители администрации на Камчатке и Чукотке, такие как М. К. Бем, Ф. Х. Пленнсер и особенно братья Т. И. и В. И. Шмалева, которые предписывали, вменяли в обязанность всем отправлявшимся на промыслы присылать по возвращении обстоятельные «репорты», журналы и карты.

После камчатских экспедиций В. И. Беринга объем гидрографических исследований Берингова моря, северной части Тихого океана и части Охотского моря не только не уменьшился, но даже значительно увеличился. Об этом надо говорить особо, так как М. Е. Жданко, например, считал, что после экспедиций Беринга наступил перерыв в гидрографических исследованиях на Дальнем Востоке, продолжавшийся вплоть до экспедиций П. К. Креницына и И. И. Биллингса. Правда, гидрографические работы тех лет не носили специального и систематического характера, но значение их от этого не уменьшилось.

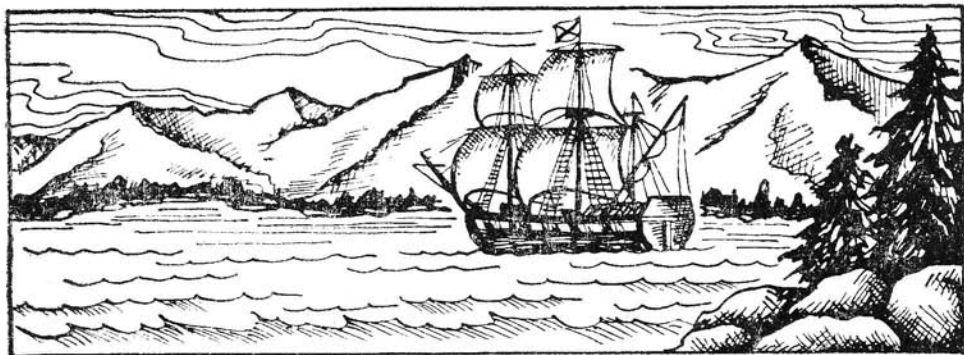
В Охотске и Нижнекамчатске появились, как мы знаем из документа Шмалевых, свои, «местные» кадры мореходов. М. В. Неводчиков, А. Толстых, Е. Санников, Н. А. Трапезников, П. Башмаков, С. Г. Глотов, Л. Наседкин, А. Очередин, П. К. Зайков, Д. И. Бочаров, Г. А. Измайлов, Д. Полотов, Г. Л. Прибылов и многие другие должны быть почитаемы не только как первооткрыватели и отважные мореходы — мы должны их всегда вспоминать, когда речь идет о гидрографических исследованиях на Дальнем Востоке. В самом деле: в 1745 году М. В. Неводчиков открыл острова Атту, Агатту и Семичи и нанес на карту их береговую черту; в 1756—1758 годах П. Башмаков открыл 13 островов, лежащих к востоку от Ближних островов, и также нанес их, хотя и приближенно, на карту; в 1759 году С. Г. Глотов открыл острова Умнак и Уналашка, а участник этого плавания Петр Шишкин не инструментально конечно, но составил карту известных тогда Алеутских островов; в 1759—1760 годах Пушкарев и Панков побывали у берегов Аляски; в 1761 году А. Толстых открыл группу островов, названных его именем; в 1763 году С. Г. Глотов открыл остров Кадьяк, а в 1780-х годах Г. Л. Прибылов — острова Прибылова, Г. А. Измайлов — остров Афогнак и так далее.

Промышленные плавания привели в конце концов к созданию Российско-Американской компании, подняли на еще более высокую ступень географические познания о землях в северной части Тихого океана. Береговая черта их в результате гидрографических исследований все увереннее прокладывалась на картах. Инструментами для таких исследований служили по-прежнему компас, лот и иногда маятниковые часы, квадрант или астролябия.

Вот авторитетное свидетельство того, как снаряжались подобные

экспедиции: «Все такие промышленники навигации не знают и морских карт не имеют, но по одному компасу путь свой продолжают в восточную сторону, а потом, как по мнению уверены бывают, что по расстоянию около тех островов быть признают, поворачивают к северу, и там оные находят». Однако тот же автор писал далее об одном из таких промышленников — Иване Бахове: «Он хотя навигации и не знал, однако о счислении пути так знал, яко бы незнающему навигации штурману надлежало»¹. Тем больше научный подвиг этих людей, добившихся с несовершенными инструментами или даже без них превосходных результатов.

¹ Соймонов Ф. И. Продолжение о древней пословице Сибирь — золотое дно. Ежемесячные сочинения. СПб., 1764, январь, с. 47.

Глава шестая

ГИДРОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭКСПЕДИЦИЯХ ПРОМЫШЛЕННИКОВ

Вскоре по возвращении из экспедиции в 1747 году А. И. Чириков обратился в Адмиралтейств-коллегию с предложениями об основных направлениях дальнейших исследований северной части Тихого океана, в которых не только говорил о том, как должны плавать русские промышленники на Алеутские острова и в Америку, но и поставил вопрос об отыскании лучшего, чем Охотский рейд, места для устройства там порта взамен Охотска, для чего предлагал «послать берегом от Охотка к востоку верст 200 или 300, а к западу хотя от самой Уди реки описать регулою геодезии мерою, и куды простирается порядочно тот морской берег, и осмотреть, не находятся ль где удобные гавани к лутчему хранению морских судов, нежели при Охотском устье»¹.

Понадобилось более столетия, чтобы вопрос о переносе Охотского порта был решен сначала в пользу Петропавловска-Камчатского, а вскоре после этого — Николаевска-на-Амуре в связи с действиями на устье и в лимане Амура в 1849—1855 годах Амурской экспедиции, возглавлявшейся Г. И. Невельским. Между прочим, в июне 1753 года Сибирский губернатор вице-адмирал В. А. Мятлев делал представление в Сенат об устройстве на устье Амура судостроительной верфи и военно-морской крепости. Он писал, что «на устье Амура реки необходимо надобно в расуждение тамошнего народа, хотя не весьма убатошную, крепость сделать, верфь для строения регулярных морских военных судов учредить»².

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, д. 48, л. 743.

² ЦГИА СССР, ф. 1341, оп. 303 (1764), д. 4856, л. 55.

В результате представлений А. И. Чирикова и В. А. Мятлева 28 декабря 1753 года вышел указ Адмиралтейств-коллегии о возобновлении Камчатской экспедиции. Ей поручался поиск новых земель на Тихом океане и приведение в российское подданство местного населения. Ближайшей же задачей было строительство в Нерчинске флотилии, на которой надлежало пройти по всему Амуру до его устья, произвести там исследования и устроить порт, если физико-географические данные позволяют это сделать, а уж из этого порта продолжать исследования в северной части Тихого океана. Скажем сразу, что, несмотря на тщательную подготовку, проведенную назначенным начальником Возобновленной Камчатской экспедиции Ф. И. Соймоновым, она по целому ряду причин не состоялась и была постепенно расформирована. Сибирским губернатором после В. А. Мятлева стал Ф. И. Соймонов.

Еще в 1746—1749 годах якутский купец Семен Новиков и великоустюжский купец Иван Бахов совершили плавание из Анадырска в Нижнекамчатск с зимовками для промысла на Командорских островах. Одновременно с ними работала партия Тимофея Перевалова, который в 1754 году представил карту Чукотки и части северной Камчатки с обозначением маршрута Новикова и Бахова. Тимофей Перевалов сумел в 1750 году совершить обратное плавание с Камчатки на Чукотку, в Анадырск. На карте Перевалова очень хорошо показан район Берингова пролива, помечена Америка, побережье от Колымы до Анадыря нанесено правильно, имеется пояснительный текст и в районе суши.

В 1758—1762 годах на боте «Св. Иулиан», принадлежавшем компании И. Никифорова, Саввин Пономарев, Степан Глотов побывали на островах Умнаке и Уналашке, где был богатый промысел. Они составили описание островов и карту, а принимавший участие в плавании купец Петр Шишкин по показаниям Саввина Пономарева составил карту всех Алеутских островов. Она рассматривалась в Адмиралтейств-коллегии, о ней было доложено императрице, и 31 августа 1762 года впервые были награждены медалями купцы: тобольский Илья Снигирев, вологодские Иван Буренин и Иван Кульков, яренские Иван Томилов и Афанасий Суханов, тотемские Андрей Титов, братья Григорий и Петр Пановы, московский Егор Сабинин, тульские Семен Красильников и Афанасий Орехов, лальский купец Афанасий Чебаевский — компаньоны купца Ивана Никифорова. На медали был выбит портрет Екатерины II, а на обороте слова: «За полезные обществу труды». Медаль носили на шее на голубой ленте высшего русского ордена Андрея Первозванного.

На карте Алеутских островов в экспликации перечислены плавания промышленников за 1757—1762 годы, нанесены маршруты плаваний. Карта не имеет сетки широт и долгот, острова нанесены приблизительно, в приблизительном расстоянии друг от друга. Отличительные свойства карты — богатая легенда и нагрузка, что в соединении с представленным описанием плавания становится ценным документом. Изредка находя в этой главе сведения о плаваниях русских промышленников к берегам Америки и на Алеутские острова, будем помнить, что все это тогда принадлежало России.

Медаль «За полезные обществу труды», которой награждались промышленники, купцы, мореходы, а также местные жители.
Фото представлено В. А. Дуровым.

Остановимся на картах талантливого чукотского самородка-ученого Николая Дауркина¹. Сначала была Чукотка, начальное образование получил в Якутске и затем в Тобольске, куда его взяли мальчиком в услужение в семью Павлуцких. Несомненно природная одаренность помогла представителю северной народности создать интересные документы — карты Чукотки. В них, в легенде, нашла отражение и гидрографическая ситуация.

В 1763—1764 годах Николай Иванович Дауркин (чукотское имя Тангитан) по собственной инициативе, а не по приказанию начальника Анадырского округа полковника Ф. Х. Плениснера, как об этом пишут все исследователи начиная с Л. С. Берга (исключая последние работы А. В. Ефимова), предпринял поход-путешествие по Чукотке. Именно после этого появилась «Карта северо-восточной Азии и Северной Америки»², помеченная 1765 годом с указанием, что она составлена в Анадырске. Нельзя не удивляться обширности познаний ее автора. Чтобы понять, как важны были сведения Дауркина, необходимо иметь в виду, что посещавшие до него эти места служили на карту их не наносили. Единственными экспедициями, работавшими в этих районах, были экспедиции Беринга и Гвоздева.

На карте 1765 года показана часть Чукотки от устья реки Анадырь до устья реки Ковымы (Колымы). На карте нанесена часть Северной Америки. Американский берег на этой карте сразу после Берингова пролива не поворачивает к востоку, а продолжается на северо-запад, образуя длинный пролив на всем протяжении Чукотки до реки Колымы включи-

¹ Алексеев А. И. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961; То же на чукотском языке.

² Существует несколько копий карты Дауркина. Мы пользовались подлинной его картой: ЦГАДА, Картографический фонд Иркутской губернии, № 24.

Карта Н. И. Дауркина 1765 года

тельно. Названия большинства географических объектов даны Дауркиным по-чукотски. Хорошо, подробно показаны Анадырский залив и все побережье до мыса Дежнева, с северной стороны которого имеется надпись «Увелен». Это прямое указание на существующее селение Уэлен. Против него нанесены острова, именуемые теперь Гвоздевыми, или Диомида.

В экспликации к карте он дает подробное объяснение и неоднократно говорит об общении чукчей с жителями Северной Америки, о торговле с ними, приводит описание этих жителей, а также реки и крепости в ее устье. В частности, на американском берегу напротив островов Имаглин и Игеллин (Ратманова и Крузенштерна) написано: «люди живут, носят платье соболье, лисье и рысье. Разговор с чукчами не сходен. У них торг имеется на первом острове против Чукоцкой земле Инылине».

О постоянных связях чукчей с жителями Северной Америки говорит и надпись, поясняющая литеру «А», которой обозначен район мыса Дежнева: «Иухен то есть переправа в месяце мае байдарами на первой острове Имаглину (Ратманова.— А. А.), а плавежу 1 день, а на все острова ходу 3 дни, а зимою по льду пешком в феврале или марте месяце по 1-му дню ходить и те чукчи имеют торг со оными островными (слово написано неразборчиво.— А. А.), которые имеют жительство на матерой земле откуда привозят всяких зверей»¹.

Позже Н. И. Дауркин составил новую карту. Т. И. Шмалев в письме к Г. Ф. Миллеру сообщал: «При отъезде моем с Камчатки 774 году взята у него (Дауркина.— А. А.) его своеручного копирования о Чукотском носу и где он путешествие имел карта, на коею хоша достоверно и утвердителя неможно, однакож для замечания им на той карте дорог и островов то ж и несколько положение берегу и по оному губы совсем за невероятную почесть неможно»².

Это первое указание на новую карту Дауркина. Ее в сентябре 1775 года Т. И. Шмалев вместе с копиями документов о проекте Дауркина и копией «скаски» о путешествии 1763—1764 годов отправил Г. Ф. Миллеру, о чем свидетельствует собственноручная надпись Т. И. Шмалева, сделанная на обороте карты: «Сия карта от Сибирского дворянина Дауркина получена. Как он чукоцкой породы и находясь там записки чинил, хотя уверится и несходственно, но довольно того, что неученой из отсталого народу от усердия своего к Отечеству прилежанье к сему и действительная охота смертная до учения. Горькое сожалетельно, что с охотою ево распределению командирскою не соответствует. Подписал в Охотке 1775 году сентября 7 дня капитан Тимофей Шмалев»³.

За годы между первой и второй картой Дауркин побывал в экспедиции геодезистов на Медвежьих островах. Нам в свое время удалось установить, что новая карта составлена Дауркиным в 1774 году. Она во многом отличается от первой в лучшую сторону. Если первая карта имеет

¹ ЦГАДА, Картографический фонд Иркутской губернии, № 24.

² Алексеев А. И. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961, с. 56.

³ Там же, с. 34.

более местное, локальное значение и фиксирует интересные этнографические, топонимические данные Чукотки и даже биографические сведения самого автора, то вторая охватывает гораздо больший район. Новая карта исправляет неточности первой в изображении Северной Америки, уточняет береговую черту Чукотки. По традиции того времени, карта снабжена подробной и интересной экспликацией.

На основании опыта походов от Медвежьих островов к северу, северо-востоку и востоку Н. И. Дауркин отказался от традиционных представлений в изображении Северной Америки, тянущейся к западу от Берингова пролива в Северном Ледовитом океане. Если на карте 1765 года Дауркин поместил к северу от Чаунской губы землю Тикиген, на которой «живут люди ...оленные, а их чукчи называют храхаи у них разговор как у чукочь, а у оных меди красной довольно, копые и ножи котлы медные»¹, то на карте 1774 года отсутствует и земля Тикиген, и остров Ным-Ным.

От пересмотра этих позиций карта Дауркина значительно выиграла. Новая карта охватывает весь Охотско-Чукотский край и Камчатку. На ней нанесено побережье северо-востока Азии от реки Алазеи до Шантарских островов включительно, а также острова Берингова пролива и часть противоположного берега Северной Америки. Береговая черта выгодно отличается от нанесенной на прежних картах правильностью нанесения заливов, островов, полуостровов, рек. В Охотском море показаны Тауйская и Ямская губы, нанесены Командорские острова и остров Карагинский. Чрезмерное выделение на карте 1765 года Анадырского лимана и преувеличение размеров бухт и заливов южной части Чукотки на новой карте заметно исправлено. По-прежнему карта Дауркина отражает неверные представления о далеко выдающемся в Северный Ледовитый океан Шелагском мысе на севере Чукотки между рекой Чаун и островом Колючин. Обращает внимание в общем достаточно правильное представление Дауркина о гидрографии суши северо-востока Азии.

Пояснения Н. И. Дауркина в экспликации к карте дают возможность судить о его маршрутах по краю в разное время. Помимо маршрутов к Медвежьим островам, на карте показаны путешествия 1763—1764 годов. Из рассмотрения маршрутов становится ясно, что Дауркин на островах Берингова пролива не был, но в заключительных словах экспликации есть указание о том, что чукчи плавают летом в Северную Америку: «Оные чукчи (с которыми он ездил в детстве.— А. А.) объявляют от устья Анадырского до называемого до Большой матерой земли вперед и назад в одно лето обратитца можно нашими байдарами без опасности что называется Северная Америка».

Редкая из карт северо-востока Азии во второй половине XVIII и в начале XIX века не отражала элементов карты Дауркина. На «Генеральной карте Иркутского наместничества» 1784 года² северо-восточный берег Азии подписан так: «Обведенной пунктиром берег назначен пример-

¹ Алексеев А. И. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961, с. 34.

² ЦГВИА, ф. ВУА, № 20250.

но с абрису чукоцкой породы дворянина Дауркина». А на Чукотке надпись: «Восточная часть Сибири, в которой берега описаны английским капитаном Куком и расположены чукоцкая жилища с абрису в северной стороне чукоцкой породы дворянина Дауркина». То же самое и на Генеральной карте Иркутской губернии 1797 года¹. На карте, «представляющей берега Ледовитого моря устья реки Яны до Шелагского носа и Чукотской земли с показанием новооткрытых на Севере островов, и прежних описаний к западу через устья рек Лены и Оленека до устья реки Анабары к Востоку до Берингова пролива. Сочинена в Иркутске в 1811 году»², есть также надпись: «Обведенной пунктиром берег назначением примерно с абрису Чукоцкого дворянина Дауркина». Подобные примеры можно продолжить.

Многочисленные известия о вновь приобретаемых и приобретенных землях в северной части Тихого океана и в Северной Америке дошли до царского двора. В этом огромная заслуга сибирских губернаторов В. А. Мятлева, Ф. И. Соимонова и Д. И. Чичерина. Для них было совершенно ясно, что трудами русских промышленников, мореходов, купцов Россия приобрела и начала осваивать великие пространства на востоке. Но они не были окончательно закреплены за русским государством. А начинать надо было с их географического изучения. Многочисленные «скаски», описания и карты промышленников, представляемые Сибирскому губернатору, нуждались, по общему мнению, в проверке квалифицированными специалистами. Сибирские местные власти, Охотское правление, Большерецкая канцелярия со своей стороны принимали меры, в результате которых каждая промысловая компания, отправлявшая на Алеутские острова и в Северную Америку суда, обязана была составить описание своего плавания и представить его карту.

4 мая 1764 года в ответ на представление Сибирского губернатора Д. И. Чичерина о посылке офицеров и штурманов для описания новооткрытых островов и земель на востоке последовал указ Екатерины II, в котором говорится: «Но как оное обретение сделано людьми морского знания и науки неимеющими, которых описании и примечании не столь достаточны, чтоб всю могущую пользу приобрести можно было... Чево для, приложя присем все ныне оттуда полученные известии, повелеваем нашей Адмиралтейского коллегии, по представлению губернатора Чичерина исполнить, отправя немедленно туда по своему разсуждению, сколько надобно афицеров и штурманов, поруча над оными команду старшему, которого бы знание в морской науке и прилежание к оной известно было»³. Этот указ стал началом организации экспедиции, получившей впоследствии название экспедиции П. К. Креницына — М. Д. Левашова.

Не дожидаясь распоряжений из Петербурга, местные власти всячески поощряли плаванья купцов, а также офицеров, находившихся на

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 20258.

² Там же, № 23421.

³ ЦГАВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 21, л. 1.

службе на Дальнем Востоке. Так, в 1761 и 1762 годах по заданию губернатора Ф. И. Соимонова В. А. Хметевский и И. А. Балакирев описали Гижигинскую и Пенжинскую губы, а в 1763 году Ф. Х. Плениснер и Т. И. Шмалев описали реку Анадырь от острова до устья.

Ф. И. Соимонов в 1761 году предписывал главному командиру Анадырского острога и Камчатки подполковнику Ф. Х. Плениснеру послать лейтенанта И. Б. Синдта к северу для осмотра американских берегов на одном или двух судах. Исполняя это приказание, И. Б. Синдт сначала в 1762 году (неудачно), а затем в 1766 году плывал для осмотра и описи северо-восточных берегов Азии и северо-западных берегов Америки. Инструкцией ему предписывалось из Охотска плыть к берегам Камчатки, оттуда вокруг Лопатки «к Анадырскому устью и рекою Анадырем до Анадырского острога». Если понадобится, то тут зимовать, с тем чтобы следующим летом «итти подле берега между севера и востока до Чукотского Носа, лежащего на восток, против которого и остров малой иметца под именем Св. Лаврентиа; от тех мест следовать уже прямо на восток или мало севернее к матерой американской земле; а когда де допустит случай матерую землю видеть, тогда только возможно осматривать и описать...»¹.

26 июля 1766 года на галиоте «Св. Екатерина» И. Синдт, зимовавший в устье Уки вблизи Начикинского острожка, куда он пришел из Большерецка в 1765 году (а вся экспедиция начиналась в Охотске в 1764 году, когда он сумел перейти только из Охотска к берегам Камчатки), вышел на рейд, но «к выступлению в море от продолжающихся в вышереченной губе льдов имел препядствие и всекрайнюю остановку. И как показанная губа от льда очистилась, то при первом благополучном ветре из устья в губу 26 числа июля 766 года выступил и в следовании оную губу до мыса Карагинского и против него лежащей остров называемой Карагинской по крюйс-пеленгам положены в надлежащих местах против данной ему от его высокопревосходительства господина тайного советника сенатора и кавалера и бывшего в Сибири губернатора Соимонова карты с немалым поправлением, и оттель следовал надлежащим трактом, в котором пути следования вновь видимы острова описаны по крюйс-пеленгам, а иные за густотою воздуха по пеленгам на расстояние положены на карту, а в протчем имел следовать по данным ему выше изображением инструкциям и за рукою его высокопревосходительства карте до определенной и назначенной на оной карте неизвестной земли и будучи в море продолжал по 16 августа благополучными ветрами, а со оною числа начали ветры продолжатца жестоко сильныя с великими и весьма крепкими шквалами со мрачностью и дождем...»². Синдт вынужден был возвратиться на Камчатку, где как раз находилась экспедиция П. К. Креницына, готовившаяся к своему плаванию.

Выше мы цитировали рапорт Ф. Х. Плениснера Сибирскому губернатору Д. И. Чичерину от 17 июня 1769 года, основанный на подлинных

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 101, л. 1—1 об.

² Там же, л. 3 об.—4.

рапортах И. Б. Синдта, представленных в сентябре 1766 года начальнику Камчатки капитан-лейтенанту И. С. Извекову. В этом документе есть любопытное упоминание, что он вынужден был «для подачи ко мне (т. е. Синдт принужден был для подачи Ф. Х. Плениснеру.— А. А.) о всем ево мореплавании сочинить другую карту, затем что прежде сочиненная будучи в Камчатке карта ж во удержании флота господином капитаном Креницыным во многих местах замарана и за тем она к подаче оказалась негодной, а как вышепоказанный журнал по неимению хорошей бумаги на самой простой переписан и карта с положением вновь описанных им островов сочинена»¹, то в таком виде Синдт их и представил.

До настоящего времени, к сожалению, этому смелому и результативному предприятию уделяется мало внимания. На самом же деле, полное подлинного героизма, оно примечательно и по гидрографическим работам, по уточнению береговой черты многих мест. Синдт вторым после Гвоздева и Федорова побывал у берегов полуострова Сьюард, уточнил многие пункты побережья север-востока Азии, открыл на обратном пути крупный остров Св. Матвея.

Впервые Синдтом был употреблен при гидрографической описи наиболее точный способ крюйс-пеленга вместо обычного пеленгования. Результаты не замедлили сказаться. Берингов пролив на карте Синдта помещен гораздо точнее, чем на карте Кука, плававшего в этих местах спустя 12 лет. Кроме того, существенно отметить, что Синдт наряду с описными работами производил повсюду, где это представлялось возможным, гидрологические и метеорологические наблюдения. Исключительно неблагоприятные условия, сложившиеся на заключительном этапе плавания, не позволили Синдту осмотреть и описать берега Америки.

Нам удалось разыскать свидетельства прекрасных работ В. А. Хметевского и И. А. Балакирева в 1761 и 1762 годах: планы Большерецка, Верхнекамчатского и Нижнекамчатского острогов, Тигильской крепости, Охотского порта². Они незаменимы при изучении исторической географии того времени. Например, на плане Большерецка, размером метр на полтора, составленном В. А. Хметевским, отчетливо и в масштабе, крупным планом нанесены: церковь, колокольня на столбах, командирский казенный дом, а ныне канцелярия, вновь строящаяся канцелярия, гостинный ряд, огороды и балаганы обывателей, «всех жителей дома, строены ис тополевого лесу, крыты травой», кузница, «анбары», скотник, казенный питейный дом, мосты. Писателям, которые пишут на исторические темы, такие планы помогут не отступить от исторической правды. Или вот план Охотского порта, составленный И. А. Балакиревым в 1771 году: церковь Преображения господня, колокольня, командирский дом, магазины, пороховой магазин, казенная кузница, гауптвахта (написано: «гоб вахта»), питейный подвал, «ветхая морская магазейна», «ку-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 101, л. 8 об.—9.

² ЦГИА СССР, ф. 1399, оп. 1, 1756—1771, д. 403, 401.

печкине лодки», питейный дом, обывательские дома и огороды, «банки (отмели.— А. А.), которые в убылую воду сухи бывают».

Между тем плавание промышленников на Алеутские острова и к Северной Америке продолжалось. 18 сентября 1764 года возвратился из плавания знаменитый мореход Андреян Толстых, открывший новые острова — Аяг, Канага, Чахтина, Тагалак, Атха, Амля, ныне известные под названием Андреяновских островов. Вместе с ним были камчатские казаки Петр Васютинский и Максим Лазарев. Последний направлен как представитель власти командиром Нижнекамчатского острога Василием Ивановичем Шмалевым. Сохранились прекрасные свидетельства этого плавания¹: рапорт казака П. Васютинского, рапорт А. Толстых и его же описание вновь открытых островов. Присланные Сибирским губернатором Д. И. Чичериным все эти и другие материалы с некоторыми вывезенными вещицами и образцами мехов были представлены Екатерине II, которая 2 марта 1766 года наградила А. Толстых деньгами, а Васютинского и Лазарева — медалями и званием Сибирского дворянина. В конце указа Екатерина собственноручно начертала: «Промышленникам подтвердите, чтоб они ласково и без малейшего притеснения и обмана обходились с новыми их собратиями, тех островов жителями»².

Поскольку в последнем рейсе А. Толстых судно его погибло, а также пропала часть груза, то он, чтобы поправить дела, принял участие в качестве морехода в плавании судов «Петр» и «Павел», которые были построены в Охотске компанией тульского оружейника Афанасия Орехова, соликамского купца Ивана Лапина и устюжского — Василия Шилова.

Суда вышли из Охотска 1 сентября 1765 года. На «Петре» мореходом шел казак Иван Березкин, который вскоре во время плавания в Охотском море умер, а судно привел в Большерецк Василий Шилов. «Павел» же под водительством Афанасия Очередины благополучно пришел туда. Во время зимовки Шилов сговорился с Толстых, чтобы тот стал мореходом на «Петре», чтобы не только промыслять, но и искать новые земли. Из этого плавания Толстых возвратился в начале октября, не промысляя, а только отыскивая новые острова, но жестоким штормом «Петр» был сорван с якорей у Шипунского мыса на Камчатке и выброшен на каменную скалу. Из 63 человек осталось в живых только три, погиб и Андреян Толстых. А «Павел» с Афанасием Очерединым промыслял с 1766 по 1770 год на Лисьих островах и благополучно возвратился.

Тем временем Василий Шилов представил начальству сочиненную им карту: «Карта плоская островам находящимся по Восточному океану, на которых был устюжской купец Василей Шилов, с прибавлением Камчатской земли»³. Карта эта примечательна тем, что она является одной из ранних карт, на которой нанесены все Алеутские острова, часть

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 225—246; АВПР, ф. 389, оп. 1, д. 6, л. 236—255; ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 287—292. О плаваниях А. Толстых подробно рассказано в книге: Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 91—103.

² ПСЗРИ, т. XVII, № 12589.

³ Атлас А. В. Ефимова, карта 153.

Аляски и вся Камчатка. В своем объяснении Адмиралтейств-коллегии по поводу представленной карты В. Шилов писал, что он использовал карты Беринга, Чирикова и С. Пономарева и что все те «острова Алеутские считая с первых от Камчатки до острова Амля купец Василий Шилов видел сам, чиня на многих из них промысел бобровой, а протчия проезжая мимо в близости ставил же на карту по счислению пути своего как выше показано, хотя в румбах от места до места не совершенно акуратных, но разстоянии между ими измерянные лагом с надлежащим прилежанием»¹.

Карта В. Шилова действительно первая наиболее точная карта. Шилов повсюду определял широту, и на карте это видно. Долготу же он определял, как он писал, по счислению, по лагу. Поэтому не случайно в протоколе Адмиралтейств-коллегии от 5 февраля 1767 года по поводу карты В. Шилова записано: «Коллегия оное его, Шилова, объявление о тамошнем мореплавании и промыслах також и о сопряженных с оными обстоятельствах, а особливо карту для сведения и воспользования оною почитает не безвозможным, ибо хотя она и не может быть почтена за точную и на правилах мореплавания основанную, но для первых начал довольно изрядную»².

20 апреля 1767 года Екатерина II, наградила В. Шилова и И. Лапина нагрудной золотой медалью и уволила от обязательных гражданских служб, то есть дала им полную свободу действий³.

Рассмотрим еще несколько карт, составленных промышленниками и мореходами. Перед нами карта подштурмана Г. Л. Прибылова 1775 года⁴. Она охватывает район Охотского моря, Камчатку, часть Тихого океана. Карта имеет сетку меридианов и параллелей. Очень правильно на ней нанесены северо-восточные, северные и северо-западные побережья Охотского моря. Характерная особенность карты то обстоятельство, что она не копирует других, более ранних карт, а составлена на основе личного практического опыта и является продуктом творческой работы самого штурмана Прибылова.

Несколько хуже на ней представлена южная часть Охотского моря — от Удского острога на западе и от мыса Лопатка — на востоке. Но этот недостаток свойствен вообще картам того времени. Слабые географические познания о южных Курильских островах, Японских островах и материковом побережье к югу от Сахалина были восполнены только в начале XIX века в результате первых русских кругосветных плаваний. Нельзя также не упомянуть об аккуратности и тщательности, с которыми выполнена карта Г. Л. Прибылова.

Заслуживает внимания и карта штурмана Алексея Кожевина 1779 года. О том, каким образом она составлялась, по каким источникам, рассказывает название-легенда. Как нельзя более точно она характеризует

¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 177—1776.

² Берх В. Н. Указ. соч. СПб., 1823, с. 72.

³ Там же.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, № 20243; ЦГАДА, Картографический фонд Иркутской губернии, № 42.

эту карту: «Карта Меркаторска с положением с разных карт описаниев морских офицеров от Охотскаго порта берег между S и W до реки Уди, а от порта к О и N к Тауйской, Ямской, Инжигинской (Гижигинской.— А. А.), Пенжинской губ и до южного мыса Камчацкой Земли, называемой Курильской Лопатки, берег с падающими (очевидно, выпадающими.— А. А.) со званием рек, а оттоль, с приложением прежняго описания к верности обстоятельства, положены со званием 18 островов: находился байдарами описанием дворянин Антипин; к тому положены с печатного Российскаго атласа 3 остров Матсмай и часть Японии; от Карагинскаго острова, описаниев морских же, от того острову до Анадырскаго острогу берег положен по доверным быванием тем берегом следующих людей обстоятельным известиям, а лежащей во Азии Чукоцкий нос и от него пограничной линии Американская земля положена находящими на двух англинских Королевских кораблях Главным Командиром капитан-командором Кук, капитаном Клерком (Кларком.— А. А.) и капитаном Горком (Гором.— А. А.) по их объявлению, и по данным от них запискам чрез перевод с их англинскаго на Российской диалект Господином пример майором (премьер-майором.— А. А.) и Камчацким Главным Командиром Фон Бем, а которыя места или не описаны за какими препятствиями значит на сей карте, со оных записок сочинена в Большерецком остроге 1779 года ... дня»¹

К приведенной характеристике карты можно добавить, что она вполне соответствовала своему назначению — быть путевой картой морехода. Как известно, до 1802 года не существовало русских навигационных печатных карт Охотскаго моря и Тихого океана. Иностранные же карты не попадали в руки офицеров и мореходов, служивших в Охотской флотилии. Поэтому они вынуждены были сами создавать для себя карты, копируя их один у другого. Являясь такой картой, карта Кожевина вместе с тем отличается от других подобных по назначению карт большой широтой изображения и, вероятно, составлялась по заданию М. К. Бема для отправки в Адмиралтейств-коллегию. Она составлена с учетом прежних описаний, Курильские острова положены с карты И. М. Антипина, в ней учтены последние достижения экспедиции Кука по запискам, данным участниками экспедиции капитанами Кларком и Гором.

Список разбираемых карт можно было бы продолжить, ибо, как правило, с каждым новым походом появлялась и новая карта. Иван Антипин и Афанасий Очередин в 1778 году составили карту 16 Курильских островов с подробным их описанием². Именно ее использовал А. Кожевин. Интересна карта плавания П. Зайкова с 1772 по 1779 год³ и карта Алеутских островов 1779 года, составленная Потапом Зайковым⁴. Если на первой карте преобладают курсы плаваний автора карты, надписи на самой карте, являющиеся пояснением к маршрутам, то на карте

¹ ЦГАДА, Картографический фонд Иркутской губернии, № 44.

² ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 104. Описана А. И. Алексеевым в книге «Сыны отважные России» и внесена А. В. Ефимовым в свой Атлас.

³ Атлас А. В. Ефимова. Карта № 160.

⁴ Там же. Карта № 161.

1779 года строго соблюдаются принципы составления меркаторской карты. Она так и называется: «Карта меркаторская с показанием Алеутских островов именуемых Северной архипелаг по описанию штурманского ученика (что ныне штурманом) Потапа Зайкова в 1779-м году». На карте нанесены все Алеутские острова, небольшая часть Аляски, два Курильских острова и Камчатка до 57° с. ш.

Григория Ивановича Шелихова при жизни называли Колумбом Русским, и о нем существует обширная литература. Плавание купца и морехода Г. И. Шелихова в 1783—1787 годах к берегам Северной Америки следует считать важным, переломным моментом в истории плаваний русских промышленников и мореходов на восток от Камчатки.

Если все мореплаватели до него проводили на островах несколько лет, а иногда управлялись и за одну зимовку, занимаясь промыслом, и затем возвращались обратно, то Шелихов основал на острове Кадьяк в заливе Аляска первое постоянное русское селение, положил начало колонизации Аляски, Алеутских островов и северо-западных берегов Северной Америки, то есть региона, который все чаще и чаще называли Русской Америкой.

В дальнейшем Г. И. Шелихову, а затем его преемнику А. А. Баранову удалось добиться монополии на свое предприятие, и основанная ими в конце восьмидесятых годов, а оформленная в 1799 году указом Павла I Российско-Американская компания сыграла важную роль не только в экономике Дальнего Востока, но также и в географических исследованиях всего огромного дальневосточного региона. Она стала одной из причин, побудивших русское правительство приняться за организацию кругосветных плаваний.

С организацией постоянных поселений на острове Кадьяке, а со временем и в других местах Русской Америки стали интенсивно вести и гидрографические работы у побережья Аляски и Северной Америки. Возвратившись из своего четырехлетнего плавания и пребывания на Кадьяке, Г. И. Шелихов 13 апреля 1787 года донес об этом иркутскому генерал-губернатору И. В. Якоби, а к доношению наряду с журналом, отданными правителю К. А. Самойлову распоряжениями, наставлением мореходу Д. И. Бочарову и прочим приложил также план основанных крепостей, план Кадьяка и близлежащих других островов, карту плавания¹. Эти документы составили штурманы-мореходы Д. И. Бочаров и Г. А. Измайлов.

В 1789 году Г. А. Измайлов сделал опись берега между Чугацким заливом и губою Якутат, описал юго-западную сторону Кенайского залива и Камышакскую губу. В 1791 году штурман Д. И. Бочаров исследовал на байдаре северный берег полуострова Аляска от Иссанохского проли-

¹ ЛОИИ, собрание Воронцовых, № 476, л. 381—382. Карта острова Кухтака (Кадьяка) снабжена обширными поясняющими надписями об открытии этих мест компанией Голикова и Шелихова, а также о народах, живущих в этих местах. На второй карте представлен маршрут плавания Г. И. Шелихова. Обе карты составлены несомненно под руководством («под смотрением») Г. И. Шелихова. ЦГВИА, ф. ВУА, № 23441.

ва до реки Квийчак, впадающей в вершину Бристольского залива¹. Карта, составленная им, также представляет значительный интерес. Название ее гласит: «План американского мыса называемого Аляксы со описанием полуденной стороны с лежащими островами до острова Унги, оттоль с поправлением прежних описаний до Исанацкаго пролива в следовании морем штурмана Бачерова троюлюшною байдарою алеутскою. С острова Кадьяку до острова Уналашки и обратно на Кадьяк в 786 году от Иссанатскаго пролива к северовостоку до твердой земли Америки. Со описанием же берега, бухт и частию рек и озер во время путешествования евож Бачерова при двух байдарах северною стороною в 791 году и чрез перенос до острова Кадьяку сочиненой того же году в ноябре м-це».

28 сентября 1788 года Екатерина II даровала своим указом Г. И. Шелихову и И. Л. Голикову шпаги и золотые медали для ношения на Владимирской ленте на шею с надписью: «За усердие к пользе государственной распространением открытия неизвест. земель и народов и заведения с ними торговли. 1788».

Известны еще несколько карт, составленных при участии и «под смотрением» Г. И. Шелихова, в частности «Карта, представляющая часть Российского государства, состоящаго в Азии и Северной Америке, собранная с новейших и последних описаний компании рыльского именитого гражданина Шелехова... Сочинена 1796 года»². Эта карта составлена в проекции Меркатора и верно отражает географические представления того времени о северной части Тихого океана и землях, с ним сопредельных. Известна еще одна карта, составленная определенно под руководством Г. И. Шелихова. Приведем полностью ее название — и отпадет необходимость в комментировании: «Карта морская северо-восточной части Азии, и северо-западной части Америки, от Охотского порта до Нотки, со вмещением западной части Америки, и от мыса Алякса до Чирикова мыса, обретенной и к Российской империи присоединенной имянитым гражданином Григорьем Шелиховым... Знатнейшие места под разными номерами изображены пространно внизу сей карты»³. Далее следует описание того, по каким источникам она составлялась, и внизу карты врезки-планы острова Кадьяка, залива св. Павла, залива Льюта, мыса св. Ильи и другие — всего восемь чертежей-планчиков. Разумеется, рассмотренные здесь карты Русской Америки не исчерпывают всего их обилия. Но и приведенных достаточно, чтобы говорить о преимущественном интересе русских промышленников во второй половине XVIII века к Алеутским, Курильским островам и к северо-западной части Северной Америки.

Впрочем, наряду с исследованиями в этой части света гидрографические работы шли и у азиатских берегов Тихого океана и его Охотского моря. В 1775 году штурман Г. А. Измайлов составил карту Камчатки,

¹ Белов М., Плансон К., Клыков М. Краткий исторический очерк гидрографии русских морей. СПб., 1899, ч. II, с. 14—15. Также ЦГВИА, ф. ВУА, № 240.

² ЦГВИА, ф. ВУА, № 537.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23461.

основанную главным образом на собственных наблюдениях. Измайлов описал западный берег Камчатки от Большерецка до реки Пустой и восточный — от Олюторского мыса до Карагинского острова, дважды пересекая полуостров. В 1779 году казачий сотник Иван Кобелев совершил путешествие от Гижигинской крепости до Анадыря-реки, а по ней до лимана и к островам Гвоздева, причем побывал сам на островах Имаглин и Игеллин (Рагманова и Крузенштерна), слышал от местных жителей — уроженцев Северной Америки о бородатых людях там проживающих. Кобелев сделал предположение, что это потомки пропавших промышленников во время похода на трех кочах Ф. Алексеева и С. Дежнева. Секунд-майор Татаринев, делавший экстракт из журнала И. Кобелева для представления начальству, написал: «По справедливости должно приписать, что он, казачей сотник Кобелев, первой имел из россиян щастие со островов Имаглина, Игеллина видеть вдруг конец Восточной Азии и берега Северной Америки, которые лежат в самом узком перешейке между Восточною Азиею и Северною Америкою, разстоянием не более 77 верст... В том же месте был на американском берегу (у берега.— А. А.) на боте «Санкт Гаврииле» в 1732 году геодезист Гвоздев...»¹ В 1784 году была вычерчена карта его путешествия: «Карта принадлежащая к путешествию сотника Кобелева. 1784». Подлинник неизвестен, впервые была напечатана в «Месяцеслове историческом и географическом на 1784 год». Впоследствии, в составе экспедиции И. И. Биллингса, Кобелев в 1789—1791 годах совершит еще несколько путешествий.

В 1775 году Т. И. Шмалев составил Географическое описание бережья от Охотска до Анадыря. «Примечание», а именно так назвал Т. И. Шмалев свой труд, является одной из многочисленных работ Тимофея Ивановича Шмалева по истории и географии северо-востока России. Братья Тимофей Иванович (1736—1789) и Василий Иванович (1737—1799) Шмалевы, всю свою жизнь прослужившие в Охотско-Камчатско-Чукотском крае, были свидетелями, а часто и участниками важных событий, происходивших во второй половине XVIII века в северной части Тихого океана.

Знакомство Т. И. Шмалева в 1771 году с историком Г. Ф. Миллером положило начало их сотрудничеству. Т. И. Шмалев стал корреспондентом Миллера. Его «примечания» и «прибавления» частично использовались Миллером при написании «Истории Сибири», но большая часть их осталась неиспользованной и покоится в архивах. К обширному наследию братьев Шмалевых приходится прибегать всякий раз, когда возникает вопрос об истории естествознания в России в связи с русскими географическими открытиями во второй половине XVIII века в северной части Тихого океана.

Труды братьев Шмалевых затрагивают самые различные стороны жизни северо-востока России. Географические и исторические сведения переплетаются с этнографическими, статистическими, геологическими, ботаническими и другими. Несмотря на то, что Шмалевы были армейскими

¹ ЦГАДА, ф. Госархив, р. VII, д. 2539, л. 64 об.

офицерами, они по долгу службы совершали частые плавания по Охотскому, Берингову морям и Тихому океану. Им приходилось также много путешествовать по стране сухим путем. Поэтому и неудивительно, что они знали превосходно географию этого региона.

Из работ Шмалевых пока выявлено около 40¹, опубликована только одна работа «Краткое описание о Камчатке»². Вероятно, искренен был Г. Ф. Миллер, когда в письме от 3 сентября 1778 года сообщал Т. И. Шмалеву с сожалением о том, что «ничего того в печать еще не вышло, оно зависит не от меня, но от высочайшей власти»³.

«Примечание» Т. И. Шмалева представляет несомненный интерес для исторической географии Охотско-Камчатско-Чукотского края. Она характеризует Т. И. Шмалева как выдающегося географа-краеведа. Труд этот — основательное описание края; его вместе с тем можно назвать лощией побережья от Охотска до Анадыря. В литературе того времени не существовало более точного и детального описания побережья. Сравнительно редко автор отвлекается посторонними размышлениями, включением в описание тех сведений, которые не могут пригодиться мореплавателю и путешественнику. Чаще всего — это подробности быта местных жителей и детали сухопутных трактов.

В работе Т. И. Шмалева много ярких, красочных мест, таких, например, как описание района Вилеги, Гижигинской губы, выхода теплых подземных вод в районе Товатомы, описание Анадырского острога и других. Они делают «Примечание» нужным с научной точки зрения и интересным для местных жителей. Но главными в описании являются все же сведения, касающиеся мореплавания. В основу работы положен «лощийный» метод описания береговой черты — от пункта до пункта по побережью. Т. И. Шмалев обращает внимание читателя на возможность строительства морских судов, на удобства или неудобства сообщения от пункта до пункта, сообщает о жителях прибрежья, о продовольственных возможностях, о пресной воде, о стоянках в устьях рек, часто делает исторические экскурсы и сообщает много других нужных и интересных сведений. Между пунктами указывается расстояние по береговой черте. Многие из исторических сведений имеют ссылки на популярные тогда «Ежемесячные сочинения...»

Рукопись Т. И. Шмалева хранится в ЦГАДА (ф. 199, портф. 539, ч. 1, д. 13, л. 1—33 об.), находится в хорошем состоянии.

Недавно из Канады от профессора Р. Пирса пришли ксерокопии двенадцати листов из атласа В. Ф. Ловцова, о существовании которого мне не было известно. Всего в этом атласе, как сообщает Пирс, 21 лист. Он составлен зимой 1782 года в Большерецке и называется: «Атлас штур-

¹ Алексеев А. И. Братья Шмалевы. Магадан, 1958, с. 71—73.

² Шмалев Т. И. Краткое описание о Камчатке, чиненное в июне месяце 1773 года, Камчатским Командиром Капитаном Тимофеем Шмалевым. Опыт Трудов Вольного Российского Собрания. СПб., 1774, ч. I.

³ Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири. В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937, т. I.

мана Ловцова сочиненной в зимовке в Большерецком остроге 1782 года». Атлас раскрашен, правильно ориентирован и составлен, судя по при- сланным картам-листам, в меркаторской проекции.

В атласе преобладают карты северо-востока Азии, карт американского побережья меньше. Для того чтобы иметь о нем представление, расскажем о тех картах, которыми мы благодаря любезности Р. Пирса располагаем. На листе втором довольно правильно нанесена береговая черта западной части Охотского моря, включая Шантарские острова, нанесенные хотя и на своем месте, но весьма неточно. Отдельно внизу нанесенный остров можно принять за Сахалин. На западном и северном берегах нанесены и подписаны все заливы и реки, за исключением залива Аян. Восточная часть моря (лист третий), которую правильнее было бы назвать северо-восточной, включает район современной бухты Нагаева с прилегающими островами и заливами, Пенжинскую и Гижигинскую губы в их южной части, а также северо-западное побережье Камчатки. На листе четвертом Гижигинская и Пенжинская губы в их устьевой части, а также северная часть Камчатки с охотским берегом и берегом Берингова моря от мыса Олюторского и до средней части Камчатки, включая Карагинский остров. На пятом и шестом листах представлена Камчатка (остальная), а на 21-м — план Авачинской бухты, хотя в карте имеется надпись о том, что это план Петропавловской гавани.

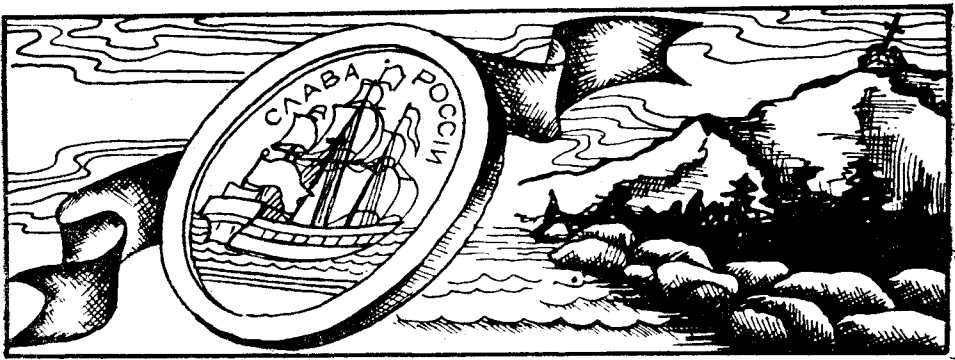
Хочется отметить, что эти листы атласа правильно отражают взаимное расположение Курильских островов, в основном точно передают их очертания, за исключением южных Курильских островов — Итурупа, Кунашира и Шикотана: береговая черта восточных берегов этих островов отсутствует вообще. Наиболее полно и правильно нагружена береговая черта Камчатки, впрочем, на этой карте отмечены также и географические объекты внутри полуострова.

На восьмом и девятом листах представлены Анадырский залив, лиман реки Анадырь, реки Анадырь, Нерпичья, Ахтырка, Опука и Берингов пролив с частью Чукотки и частью Америки, которая продолжена на девятом—двенадцатом листах. Девятый лист, хотя и не несет никакой нагрузки, кроме надписей: «Чюкоцкой нос» и «Нос Американской», весьма примечателен: на карте ясно и отчетливо в большом масштабе нанесен Берингов пролив и в середине его — три острова, северный же берег Чукотки показан ровным, без всяких заливов и мысов — у автора, видимо, не было сведений. Американские листы почти не имеют нагрузки, лишь на двенадцатом листе ясно нанесены и подписаны мыс Ньюем, Аляска (имеется в виду полуостров, от которого тянутся Алеутские острова), остров Умнак, остров Уналашка, острова Шумагинские и остров Кадьяк. Надо помнить, что к 1782 году Г. И. Шелихов еще не совершал своего плавания и не устраивал там постоянных русских поселений.

Атлас В. Ф. Ловцова, с которым мы еще встретимся на страницах книги, наверное, лучший пример того, как, не имея печатных карт, местные мореходы сами и копировали у своих товарищей морские карты, а затем сводили их в атласы. Он вместе с тем показывает, что мореходы имели правильное представление о расположении известных им земель

и островов огромного района и довольно точно наносили их береговую черту на своих картах.

Закончим эту главу упоминанием о том, что в 1787 году геодезист Елистратов описывал на байдарке западный берег Камчатки от устья реки Тигиль до реки Пенжины. Производились и другие исследования силами офицеров и штурманов Охотской флотилии. Так, например, в 1789 году Г. А. Сарычев на байдаре описал берег Охотского моря от реки Охоты до Алдомы. Здесь он встретился с И. К. Фоминым, описывавшим берег к северу от Удского острога.

Глава седьмая

ВАЖНЫЕ РЕШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Об открытии новых земель к востоку от Камчатки, об открытии Алеутских островов и Аляски благодаря распоряжительности сибирской администрации становилось известно в столице, докладывалось Екатерине II и Елизавете. В докладах отмечалось, что открытия эти делают часто неграмотные люди, постигшие искусство мореплавания лишь практическим путем. Говорилось в таких доношениях и о том, что настало время закрепить открытия правительственными актами, в первую очередь необходимостью научного описания и картирования уже известных промышленникам, купцам и мореходам земель.

Реакцией на эти известия стал указ Екатерины II Адмиралтейств-коллегии от 4 мая 1764 года о посылке офицеров и штурманов на Камчатку для описания вновь открытых островов и земель. В нем, в частности, говорилось: «Недавно полученные известия из Сибири от губернатора Чичерина уведомляют нас о преползном открытии до ныне не известных разных островов... Но как оное обретение зделано людьми, морского знания и науки не имеющими, которых описании и примечании не столь достаточны, чтоб всю могущую пользу приобрести можно было... Чево для, приложа при сем все ныне оттуда полученные известии, повелеваем нашей Адмиралтейств-коллегии, по представлению губернатора Чичерина исполнить, отправя немедленно туда, по своему разсуждению, сколько надобно афицеров и штурманов, поруча над оными команду старшему, которого бы знание в морской науке, и прилежание к ней известно было».

Далее следовали распоряжения о повышении в чинах, наградах, двой-

ном жалованье по новому чину, о снабжении экспедиции всем необходимым, а особенно инструментами и морскими картами¹.

На следующий же день, то есть 5 мая 1764 года, указ Екатерины II стал предметом обсуждения на заседании Адмиралтейств-коллегии. Было решено до поры до времени держать экспедицию в секрете, что записано в протоколе заседания, где после рассмотрения кандидатур офицеров в начальники экспедиции отмечено: «за способного изобрели в помянутую экспедицию старшим послать капитана-лейтенанта Петра Креницына, да к нему еще одного афицера, которые имеют быть каждой на особом судне. И к ним придать штурманов по одному, подштурманов — по одному»². На заседание же Адмиралтейств-коллегии на следующий день, то есть 7 мая 1764 года, «был призван флота капитан-лейтенант Креницын, которому объявлено ...высочайшее соизволение послать морского афицера в некоторую дальнюю экспедицию, и оную исправить он самопроизвольно желает ли». На что Креницын отвечал, что «помянутую экспедицию отправить всеохотно желает» и «представлял в товарищи себе за достойного и способного признавал флота лейтенанта Михаила Левашова, а штурманов и подштурманов, достойных же выбрав, представит»³.

И действительно в конце июня — начале июля список членов экспедиции (основных, выехавших из Петербурга) был составлен. Кроме Креницына и Левашова в состав экспедиции вошли штурманы А. И. Дудин, А. А. Дудин, Я. Шебанов, М. Крашенинников, подштурманы С. Чиненой, А. Степанов, И. Сралев, штурманские ученики К. Ларионов, П. Стрехов⁴.

В подготовке и организации экспедиции деятельно участвовали М. В. Ломоносов и выдающийся гидрограф и картограф Алексей Иванович Нагаев⁵. Краткий план экспедиции, задуманной весьма широко, таков. Один ее отряд из трех кораблей, возглавляемый В. Я. Чичаговым при участии Н. Панова и В. Бабаева, отправлялся из Архангельска для «поиску северо-западного морского прохода из Северного океана до Шпицбергена в Тихой океан к Камчатке»⁶ и где-то в районе Берингова пролива должен был встретиться со вторым отрядом, возглавляемым П. К. Креницыным.

Отряду П. К. Креницына предписывалось ни много ни мало, как описать на обратном пути все Алеутские острова, начиная с Умнака и Уналашки, а во время пребывания на этих островах разузнать все, что можно об Аляске, острове Кадьяке и вообще о Большой земле. Если же та земля лежит от Умнака близко, тогда, «не теряя время и ветра, должно вам следовать от Умнака к той земле и пройти в виду несколько к норду, или к норд-осту, или к норд-весту, сколько обстоятельства дозво-

¹ ЦГАВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 21, л. 1—2.

² Там же, ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 13.

³ Там же, л. 14.

⁴ Там же, л. 60.

⁵ О нем: Алексеев А. И. Адмирал А. И. Нагаев. Магадан, 1959.

⁶ Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979, с. 336.

лят, наведываясь (буде можно будет) от жителей ея и о той ея части, до которой вы не дойдете, далеко ль она к северу до конца своего простирается, и далеко ль западные ея берега отстоят от Чукоцкого мыса или других берегов камчатских. А на возвратном при ней пути пройти в виду ея до самого южного ея конца и, от него поворотясь, плыть возвратно к острову Умнаку, со счислением пути вашего как до ней, так и от ней к Умнаку наивернейшим, и с довольным примечанием на ней и на всем вашем пути всего, к описи надобного. От острова Умнака плыть вам в возвратном к Камчатке пути между или в виду тех 13 островов, которые казак Пономарев, возвращаясь от Умнака к Камчатке, видел, оставляя их вправо, а прошед их, плыть вам и сквозь все Алеутские, в подданство приведенные уже острова, приставаая из них к тем, к которым вас надобность и необходимость позовет, пеленгуячи на пути все в сторонах с пути видимые вам острова, описываючи их величины и виды так, как порядок описи велит»¹.

Инструкцию для П. К. Креницына писал А. И. Нагаев, который вообще очень живо интересовался всеми дальневосточными делами и, в частности, об этой экспедиции имел особое попечение. К инструкции были приложены копии карт: «Видимой земли Американской со островами, сысканными под командой бывшего капитан-командора Беринга с журнала лейтенанта Вакселя 1741 и 1742 годов», «Сочиненная штурманом Елагинным компании 1741 года капитана Чирикова во время плаванья от обретающихся при Камчатской земле гавани Святых апостолов Петра и Павла для искания Американских западных берегов», «Сочиненная 1741 года компании под командой бывшего капитан-командора Беринга от Охотска до Лапатки и до Чукотского Носу», «Сочиненная тотемским купцом Петром Шишкиным, который был в промыслу черных лисиц и протчаго 1762 года сентября 1-го дня в Нижнем Камчатском остроге», «Сочиненная морским служителем писарем Филипом Вертлюговым северо-восточной стороны сибирских городов Иркутской губернии и Японских островов» и «Карта морей арктических с приложением новообретенных островов на Камчатском море»².

Сам же Нагаев в это время был занят сбором материалов по экспедициям Беринга и в планы его входило составление их описания. Существенным итогом этой огромной работы, оставшейся, к сожалению, незавершенной, явилась «Карта морская меркаторская на части берегов Россиских Камчатских и Хивских к Ламскому или Охотскому морю и к Тихому океану прилежащих»³, датированная мартом 1767 года.

Карта Нагаева представляет значительный интерес. По существу она является первой обобщающей картой северной части Тихого океана. В основу ее положены картографические материалы плаваний Беринга, Чирикова и Шпанберга. Они в значительной степени дополнены картами казаков, мореходов, промышленников и, в первую очередь, картами По-

¹ Русская Тихоокеанская эпопея, с. 342.

² ЦГАВМФ ф. 216, оп. 1, д. 77, л. 61.

³ ЦГАДА, Картографический фонд, карты Иркутской губернии, № 58; см.: Алексеев А. И. Адмирал Нагаев. Магадан, 1959, с. 40, 41.

номарева, Шилова, Шишкина. Береговая черта Охотского моря, Камчатки и значительной части Берингова моря нанесена в общем совершенно правильно и в основном соответствует современным представлениям. На ней нанесены маршруты плаваний Беринга и Чирикова.

Используя новейшие данные, А. И. Нагаев внес ясность в положение островов северной части Тихого океана: он разрешил важную географическую задачу, доказав, что острова, показанные на разных картах, и в частности на картах Шилова и Шишкина, не являются новыми, так сказать, самостоятельными образованиями, а принадлежат к одним и тем же Алеутским островам. Естественно предположить, что А. И. Нагаев держал в курсе всех дел П. К. Креницына.

В настоящее время действия экспедиции описаны довольно подробно. По завершении экспедиции все материалы ее поступили в распоряжение А. И. Нагаева. К нему на некоторое время были прикомандированы М. Д. Левашов, А. И. Дудин и штурманские ученики — участники экспедиции¹. Но А. И. Нагаев по разным причинам не успел эти материалы обработать, а разбиравший после смерти Нагаева его бумаги В. Н. Берх ограничился ссылкой на него. Из статьи А. П. Соколова² виден лишь общий ход экспедиции. Только в советское время экспедиция П. К. Креницына — М. Д. Левашова была достаточно полно описана³. С самого начала ее преследовали неудачи.

Первоначально экспедиция состояла из четырех судов, которые вышли 10 октября 1766 года в плавание из Охотска. Поздний выход в море привел к тому, что все они были выброшены на берег в различных местах Камчатки и Курильских островов. После того, как во время зимовки и новых приготовлений на Камчатке были изучены все карты промышленников, экспедиция уже на двух судах — галиоте «Св. Екатерина» под командой П. К. Креницына и на гукоре «Св. Павел» под командой М. Д. Левашова 23 июня 1768 года вышла в плавание к Алеутским островам и берегам Северной Америки. В экспедицию были взяты мореходы и промышленники С. Г. Глотов, Л. И. Дружинин, Г. Г. Пушкарев, А. И. Дружинин, Д. А. Панков, И. М. Соловьев и другие — всего 16 человек. Осматривая острова, описывая их, суда 5 сентября разлучились и зимовали в разных местах: Креницын у острова Уникам, а Левашов — в Капитанской гавани на Уналашке. 6 июня 1769 года суда встретились, но 23 июня снова разлучились и самостоятельно прибыли в Нижнекамчатск (Креницын — 29 июня, Левашов — 24 августа). За время зимовки в команде Креницына умер 31 человек и среди них штурман А. А. Дудин, штурман С. К. Чиненов, первооткрыватели Алеутских островов С. Г. Гло-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 4, л. 68—68 об.

² Записки Гидрографического департамента. СПб., 1852, ч. X, с. 70—103.

³ Атлас А. В. Ефимова, карты № 151 и 152; Алексеев А. И. Колумбы российские. Магадан, 1966; Глушанков И. В. Секретная экспедиция. Магадан, 1972; Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975, с. 64—74; Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968, с. 142—146; Русские мореплаватели. М., 1953; и другие.

тов и Н. М. Новоселов. В команде Левашова умерли три человека и два пропали без вести.

Зимовка на Камчатке прошла благополучно: готовили журналы, описания, писали донесения, составляли карты плаваний, оснащали суда для плавания в Охотск. 4 июля 1770 года утонул в реке Камчатке П. К. Креницын. Экспедицию завершал М. Д. Левашов. Суда пришли в Охотск («Св. Екатериной» стал командовать штурман А. И. Дудин), и 3 августа были сданы начальству порта. Левашов с командой прибыл в Петербург 22 октября 1771 года.

Несмотря на неблагоприятные условия при организации экспедиции и в ходе ее, она, по словам известного советского ученого Н. Н. Зубова, «положила начало систематической съемке Алеутских островов»¹. Из результативных карт экспедиции П. К. Креницына — М. Д. Левашова, лучше других отражающих гидрографическую ситуацию, укажем на две генеральные карты: «Карта меркаторская, описи морской секретной экспедиции, учиненной в 1767, 1768 и 1769 годах под командой капитана Креницына, для определения берегов Камчатки и островов, лежащих за оною» и «Карта меркаторская, сочиненная от Охотского устья до Американских берегов»².

Карты экспедиции охватывают главным образом район действия экспедиции, то есть северную часть Тихого океана. Основной упор в них сделан на изображение Камчатки и Алеутских островов. Несомненно, что для составителей карт не прошли бесследно консультации и наставления А. И. Нагаева. При сравнении карты А. И. Нагаева и большинства карт экспедиции видны общие черты в изображении не только отдельных островов, но и всей гряды в целом. Составители карт данные об островах дополняли в значительной мере личными определениями и наблюдениями, а также использовали результаты опроса местных мореходов и их карты. Чтобы карты «оживить», составители рисовали на них казенные и купеческие суда, алеутские байдары жителей Алеутских островов, исполняющих обряды, что конечно же представляет самостоятельный интерес.

Из других карт экспедиции отметим следующие: «Карта меркаторская сочиненная от Охотского устья до острова Алякса...», на которой очень подробно и правильно нанесена Камчатка; «Карта плоская описи морской секретной экспедиции...», «Карта меркаторская, описи морской секретной экспедиции...», подписанная М. Д. Левашовым³. Существует еще несколько карт и планов (и копий с них) в различных хранилищах страны⁴.

Мы уделили экспедиции П. К. Креницына — М. Д. Левашова большое внимание еще для того, чтобы лишний раз подчеркнуть огромную роль в гидрографических исследованиях на Тихом океане во второй по-

¹ Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954, с. 118.

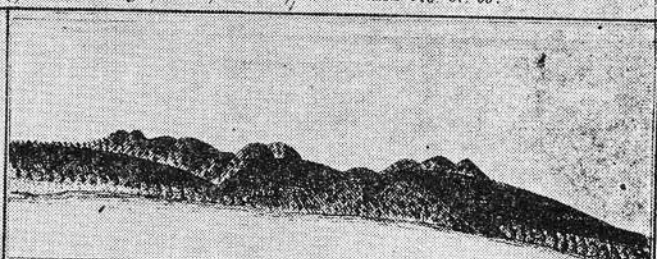
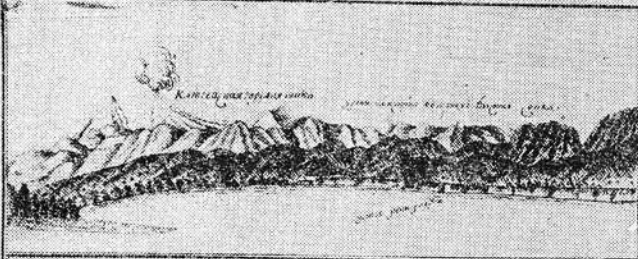
² ЦГАДА, Картографический фонд, карты Иркутской губернии, № 39, 41.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23752, 23753, 23754.

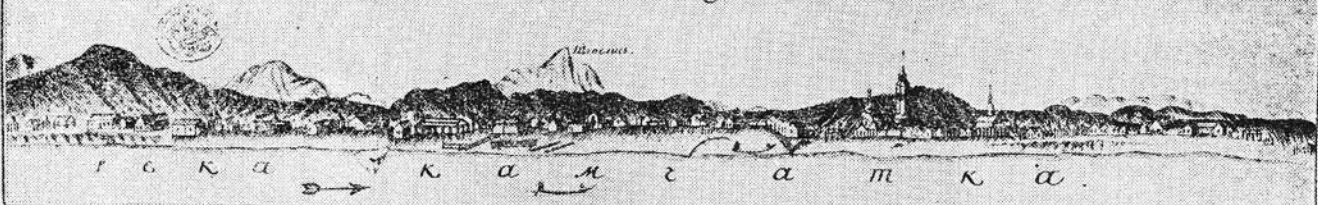
⁴ Например, АВПр, ф. 339, оп. 888, д. 925/5, № 18, 39, 40, 41.

Видъ нижняго камчатскаго острова, снятый съ зѣрса реки насаитинъ 1767 года октября 20 дня;
 П. С. П. П.

о. в. острожная гора № 1. о. в. сложа в в. № 2. о. в. црпалая пологата № 3. о. в. сола шелема № 4. о. в. горная сопка высокая № 5. о. в. Зрета
 о. в. гора № 6. о. в. Хале или гора № 7. о. в. острожная гора острожная № 8. о. в.

нижне камчатской остров.

изъ журнала флота капитана Креницына.

И. Д. Креницынъ

Копировано Гербомъ гвардии Николая Манаскина

ловине XVIII века промышленников-мореходов, достижения которых стали большим вкладом в географическую науку. Экспедиция П. К. Креницына не смогла охватить описью все Алеутские острова. Это в какой-то мере оказалось посылным для экспедиции И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева.

Экспедиция П. К. Креницына — М. Д. Левашова имела кроме научного огромное политическое значение. Русское правительство продемонстрировало свою решимость закрепить за Россией завоевания русских мореходов. Вопрос о государственной границе на Американском материке еще не встал перед русским правительством. Достоверные сведения о природе, жителях, промыслах, расположении Алеутских островов и части Аляски, доставленные участниками экспедиции, возбудили интерес к ним и послужили толчком к организации других русских экспедиций и принятию мер к официальному закреплению за Россией всех вновь открытых земель¹.

Между тем произошли такие события, которые заставили русское правительство принять более энергичные меры по охране государственных интересов на Дальнем Востоке. В 1776—1780 годах состоялось третье плавание известного английского мореплавателя Джеймса Кука (1728—1779). Эта экспедиция была снаряжена для поисков северо-западного прохода и для открытия земель. Во время этого плавания были частично описаны побережье и острова Аляски, Северной Америки, Чукотки.

Для гидрографии северной части Тихого океана плавания Д. Кука в этом регионе имеют большое значение. «Все описи, произведенные с моря, основаны на целом ряде астрономических определений как широт, так и долгот, причем долготы определялись по новому тогда способу лунных расстояний. Широты и долготы залива Нутка, острова Уналашка, Нортонова залива и Петропавловска выведены из многочисленных наблюдений, произведенных на берегу. Количество лунных расстояний, измерявшихся при этом, доходило до полутораэта. В тех же пунктах определено магнитное склонение и наклонение, а также прикладной час и высота прилива»².

Отметим любопытные факты при встрече Д. Кука с Г. А. Измайловым на острове Уналашка. Прежде всего Кук свидетельствует, что «на каждом из островов между Уналашкою и Камчаткою находятся Россияне». Ну а затем приведем отзыв английского мореплавателя об Измайлове, который, как написал Кук, «показал мне сколь ошибочны были карты наши о сих частях» и дальше: «По способностям и знаниям своим Г. Измайлов достоин лучшего места нежели ныне им занимаемое, имел сведения в математике, в астрономии и когда я ему подарил октан, весьма скоро привык всячески употреблять оный»³.

¹ Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982, с. 101—102.

² Белов М., Плансон К., Клыков М. Краткий исторический очерк гидрографии русских морей. СПб., 1899, ч. II, с. 8.

³ Кук Д. Путешествие в Северный Тихий океан. СПб., 1810, ч. II, с. 208—210.

Памятник экспедиции
Ж. Ф. Лаперуза в Петропавловске-Камчатском

Но не только известия о плавании Д. Кука обеспокоили русское правительство. Открытиями и исследованиями русских в северной части Тихого океана заинтересовались кроме англичан также и такие морские державы, как Испания и Франция. Испанцы направили сразу пять экспедиций — две сухопутные и три морские, чтобы не допустить проникновения русских в Калифорнию. В 1775 году к западному берегу Северной Америки направилась испанская экспедиция во главе с де ла Бодегой и Квадрой. В северную же часть Тихого океана в 1775—1778 годах направился известный французский мореплаватель Ж. Ф. Лаперуз (1741—1788), который побывал у берегов Камчатки и Русской Америки, посетил Петропавловск, описывая Сахалин, принял его за полуостров и открыл пролив, названный его именем. Погиб он во время кораблекрушения на рифах островка — атолла Ваникоро. Из Петропавловска Ж. Ф. Лаперуз послал с донесением Ж.-Б. Лессепа, совершившего путешествие через всю Россию, оставившего большое его описание¹. Через десять лет

¹ Лессепа Ж.-Б. Лессепа путешествие по Камчатке и южной стороне Сибири. СПб., 1801—1802, ч. I—II.

в северной части Тихого океана плавала английская экспедиция под начальством У. Р. Браутона.

И русское правительство приняло важные решения. В 1785 году на побережье Тихого океана отправилась Географическая и астрономическая экспедиция, как говорилось в указе Екатерины II Адмиралтейств-коллегии от 8 августа 1785 года, «для определения степеней долготы и широты устья реки Ковымы (Колымы.— А. А.), положения на карту берегов всего Чукотского Носа до мыса Восточного, також многих островов на Восточном океане, к американским берегам простирающихся, и совершенного познания морей между матерюю землею Иркутской губернии и противоположными берегами Америки». Назначенному начальником экспедиции Иосифу Иосифовичу Биллингсу особо предписывалось шестым пунктом этого указа, «чтоб старался сколько обстоятельства дозвоят, объехать Ледовитым морем подле берегов, простирающихся от Ковымы до Восточного мыса, определяющего восточный край Сибири; но буде бы сие оказалось совершенно невозможным, и осведомления, тамо полученные, предъявили бы лучший успех в описании берегов и Чукотской земли посредством объезда сухим путем или по льдам, то представляется оное на благоразсуждение и ближайшее рассмотрение начальника экспедиции, чтоб испытать не откроются ли острова или земли в севере сих берегов и так называемого Берингова пролива». И еще распорядилась Екатерина II: «Буде посредством сей экспедиции открыты будут вновь земли и острова, населенные или не населенные и никакому государству Европейскому непокоренные и непринадлежащие, то по мере пользы и выгод от такового приобретения ожидаемых, стараться оные присвоить скипетру Российскому...»¹

В весьма пространном наставлении Адмиралтейств-коллегии, кажется, предусмотрены все случаи, которые могли бы произойти с участниками экспедиции: часто приводятся примеры из экспедиции П. К. Креницына, вновь повторяются формулировки императрицыного указа, но сообщение о главной цели экспедиции содержится в седьмой и десятой статьях этого наставления: «Определивши с возможною точностию положение Колымы и описав ее течение с примечаниями земли, чрез которую она протекает, вы должны стараться, сколько обстоятельства то дозвоят, употреблять шитики, с возможною прочностию построенные, для объезжания морем подле берегов, простирающихся от восточного устья Колымы до Восточного мыса, определяющего восточный конец Сибири. Если же сие плавание вдоль берегов будет совершенно невозможно, а осведомления, полученные на местах, будут давать вам вид некоторой удачи, то можете делать описание сих берегов и земли Чукчей, путешествуя землею, зимою же по льдам... Вы должны сочинить точные карты, означить места, которые вам случится видеть, и приказать снимать везде виды признаками земель и важнейшим и явственнейшим предметам. Постарайтесь также, сколько возможно, сведать о земле чукчей, силе и нравах сего народа и при случае потщитесь своим поведением

¹ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 414, л. 83—87.

споспешествовать утверждению сего народа в зависимости России и в добром мнении о кротости правления, под которым они находятся».

В статье десятой речь идет об Алеутских островах: «Вы должны поставить себе главною должностию сочинение точнейших сим островам карты, определяя их положением частыми наблюдениями и стараясь паче всего проведать о находящихся там лучших пристанях. Вы должны простираить сии изыскания даже до берегов Америки и паче всего обращать внимание на острова, редко еще посещаемые и не совершенно известные, лежащие вдоль и под ветром сих берегов на восток острова Унимака и Большого носа Аляски, составляющего часть матерой земли, как например: Саннах, Кадык и Лесной, острова Шумагинские и Туманный, виденные Берингом и другими»¹.

В половине сентября 1785 года передовой отряд экспедиции под командованием Г. А. Сарычева отправился в Охотск и прибыл туда 27 марта 1786 года. Вслед за ним выехал и Биллингс, прибывший в Охотск в первых числах июля того же года, с главной остальной частью экспедиции. Сарычев передал команду прибывшему Р. Р. Галлу, а сам направился в Нижнеколымск строить суда для плавания вокруг северо-востока Азии. Галл же продолжал строить заложенные Сарычевым суда, предназначенные для плавания к берегам Америки и для исследования Алеутских островов, названные «Слава России» и «Доброе намерение».

Прежде чем продолжить повествование о ходе экспедиции Биллингса², расскажем о других важных решениях русского правительства в 1786—1787 годах. Президент Коммерц-коллегии А. Р. Воронцов и член Коллегии иностранных дел А. А. Безбородко подали Екатерине II Записку, в которой говорилось: «Северозападный берег Америки с островами около онаго находящимися и другими грядями от толе до Камчатки и от сего полуострова до Японии простирающимися, открыт из давних времен одними российскими мореплавателями... Но как по обще принятому правилу на неизвестные земли имеют право те народы, которые первое открытие оных учинили, как то в прежния времена и по сыскании Америки обыкновенно делалось... то вследствие сего неоспоримо должны принадлежать России»³. Далее перечислялись эти земли: берег Америки от 55°21' с. ш. к северу; все острова около сей матерой земли и все острова, к востоку лежащие — Алеутские, «ежегодно российскими промышленниками посещаемые»; Курильские острова до Японии. Авторы Записки просят, чтобы «о присвоении Россиею тех островов с высочайшего вашего повеления объявлено было чрез российских министров

¹ ЦГАВМФ, ф. 214, оп. 1, д. 1, л. 22, 24.

² Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжении восьми лет при Географической и Астрономической Морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. СПб, 1802; его же: Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю. СПб, 1811. Новое издание: Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952; Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966; Его же: Судьба Русской Америки. Магадан, 1975.

³ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 408, л. 260—267.

при дворах всех морских европейских держав, что сии открытыя земли Россией, не могут иначе и признаваемы быть, как империи вашей принадлежащими, а потому и не может здешнее государство допустить чужих туда мореходов и судов...» Во второй части Записки авторы ставят вопрос об охране всех открытых на востоке земель и просят «отправить из Балтийскаго моря два вооруженныя небольшия судна, подобныя употребленным капитаном Куком, а при них две вооруженныя морския шлюпки или другия суда, признанныя мореплавателями за способныя, коим и назначить объехать мыс Доброй Надежды, а оттоль продолжая путь их чрез Сондский пролив и, оставя Японию в левой стороне, итти на Камчатку».

22 декабря 1786 года появился указ Екатерины II Коллегии иностранных дел, в котором говорилось, что, препроводя Записку Воронцова и Безбородко, «сим повелеваем нашей Коллегии иностранных дел все тут представленное к сохранению права нашего на земли, мореплавателями российскими открытыя, произвести в действия, по колику то от оной зависит; что же касается до посылки судов к тем местам из Балтийскаго моря мимо мыса Доброй Надежды, о том дали мы повеление Адмиралтейской коллегии, равно как и правящему должности генерал-губернатора Иркутскаго и Кольванскаго генерал порутчику Якобию, о чем следовало, от нас предписано»¹. Действительно сохранился и указ от того же 22 декабря Адмиралтейств-коллегии об отправлении эскадры судов на Тихий океан². Сохранилось и Наставление Адмиралтейств-коллегии капитану I ранга Григорию Ивановичу Муловскому, назначенному командующим эскадрой³. В нем предписывалось не только обеспечить охрану уже русских островов и земель, но также отыскание новых и их исследование, а также описание острова Сахалина и устья Амура, Шантарских островов и устья реки Уди.

К сожалению, экспедиция Г. И. Муловского не была осуществлена, хотя и была полностью подготовлена в составе пяти боевых судов. Неожиданная война со Швецией задержала осуществление этой экспедиции на 15 лет, когда совершили первое кругосветное плавание И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский. А эскадра Г. И. Муловского была направлена в Средиземное море. Сам Г. И. Муловский погиб в морском сражении. Между прочим, в инструкции Г. И. Муловскому говорилось, что при посещении не известных ранее и никому не принадлежащих земель следует, как это было предписано и Биллингсу, «торжественно подняв Российский флаг», укрепить на возвышенных местах столбы с русским гербом и соответствующей надписью: «и сверх того, положив в высмоленный сосуд по одной серебряной и медной медали, также вложив в крепкую засмоленную бутылку надпись на российском и латинском языках, означающую ваше путешествие, зарыть все в землю... Таковые гербы и медали иметь на всех судах»⁴. Гербы было решено изготовить из чугуна. Всего

¹ ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 11, д. 2119, л. 116.

² Там же, ф. 172, оп. 1, д. 408, ч. 2, с. 258.

³ Там же, д. 367, л. 286—319 об. (с разрывами текста).

⁴ Там же, л. 269 об.—270 об., 307—307 об.

Было изготовлено 200 гербов. Помимо этого на корабли эскадры было роздано определенное количество золотых, серебряных, медных и чугунных медалей для вручения местным жителям. Все эти изделия оставались в хранилищах, пока не были востребованы вновь организуемыми экспедициями. Такие столбы с изображением Российского герба и различного достоинства медали были также даны и экспедиции И. И. Биллингса. Их было отчеканено «с ушками сто золотых, четыреста серебряных и шестьсот медных медалей, а без ушков золотых десять, серебряных тридцать и медных шестьдесят»¹. На одной стороне медали — изображение императрицы, а на другой — корабля и надпись: «Слава России». Под изображением Екатерины II — дата: 1785 г. Медаль носили на шее на цепочке.

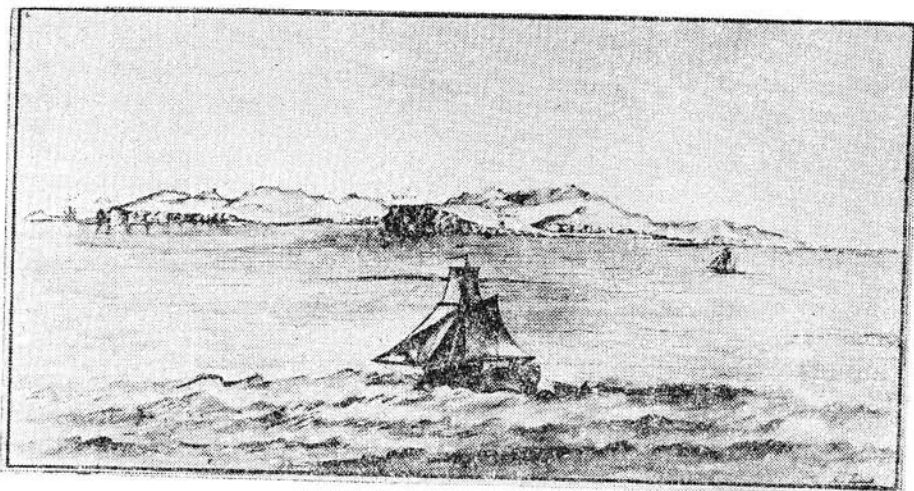
В одном ряду с экспедицией Биллингса и плаванием Муловского встало формирование и отправка на Дальний Восток полка Сомова, который призван был укрепить обороноспособность сих мест. Части полка должны были дислоцироваться в Удском остроге, в Охотске, но большая часть войск — на Камчатке: в Большерецке, Нижнекамчатске и в Петропавловске. Судьба этого полка была печальной. Не сумев заранее подготовить базы для размещения войск, они распределялись кое-как, не была продумана организация питания, санитарного обеспечения. В результате получилось так, что вместо того, чтобы отстоять интересы местного населения, полк этот, сформированный в 1798 году, стал для него тяжелым бременем и обузой для местного начальства. Чтобы поощрить местных старшин-тойонов за помощь при передвижении полка Сомова, также отлили медали, которые были вручены, например, якутским «князям» Винокурову, Портнягину, Макарову, Сивцову, Шадрину.

Возвращаясь к экспедиции Биллингса, скажем, что в Верхнеколымске были Христианом Берингом (внуком В. И. Беринга) и Г. А. Сарычевым построены суда «Паллас» и «Ясашна». Им надлежало сделать попытку пройти из устья Колымы до устья Анадыря, то есть повторить путь Ф. Алексеева и С. Дежнева. «Палласом» командовал Биллингс, а «Ясашной» — Сарычев. 25 мая 1787 года суда снялись с якоря и направились в устье Колымы. На месте, где в Колыму впадает Омолон, к экспедиции присоединились Т. И. Шмалев — к Сарычеву, Н. И. Дауркин и И. Кобелев — к Биллингсу. Они были полезны Биллингсу при сношениях с чукчами, так как все трое были им очень хорошо знакомы и пользовались их доверием.

Когда же попытка пройти морем к Берингову проливу не увенчалась успехом и оба судна возвратились, Биллингс предписал Дауркину и Кобелеву ожидать его летом 1791 года в заливе св. Лаврентия. К Чукотскому носу они ехали вместе. До этого в Охотске оба помогали капитану Галлу строить суда, исполняли его распоряжения, требовавшие помощи чукчей, поддерживали связь с местными жителями.

28 января 1788 года Биллингс в рапорте Адмиралтейств-коллегии писал: «По отправлении моем 24 числа июня прошлого 1787 года с устья

¹ ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 1, д. 891, л. 4.

Суда «Паллас» и «Ясашна» в устье реки Колымы. Рис. Л. А. Воронина

реки Колымы в предписанный мне путь, простирая плавание свое до тех мест, да коих дозволила возможность. И 20 числа июля по совершенной невозможности более следовать и видя неизбежную опасность, чтоб чрез отважности не подвергнуть какому несчастию, собрав штаб и обер афицеров, в команде моей находящихся, заключили консилиум, с которого точную копию в государственную Адмиралтейств-коллегию при сем препровождаю, обратили путь свой обратно к устью реки Колымы и ко оной реке дошед обонми судами до Нижнековымска 29 июля, где отдал суда, такелаж, оставшиеся провианты и другое казенное имущество»¹ представителю Зашиверского земского суда Ивану Мартьянову.

Теперь все действия экспедиции были перенесены в Охотск, где строились суда для плавания к Алеутским островам, а также для плавания в южном направлении вплоть до корейской границы, как было предписано наставлением. Пока строили суда, Биллингс занимался гидрографическими работами на побережье Охотского моря: штурман С. Бронников был послан для описания бассейна реки Улькан вплоть до Усть-Маи с целью отыскать возможность «для перевозу тягостей на сию реку, описывая и располагая расстояние оной с промером форватера глубину и можно ль тою рекою судами отправляться и есть ли к строению судов способной лес и не сыщутся ль места способныя» к нахождению на них разных минералов².

Сам Биллингс по дороге из Якутска в Охотск описывал также реки Улькан, Маю и Юдому; Сарычев описал побережье от Охотска до устья реки Улькан; описанием морского берега от Охотска до реки Алдомы с

¹ ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 11, д. 2563, л. 676.

² Там же, ф. 214, оп. 1, д. 2, л. 37.

устьями рек Урак, Уля и Улькан занимались в 1789 году и сержант И. Бритов и штурман А. Очередин¹.

Во время плавания на «Славе России» из Охотска в Петропавловск мореплаватели 22 сентября 1789 года видели «неизвестной и неположенной на карте остров, по исчислению от Охотска в 38 немецких миль на зюйд-ост 20°30', который... и наименован мною сей остров «Святого Ионы»². В начале октября 1789 года «Слава России» прибыла в Петропавловский порт, где начали готовиться к предстоящим дальнейшим исследованиям: Биллингс поручил Галлу строить в Нижнекамчатске новое судно, названное впоследствии «Черный орел». Сам он отправлялся в сухопутную экспедицию по северному берегу Чукотки из залива св. Лаврентия вместе с чукчами (вспомним, что он для этого и посылал туда Дауркина и Кобелева), а Сарычев предписал на «Славе России» идти для описания Алеутских островов. До похода по Чукотке оставался еще целый год.

В мае 1790 года «Слава России» отправилась на восток. Во время этого путешествия были описаны острова Амчитка, Амля и все остальные до Уналашки. Затем экспедиция пошла к острову Кадьяк, описав по пути острова Саннах, Шумагинские и Евдокеевские. Сарычев сделал на американском берегу опись залива Ляхик и произвел там астрономические определения широты и долготы методом лунных расстояний. 19 июля подошли ко входу в залив Нучек при самом начале Чугацкого залива и стали на якорь вблизи острова Цукля. Отношения мореплавателей с жителями Америки были самые дружественные. Сарычев на байдарках описал Чугацкий залив, а сам Биллингс много времени проводил на берегу среди жителей, занимаясь вместе с Мерком сбором различных сведений и материалов. От Цукли перешли к острову Каяк, где занимались по-прежнему описанием побережья и сбором материалов. Оттуда ввиду наступающей осени Биллингс проложил курс прямо к Петропавловской гавани, куда и прибыли благополучно в ночь с 13 на 14 октября.

За месяц до этого геодезист Алексей Гилев возвратился после описи Курильских островов. Восемь первых из них геодезист весьма подробно описывал «с лежащей по берегам ситуации, полагая по сказанию камчадал и курильцов, положи маршрутно, и других рек, видимые вершин хребты или сопки, завязывая пеленгами, также описав особливо способные бухты, с промером глубины фарватера, и течением моря, примечал на прибыло и убылой воды в разных местах как матерого берега, так и между островов в проливах, и снимал виды с мысов, гор, кекуров, и собирал с гор и подножьев разных пород (пород.— А. А.) штуфы и окаменелости, раки разных родов, также губа деревянна окаменела и черви, и собирал морские раковины и живность, коя имеет, капуста и другия примечанию достойные реткости, тож собирал травы и цветы и их семена, кон с пересушкою укладывал, да при том же собирал впреть и насекомых, как воздушных так и морских, а ростение леса отменного не

¹ ЦГАВМФ, ф. 214, оп. 1, д. 5, л. 250; ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 11, д. 2562, л. 84—88.

² Там же, ф. 913, оп. 1, д. 179, л. 27—31.

отыскалось, и включил в журнал живущие по островам тех курильцов мужска и женска пола»¹. Даже для врача П. Алегретти нашлись дела: ему было поручено произвести топографическую съемку берега от Петропавловска до Нижнекамчатска².

В 1791 году экспедицией были осмотрены и частично описаны Командорские, Ближние острова, острова Танага (Андреяновские), острова Прибылова, остров Матвея, остров Лаврентия, острова Гвоздева и берега Берингова пролива. Отсюда Биллингс, выполняя данную ему инструкцию, решился на отчаянный шаг: вместе с чукчами, о которых ходило так много всевозможных слухов, проехать вдоль северного берега Чукотки, а оттуда в Нижнеколымск. Местом для начала похода была давно уже избрана бухта св. Лаврентия, где Биллингс с сопровождающими должны были ожидать Кобелев и Дауркин. Но, как писал в рапорте Адмиралтейств-коллегии 31 июля 1792 года Биллингс, он в плавание 1791 года имел «пристань в северо-восточной (правильно — в северо-западной.— А. А.) Америке, где выезжал на берег и имел свидание с американцами, коих было немалое число. Из них один, находящейся пленным прежде у аленных чукок и обратившийся в свою землю бегством, довольно со мною разговаривал, изъявляя упомянутых американцев желание иметь с российскими народами дружественное обхождение, причем те американцы убедительно с жалостию просили, чтобы российския защитили оных от нападения и грабежа аленных и пеших чукок. Сии чукчи почти ежегодно на байдарках чрез проливы во многом числе походом на Американскую землю ходят, истребляют убийством американцев, имене их разграбливают разделяя посевы, а жен и детей берут в плен, из таковых в бытность мою в Чүкоцкой землице находящуюся у чукок одну американку пленную с двумя детками в тяжком рабстве и с немалым убеждением чукок выкупил я, но детей ея по упрямству чукок искупить не мог, которую американку намерен я был препроводить ныне же в Санкт Петербург, но за опасением, чтобы не заразилась оспою, состоящую по слухам по дороге к Иркутску, оставил оную впредь до лутчей оказии в Якутске»³. Это важное указание на то, что Биллингс по крайней мере трижды высаживался на американский материк: у островов Цукля и Каяк, а также в районе Берингова пролива.

6 августа, во время стоянки «Славы Россин» в заливе св. Лаврентия, туда прибыл чукча Николай Иванович Дауркин, который сопровождал Биллингса во время похода. Он рассказал, что И. Кобелев, не дождавшись Биллингса, отправился с другими чукчами, которые больше не соглашались ждать, к острову Колючин, где у чукчей было стойбище. Дауркин рассказал Биллингсу и о том, что во время ожидания в июне—июле они вместе с чукчами бывали на американском берегу⁴.

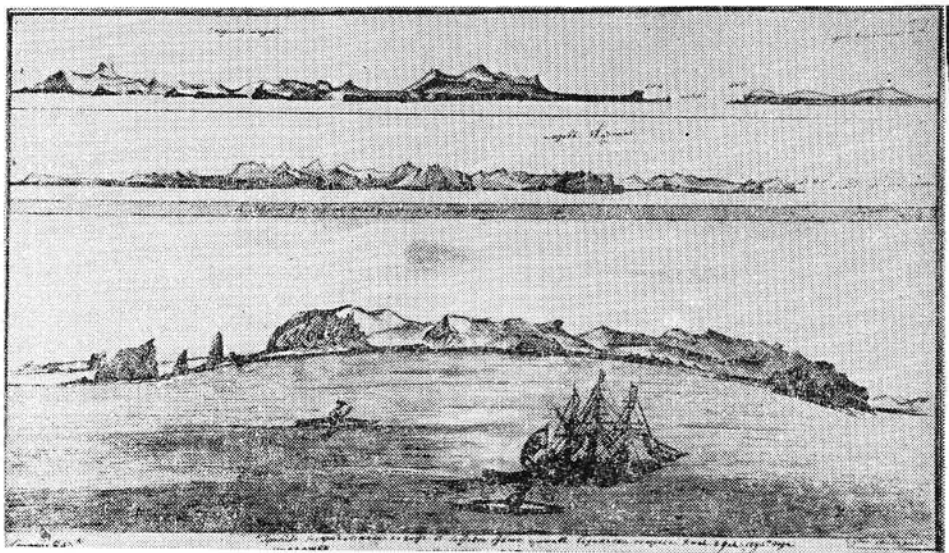
12 августа 1791 года Биллингс со спутниками по экспедиции сошел на берег, а в командование «Славой Россин» вступил Сарычев, отправив-

¹ ЦГАВМФ, ф. 214, оп. 1, д. 21, л. 511—512.

² Там же, д. 60, л. 35.

³ Там же, д. 62, л. 18—18 об.

⁴ Алексеев А. И. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961, с. 73—74.

Корабль «Слава России» у берегов Уналашки. Рис. Л. А. Воронина

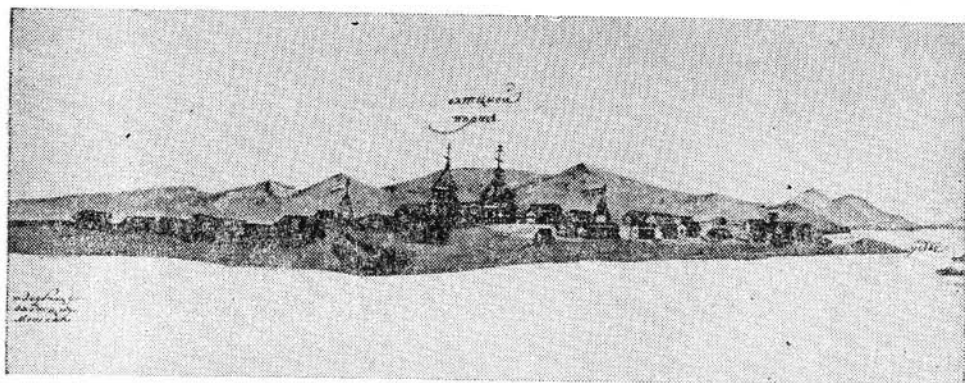
шийся на зимовку к острову Уналашке. По пути он описал часть Чукотки, остров св. Лаврентия. Вскоре на Уналашку прибыл «Черный орел» с Галлом во главе, который пришел слишком поздно в залив Лаврентия, где ему было вручено предписание Биллингса идти на остров Уналашку. Во время зимовки были описаны острова Уналашка, Унимак, Саннах и мыс Аляска.

Между тем Биллингс со своей партией ждал начала кочевки чукчей, и 25 августа долгожданное путешествие началось. Тщательно снимали и наносили на карту маршрут¹, производили возможные наблюдения, сам Биллингс вносил в журнал на английском языке все, что, по его мнению, заслуживает внимания. Было немало и трудностей. Но все же 2 марта 1792 года Биллингс смог коротко рапортовать Адмиралтейств-коллегии: «...я прошел чрез всю Чукотскую землю, прибыл с находящимися при мне чиновниками и нижними чинами, всего одиннадцати человеками, в Зашиверскую округу на урочище Ангарку благополучно»².

Сначала он хотел отправиться отсюда в Гижигинск и из него в Петропавловск, но узнав о приказании свернуть экспедицию, поехал в Якутск, предписав Сарычеву и Галлу закончить работу и возвращаться в Охотск. Они так и сделали. На пути в Петропавловск были описаны острова от Уналашки до Атхи. В этом же году Сарычев сделал попытку пройти на «Черном орле» к Курильским островам и в Японское (Корейское) море. Но по различным причинам плавание было безуспешным. Сарычев и Галл на «Черном орле» возвратились в Охотск, оставив «Сла-

¹ Опубликовано в кн.: Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966; и в Атласе А. В. Ефимова, № 176.

² ЦГАВМФ, ф. 214, оп. 1, д. 62, л. 19 об.

Вид Охотского порта. Рис. Л. А. Воронина

ву России» в Петропавловском порту. На этом действия экспедиции прекратились. Интересно, что по ходатайству Биллингса Иван Кобелев был произведен в офицеры и 29 января 1793 года стал поручиком, получил медаль для ношения на шее с надписью: «В воздаяние заслуг оказанных при северо-восточных экспедициях», тогда как чукча Николай Дауркин получил только денежное довольствие и никак отмечен не был.

Большой политический итог этой экспедиции очевиден: все открытые русскими промышленниками острова и земли были закреплены за Россией. Экспедиция в значительной степени укрепила позиции создаваемой Российско-Американской компании, хотя отношения между Биллингсом и Шелиховым оставляли желать лучшего. Путешествие Биллингса имело большое значение для улучшения отношений русских с чукчами, чему в немалой степени помогло участие в этом походе Н. И. Дауркина, а также для налаживания отношений представителей русской государственной власти с местными жителями. Результаты работы экспедиции в корне изменили соотношение русского и иностранного влияния в этой части земного шара в пользу России.

Важность экспедиции И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева для гидрографической науки и в целом для географии в немалой степени возросла из-за участия в этом плавании весьма трудолюбивого и талантливоего сотрудника, ставшего впоследствии крупнейшим ученым-гидрографом и картографом, в течение ряда лет возглавлявшим всю гидрографическую службу России. — Г. А. Сарычева.

Основной научный итог экспедиции — картографирование Алеутских островов и части Северной Америки. Алеутские острова были положены со всевозможной точностью на карту, подходы к островам изучены и там, где представлялась возможность, составлены планы этих подходов, опровергнута карта И. Б. Синдта. После длительного перерыва русские вновь побывали у берегов Северной Америки, высаживаясь на берег в нескольких местах. После экспедиции Беринга экспедиция Биллингса — самое крупное событие во всей истории исследования русскими людьми северной части Тихого океана и Дальнего Востока. Гидрографические

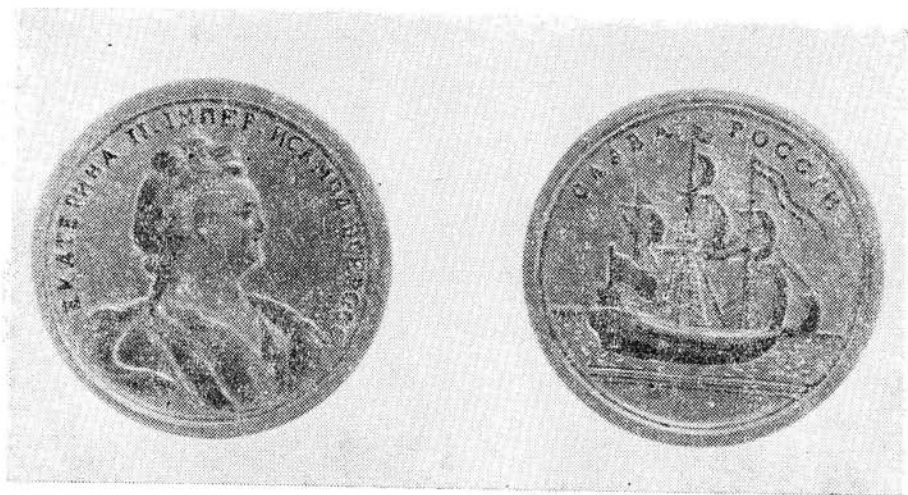

Медаль «Гижигинской команды сотнику Порутчику Ивану Кобелеву в воздаяние заслуг оказанных при северовосточных экспедициях 1795 года». Представлено В. А. Дуровым

исследования экспедиции оказались неизмеримо точнее, подробнее иностранных, и в частности Д. Кука, не говоря уже о рекогносцировочных описях Ж.-Ф. Лаперуза. Экспедиция Биллингса подводила итог научных исследований, которые стали возможны благодаря многочисленным походам русских промышленников и мореходов на Алеутские острова и к берегам Аляски.

Сохранилось множество описаний и карт экспедиции Биллингса¹, из которых наибольшую ценность представляют атлас, составленный Сарычевым, и описание (с подробной и точной картой) пути следования Биллингса по Чукотке. Биллингс кроме того написал книгу о своей экспедиции, три рукописных тома которой, переведенных с английского языка на русский Ф. В. Каржавиным, до сих пор лежат в ЦГАВМФ — они не опубликованы. А между тем Г. А. Сарычев, изложивший итоги

¹ Нам представилась возможность видеть: в ЦГВИА, ф. ВУА № 23457, 23476, 23761, 23762, 23763, 23764, 23765, 23766, 23767, 23468; в ЦГАДА Картографический фонд, карты Иркутской губернии, № 49, 50, 51, 52; в Архиве ГУ ВМС Коллекцию карт бассейна Тихого океана, № 113—121.

Медаль «Слава России». Представлена В. А. Дуровым

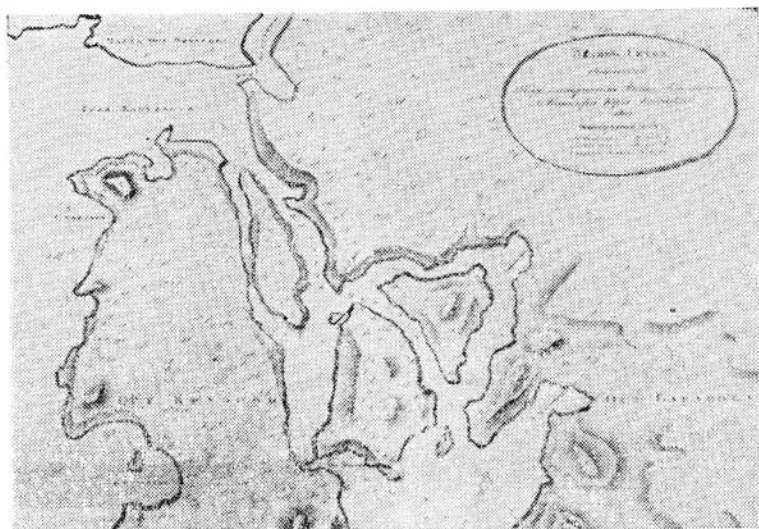
экспедиции в двух книгах¹ несомненно использовал неопубликованную рукопись Биллингса². Известно много карт и планов не только подготовленных под руководством Биллингса, но и непосредственно им составленных. Много карт и планов составлено штурманами экспедиции, меньше — Р. Р. Галлом. С исключительной добросовестностью и тщательностью, вообще характерными для Г. А. Сарычева, он дает описание работ экспедиции, сопровождая его заметками по географии, наблюдениями по этнографии, гидрографии и метеорологии.

К первому своему труду Г. А. Сарычев приложил «Атлас Восточного океана», атлас карт, планов и видов. В атласе, насчитывающем 50 листов, приведена общая, итоговая карта экспедиции, а также помещены планы устьев рек, заливов, гаваней, островов; большое место занимают виды для будущих лоций (зарисовка берегов, приметных мест, подходов к берегу, входов в заливы, проливы и пр.), зарисовки быта жителей Алеутских островов, Чукотки и Аляски. Это уже вполне научные, хорошо исполненные гидрографические документы. На карте Авачинской губы нанесены масштаб, глубины, отмели, а также течения.

Результативная карта — «Меркаторская карта Северовосточной части Сибири, Ледовитого моря, Восточного океана и Северозападных берегов Америки» весьма приближается к современной карте этих мест. Прежде всего это относится к нанесенной береговой черте. На ней остался не описанным, несмотря на старания Биллингса (чукчи не намеревались там кочевать), участок берега от Шелагского мыса до мыса Дежнева. Весьма приближенно, но в общем довольно правильно нанесена

¹ Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжении восьми лет при Географической и Астрономической Морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. СПб., 1802; Он же: Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю. СПб., 1811.

² Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966.

Карта залива Ситхи Ю. Ф. Лисянского 1805 года

береговая черта Северной Америки от мыса Принца Уэльского до Бристольского залива, отсутствовавшая на прежних картах. Исправлена погрешность карты И. Б. Синдта относительно многочисленных островов, якобы находящихся в северной, прилегающей к Берингову проливу части Тихого океана. На предыдущих русских картах счет долгот вели или от произвольно выбранного меридиана, или от меридиана острова Ферро. Сарычев одним из первых в России начал употреблять счет долгот от Гринвичского меридиана.

Сарычев отказался от морской описи в ее классическом виде, то есть с судна. Приводя в пример недостаток описи Д. Кука, он писал, что Кук принужден был «многие места, за крепкими ветрами, туманами и отмелями, оставить неосмотренными, да и те берега, которые видел, означить на картах в некоторых местах не соответственно настоящему их положению, некоторые заливы пропустить, остров не отделить от матерой земли, и наконец туманы почесть за острова»¹.

«Следовательно,— продолжал далее Сарычев,— чтобы иметь верные карты здешних морей, надобно опись делать, так сказать, ощупью. Для сего нужно производить ее на больших кожаных байдарах или на малых гребных судах, удобных по малому углублению своему, находить всегда закрытие себе, при крепких ветрах, в мелководных речках или заливах»². Морская опись становилась наиболее точной прибрежной описью береговой черты.

При составлении многочисленных карт, в которых нашли отражение главные результаты гидрографических исследований, особенно в общей «Меркаторской карте...», Сарычев также широко использовал и умело

¹ Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева... СПб., 1802, ч. I, с. V.

² Там же, с. VI.

обобщил результаты предыдущих гидрографических работ. Сравнивая эту карту с многочисленными картами промышленников, можно без труда убедиться, что Сарычев просмотрел большинство их карт. Так, Гижигинская и Пенжинская губы и Курильские острова нанесены с использованием карт Кожевина, Антипина и других.

Несомненно была использована Сарычевым и карта А. И. Нагаева, послужившая в какой-то степени основой. Но если Нагаев составлял свою карту в Петербурге, используя материалы и консультируясь с участниками плаваний, то Сарычев пользовался собственными наблюдениями и определениями, которые позволяли ему самостоятельно делать и выводы.

Так же как и карта А. И. Нагаева, «Меркаторская карта...» Г. А. Сарычева охватывает весь район северной части Тихого океана. На ней нанесены маршруты всех плаваний судов экспедиции Биллингса — Сарычева, значительно уточнено положение Алеутских островов, побережья Северной Америки и Курильских островов. Помещенные на карте часть Японского моря, лиман Амура и остров Сахалин сравнительно верно передают их очертания. Главной же заслугой составителя карты является правильное нанесение всех Алеутских островов, без существенных изменений сохранившееся до настоящего времени. Последующие поколения мореплавателей и гидрографов лишь уточняли положение береговой черты Алеутских островов, пользуясь более совершенными инструментами и, следовательно, иной методикой производства морской описи.

Русское правительство, обратив основное внимание на Алеутские острова и Северную Америку, не забывало и о южном направлении, о Курильских островах и Японии, знакомство с которыми началось со времени В. Атласова и И. Козыревского. В течение XVIII столетия, после плавания к берегам Америки корабля из отряда М. П. Шпанберга, туда плавали для сбора ясака с жителей Курильских островов — айнов Матвей Новограбленный, Сысой Слободчиков, Иван Черный и другие. На Курильских островах начинал свою деятельность в компании с П. С. Лебедевым-Ласточкиным и Г. И. Шелихов. На острова вплоть до Японии плавали И. М. Антипин, И. Очередин, Ф. Путинцов, Д. Я. Шабалин, М. Ф. Петушков. На одном из Курильских островов было создано постоянное русское промысловое поселение, во главе которого стоял В. К. Звездочетов. Не единожды русские встречались с японцами, вели с ними торговлю на острове Хоккайдо или на одном из южных Курильских островов.

Участившиеся случаи появления в русских территориальных водах иностранных купеческих судов и экспедиций, ходивших под военными флагами, заставило правительство Российской империи по-иному взглянуть и на отношения с Японией. Тем более, что со второй половины XVIII века японцы стали проявлять определенную активность в отношении Курильских островов, давно открытых и исследованных русскими. Поэтому уже в инструкцию Г. И. Муловскому были включены пункты с рекомендациями о действиях в районе Курильских островов. В одном из них, в частности, говорилось: «Обойти и описать все малые и большие

острова от Японии до Камчатской Лопатки. Положить их наивернее на карту и от Матмая до той Лопатки все причислить формально ко владениям Российского государства, поставя или укрепя гербы и зарыв медали в пристойных местах, с надписью на Российском и Латинском языках, означающего его путешествие или приобретенне¹.

Когда же на Камчатке появилась экспедиция И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева, которой после завершения работ на Чукотке, у Алеутских островов и у побережья Северной Америки надлежало еще описать Курильские острова и, когда стало известно, что Сарычеву не удалось этого сделать, со стороны главным образом Г. И. Шелихова стали поступать предложения об организации экспедиции к берегам Южных Курильских островов и Японии. Он горячо поддержал план ученого Эрика Лаксмана, который призывал воспользоваться тем, что на Алеутские острова прибило снова партию японских промышленников и рыбаков, и под видом их возвращения организовать экспедицию для того, чтобы попытаться завязать торговые отношения с Японией. Еще в феврале 1790 года Г. И. Шелихов сообщал иркутскому генерал-губернатору о своем намерении на южных Курильских островах «сделать заселение дабы не могли тут предварить европейцы к стыду нашему». Он указывал, что близость Курильских островов «к Камчатке неоспоримое дает право на владение под Российским скипетром...», и добавлял: «Да и надеемся притом тут чрез мохнатых курил с японцами установить торговлю». Шелихов сразу обещал Э. Лаксману оказать материальную помощь².

К экспедиции, которую возглавил сын Э. Лаксмана — Адам Лаксман, служивший поручиком в Гижигинске, готовились тщательно, к участию в экспедиции были привлечены штурман Василий Федорович Ловцов и опытный Дмитрий Яковлевич Шабалин. Инструкцию для Лаксмана и Ловцова написал иркутский генерал-губернатор И. Пиль. Согласно этой инструкции участники экспедиции должны были установить дружеские отношения с японцами, а также всесторонне описать остров Матсмай (т. е. Хоккайдо), Южные Курильские острова и все те места, куда доведется им плыть.

На галиоте «Св. Екатерина» участники экспедиции 13 сентября 1792 года вышли из устья реки Охоты, держа курс на юг и затем на юго-восток. 17 сентября прошли остров Иона, «состоящий из одной островерхой сопки с несколькими отпрядышами». Слева по курсу вдали был едва виден берег Северного Сахалина. Взяв курс на Курильские острова, 26 сентября оказались верстах в пятидесяти от острова Итурупа (19-й Курильский остров, по терминологии Ловцова и Лаксмана). Противные ветры долго не позволяли подойти ближе. Лишь 6 октября галиот вошел в пролив между Итурупом и Кунаширом (20-й остров), теперь пролив Екатерины. 7 октября стали на якорь близ берега 22-го острова. И с этого времени начались дипломатические действия экспедиции.

¹ См.: Полевой Б. П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982, с. 150—151.

² Там же, с. 158.

Тогда, какъ граж Селовъ писалъ Мюне поублава,
 Свои писаньяхъ достигъ генералъ собои гудн,
 И титъ зной Россю! онъ сказалъ:
 Не рамаи полавина тыворится Россюи оладн

Г. И. Шелихов

А. А. Баранов

Вскоре, уже 9 октября, судно втянулось в гавань Немуро, затем туда прибыл японский чиновник из Матсмая. Обо всем этом существует специальная литература. Мы же ограничимся тем, что приведем ту часть Записки А. Лаксмана, в которой говорится об итогах переговоров: «В продолжении 10 дней в Матмае имели 3 аудиенции, в кои получил три бумаги. Первую — закон, предписанной императором, в разсуждении, что закон с самых древних лет и по сие время без всякой перемены и что всем иностранцам, исключая Нангасацкой гавани, в протчих местах приставать возбранно; вторую — расписку в сдаче людей (потерпевших у русских берегов крушение японских рыбаков. — А. А.); третью — так как имели бланкет за тремя императорскими печатями — о позволении Великороссийского государства одному судну иметь вход в Нангасацкую гавань»¹.

Узнав о благополучном возвращении экспедиции А. Э. Лаксмана и В. Ф. Ловцова, которая принесла много новых данных не только о Японии, но и о Курильских островах, в особенности об Итурупе, Урупе и Кунашире, Г. И. Шелихов тут же предложил свои услуги в посылке в Японию торгового судна, но в этом ему было отказано: Лаксман заявил, что он поддержит Шелихова только в том случае, если в организации экспедиции примут участие другие купцы. Это Шелихова никак не устраивало, и между ними возник разлад. Тогда Шелихов получил разрешение основать русское поселение на Урупе. В 1795 году там была высажена партия промышленников с семьями во главе с В. К. Звездочетовым. Вскоре они перешли на Итуруп и прожили там около десяти лет².

¹ Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979, с. 517.

² Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975, с. 119.

Медаль «Каргопольскому купцу Боранову. В воздаяние усердия его к заведению утверждению и расширению в Америке Российской торговли. 1799 года». Представлена В. А. Дуровым

Экспедиция (1792—1793 годы) носила дипломатический характер. Гидрографическое ее значение состоит в том, что она стала первой правительственной русской экспедицией, доставившей сведения о японских портах Немуро и Хакодате. Были составлены карты тех мест, где побывала экспедиция, и кроме того, описанне острова Матсмай (Хоккайдо, Эззо, Езо, Иессо, Матмай, 22-й Курильский остров — разновидности его названия. Сейчас принято — Хоккайдо)¹.

Сохранилось две карты этого плавания: «Карта учиненная плаванием Экспедиций Японской отправленной из Охотского порта в Японское государство и следующее до острова Матсмая или Эззо составляющего северо-восточную оконечность матмайской губернии; путь означается вперед под черным и обратно под красным пунктиром Сочинена 1793 г.»²; «Меркаторская карта, представляющая часть Российской империи и Китайского государства, и известных Курильских и Японских островов, по которой плавание совершал на казенном бригантине именуемом С. Екатерины штурман Василий Ловцов за препровождением японцев в свое отечество»³.

Хотя первая карта и не подписана, но очевидно, что она составлялась Василием Ловцовым. На ней достаточно правильно нанесены Шантарские острова, Амур, Сахалин, Южные Курильские острова. Карта без масштаба, но с сеткой меридианов и параллелей, проекция не указана. За нулевой меридиан принят меридиан Охотского порта.

Заклучим эту главу упоминанием еще раз о чрезвычайно важном решении правительства — об образовании Российско-Американской компании. Как известно, постоянные русские поселения были созданы

¹ ЦГИА СССР, ф. 994, оп. 2, д. 1620, л. 10—10 об.

² ЦГВИА, ф. ВУА, № 23769, 23770.

³ Там же, № 23783.

Г. И. Шелиховым и П. С. Лебедевым-Ласточкиным в различных местах северо-западного побережья Северной Америки, залива Аляска, а также и на Алеутских островах в 80-х годах XVIII столетия. Больше преуспел в этом деле Шелихов, постепенно объединивший заинтересованных купцов и промышленников в единую компанию. Обращение Шелихова, поддерживаемого сибирскими властями, к Екатерине II об организации монопольной единой компании, не имело успеха. Известны ответы императрицы, которая отказала и в этом вопросе и не дала просимой ссуды под проценты¹.

Шелихов продолжал бурную деятельность до своей неожиданной кончины в 1795 году. После его смерти дело продолжила супруга — Н. А. Шелихова и главный правитель Русской Америки А. А. Баранов, который в 1790 году заключил с Шелиховым соответствующий договор. И лишь со вступлением на престол Павла I 19 июля 1799 года были опубликованы два важных указа: об основании компании и даруемых ей привилегиях и о том, что представитель семьи Шелиховых должен быть обязательно одним из директоров компании.

¹ Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 135; Его же: Судьба Русской Америки. Магадан, 1975, с. 100—176; Его же: Колумбы росские. Магадан, 1966, с. 145—148; Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. Под ред. и с вступит. статьей Б. П. Полевого. Хабаровск, 1971.

Глава восьмая

КРУГОСВЕТНЫЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ, ОФИЦЕРЫ И ШТУРМАНЫ ОХОТСКОЙ ФЛОТИЛИИ И РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ УТОЧНЯЮТ БЕРЕГОВУЮ ЧЕРТУ

Начало XIX века было очень благоприятным для гидрографических работ на Дальнем Востоке. Дела Российско-Американской компании шли так хорошо, что она вела торговлю почти со всеми странами Тихоокеанского бассейна. На верфях Ново-Архангельска (теперь г. Ситха) строились компанейские суда. Правитель компании А. А. Баранов претворял в жизнь мечту Г. И. Шелихова о строительстве Славороссии в Северной Америке.

Об успехах и значении Российско-Американской компании говорит и тот факт, что сам царь и несколько великих князей состояли в числе ее пайщиков. Потребность компании в опытных, знающих свое дело мореходах была такова, что было разрешено одним из пунктов привилегий нанимать на службу компании добровольцев — морских офицеров, которым служба в компании засчитывалась в срок действительной военноморской службы.

Но у Российско-Американской компании были и трудности, характерные для экономического развития всего Дальнего Востока. Для растущей в этом регионе торговли, развивающихся морских и пушных промыслов не хватало морских судов и командного состава. Судостроительные возможности Охотска, Камчатки и Ново-Архангельска были явно

недостаточны. Провокации иностранных держав на Аляске и Алеутских островах, хищнический бой морского зверя требовали вмешательства правительства в дальневосточные дела. Дальний Восток нуждался в военных судах для охраны русских владений.

Существовало еще одно немаловажное обстоятельство. По-прежнему все снабжение Дальнего Востока и Русской Америки шло через Охотск. Не говоря уже о страшной дороговизне доставки грузов через Сибирь, надо было считаться со сроками доставки припасов, оборудования, продуктов. По абсолютному сибирскому бездорожью нередко предметы первой необходимости (якоря, канаты и прочее) шли из Петербурга в Охотск по два года и приходили (особенно тяжелые предметы), распиленными или разрубленными на части. В Охотске их снова соединяли, сращивали (канаты, например), погружали на суда и отправляли в Ново-Архангельск.

Естественно поэтому, что встал вопрос об отправке в воды Тихого океана военных судов из Кронштадта. Мысль эта была не нова. Еще во время организации Второй Камчатской экспедиции высказывались мнения о целесообразности отправления ее в Охотск морем. В 1786 году была готова к отправке целая эскадра из пяти судов в Тихий океан под командой Г. И. Муловского. Имелось, правда, и другое мнение. Говорили о постройке необходимых военных судов в Охотске. Но такое решение вопроса, во-первых, не обеспечивало снабжение Российско-Американской компании необходимыми припасами, так как все равно доставка их в Охотск шла бы сухим путем, через Сибирь. А во-вторых, как показали подсчеты, доставка всего необходимого в Охотск для строительства двух военных судов и строительство (сборка) их там обошлись бы гораздо дороже, чем отправление построенных на верфях Балтийского моря судов своим ходом в воды Тихого океана.

В это же время окончательно вводятся в практику гидрографических работ секстан (октан) и хронометр — важнейшие навигационные инструменты. Организованное в 1797 году Депо карт открыло в 1811 году механическую мастерскую, изготовлявшую не только геодезические, но и мореходные инструменты. В 1819 году этой мастерской были выпущены повторительные теодолиты. В 1804 году на базе компасной мастерской и мастерской математических и физических инструментов была создана мастерская мореходных инструментов, причисленная к Адмиралтейскому департаменту. В 1818 году она была переведена на Адмиралтейские Ижорские заводы. Здесь изготовление мореходных инструментов продолжалось до 1858 года, когда мастерскую вновь перевели в Главное Адмиралтейство, и она вошла в строй учреждений Гидрографического департамента. Мореходная мастерская постепенно наладила производство всех видов компасов, чертежных инструментов, барометров, термометров, гигрометров, морских барометров, всех родов артиллерийских квадратов, песочных склянок, секстанов и зрительных труб.

Научная гидрографическая мысль начала XIX столетия ознаменовалась появлением труда Г. А. Сарычева «Правила, принадлежащая к Морской Геодезии, служащая наставлением, как описывать моря, бере-

Ю. Ф. Лисянский

га, острова, заливы, гавани и реки, плавая на больших парусных и малых гребных судах, также и идучи с мерою по берегу, с показанием как сочинять морские карты, и на оных располагать описанныя места», изданного в 1804 году.

После работ Ф. И. Соймонова, И. Л. Любераса и А. И. Нагаева труд Г. А. Сарычева являлся наиболее полным. Отражавший состояние русской гидрографической науки, он вместе с тем стал ее итогом к началу XIX века. На нем воспиталось не одно поколение моряков-гидрографов. Популярность труда была настолько велика, а надобность в нем так значительна, что в 1825 году вышло второе издание его под названием «Геодезические и гидрографические правила снимать на земной поверхности местоположения, измерять глубины морей, заливов и рек, и все оное означать на морских картах», то есть, иными словами, это были подробные и современные правила того, как наилучшим образом снимать на местности и как наносить на карту береговую черту. Замечательное пособие Г. А. Сарычева сослужило хорошую службу русской гидрографии и было ведущим, основным пособием в течение трех четвертей века.

Все эти политические, экономические и научно-технические факторы сделали возможным практическое осуществление первой русской кругосветной экспедиции на кораблях «Надежда» и «Нева», которыми командовали (соответственно) И. Ф. Крузенштерн (он же начальник всей экспедиции) и Ю. Ф. Лисянский, в 1803—1806 годах.

Первое путешествие «россиян вокруг света» достаточно полно освещено в научной и популярной, а также и в художественной литературе, поэтому мы его не пересказываем, а рассматриваем только с точки зрения влияния этого плавания на гидрографическую изученность дальне-

восточных морей. Более полно ознакомиться с ходом экспедиции поможет первое и последнее издания трудов ее руководителей¹.

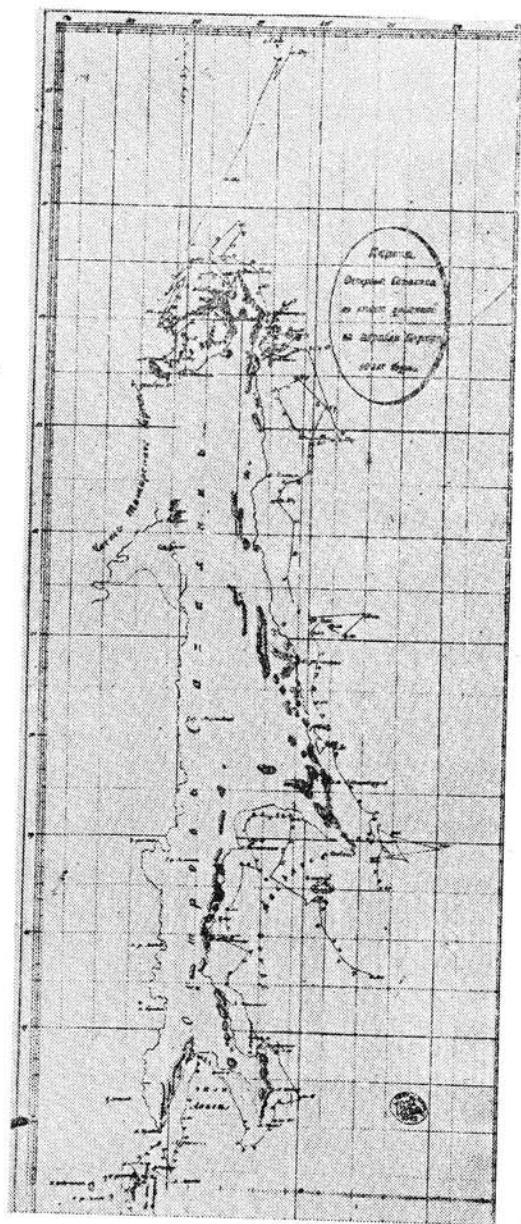
Высокообразованные передовые офицеры русского военно-морского флота И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский обратили серьезное внимание на подготовку подчиненных им офицеров, среди которых были М. И. Ратманов, Ф. Ф. Беллинсгаузен, Е. Е. Левенштерн и другие, к научным и в особенности к астрономическим и гидрографическим исследованиям. Помимо опытных офицеров в плавании участвовал астроном И. Горнер. Почти все астрономо-геодезическое оборудование было закуплено за границей и являлось самым новым, последним словом техники.

В данной книге небезынтересно привести хотя бы краткий список инструментов, имевшихся в экспедиции на каждом корабле: окружной инструмент двенадцати дюймов в поперечнике, с подвижным нониусом и треногой к нему; два десятидюймовых секстана с треногами, один пятидюймовый секстан, два искусственных горизонта, теодолит, два пелькомпаса, барометр, гигрометр, несколько термометров, искусственный магнит, три хронометра. Кроме этого у астронома Горнера был специальный набор всевозможных новейших астрономо-геодезических инструментов и пособий. Мореходные и астрономические инструменты проверял академик Ф. И. Шуберт, известный астроном того времени.

Оба корабля были снабжены полной коллекцией современных карт. Впервые во время этого плавания опробовались Бирговы лунные таблицы для определения широты места, которые, как впоследствии выяснилось, позволяют определять место корабля с помощью Луны с точностью до трех секунд. Перед отправлением в плавание была выработана определенная система отправных начал в наблюдениях: время считалось от полудня до полуночи, долготы — от меридиана Гринвича, мили употреблялись морские (или итальянские — 60 в одном градусе), глубины измерялись в сажнях, высота барометра, то есть атмосферное давление, — в английских дюймах; течение определялось как разность между считаемым местом корабля и обсервованным.

В продолжение всех трех лет плавания не прекращались научные наблюдения. В 1804 году (14 июля) «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна прибыла в Петропавловск. Для доставки посла Н. П. Резанова корабль этим же летом вышел в Японию. На пути туда было осмотрено пространство океана к востоку от Японии, между 33 и 37° северной широты и в долготе 214° западной. Именно в этом месте на карте португалец Тексейра в 1649 году нанес Землю да Гамы. Не найдя никаких признаков ее, Крузенштерн подошел к южному берегу острова Киу-Сиу, описал его, затем описал Вандименов пролив и прибыл в Нагасаки.

¹ Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах... на кораблях «Надежда» и «Нева»... СПб., 1809—1812. ч. I—III; Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах... на корабле «Нева»... СПб., 1812. Последнее издание: И. Ф. Крузенштерн. Указ. соч. Владивосток, 1976; Лисянский Ю. Ф. Указ соч. Владивосток, 1977.

Карта Сахалина, составленная участником экспедиции И. Ф. Крузенштерна — Ф. Ф. Беллинсгаузеном

Шестимесячное пребывание в Японии было использовано для астрономических, метеорологических и прочих наблюдений. По существу, это был первый случай русских наблюдений в самой Японии и на побережье Японского моря. Было составлено навигационно-гидрографическое описание порта Нагасаки и подходов к нему. Несколько раз производили определения широт и долгот. Одних только определений долгот там было сделано 1028, определено склонение магнитной стрелки, вычислен прикладной час порта — в наблюдениях вместе с Горнером участвовали офицеры шлюпа.

На обратном пути Крузенштерном и его спутниками были описаны северо-западные берега Японии (острова Хонсю, Хоккайдо, Сангарский пролив, остров Цусима и др.). Затем экспедиция направилась к берегам Сахалина, которые и были впервые тщательно описаны. На карту был положен берег начиная с залива Анива и до мыса Терпения. На карте появились русские названия: залив Мордвинова, мыс Сенявина, мыс Муловского, мыс Соймонова и другие¹.

По пути на Камчатку детально обследовали часть Курильских островов и берег от мыса Лопатка до Авачинской губы. В частности, были открыты и астрономически определены скалистые острова среди Курильских остро-

¹ Карта острова Сахалина, сделанная по описи офицеров «Надежды» и вычерченная Ф. Ф. Беллинсгаузеном, находится в ЦГВИА, ф. ВУА, № 23786.

вов, названные Каменными Ловушками, а также был составлен план Авачинской губы.

В 1805 году И. Ф. Крузенштерн снова отправился к берегам Сахалина, намереваясь исследовать наименее изученную юго-западную часть Охотского моря и попытаться решить вопрос об островном положении Сахалина и судоходности устья и лимана Амура. Краткая предыстория этого вопроса такова.

На большинстве русских карт XVIII века Сахалин всегда изображался островом. Так он изображен и на генеральной карте Российской империи 1745 года¹. У русских мореплавателей никогда не возникало сомнений в справедливости подобного суждения.

Французский мореплаватель Ж. Ф. Лаперуз в 1787 году, пройдя проливом, названным его именем, и поднимаясь к северу Татарским проливом, дошел до того места, где, как ему казалось, берега Сахалина и материка на горизонте сливаются. Посланные на шлюпке матросы с офицером пролива не обнаружили. В 1796 году английский мореплаватель У. Р. Браутон таким же путем пытался искать пролив между материком и Сахалином, и также не нашел.

И. Ф. Крузенштерн первым подробно описал восточное и северное побережье острова Сахалин и нанес его на карту, определив при этом несколько астрономических пунктов. На карте появились мысы Ратманова, Песчаный, Отмели, Клокачева, Левенштерна, Елизаветы, Марии, Ромберга, Головачева. Тщательно готовясь к исследованиям лимана и устья Амура, Крузенштерн еще в Японии оборудовал баркас под командой капитан-лейтенанта М. И. Ратманова к долговременным исследованиям в мелководном Амурском лимане. Вместе с тем такой баркас не мог самостоятельно совершать переходы по Охотскому морю.

Крузенштерн и его спутники исследовали северную часть Амурского лимана, точнее — южную часть Сахалинского залива, проникли в лиман Амура, наверное, видели устье реки, но продвинуться дальше на юг не посмели — мешали данные из Адмиралтейств-коллегии инструкции и не сумели — мешали огромные частые мели, нащупать же фарватер не удалось. Из собственных исследований, которые опираются главным образом на гидрологические данные (течение из Амура идет на север, а не на юг, различие в удельных весах воды и пр.), и, вероятно, на авторитет предшественников — Лаперуза и Браутона, Крузенштерн, правда с оговоркой, вывел заключение о полуостровном положении Сахалина и несудоходности устья и лимана Амура. Он писал: «По окончании нашего исследования Сахалина уверился я точно, что к S от устья Амура не может быть прохода между Татариею и Сахалином, в чем согласны со мною все прочие на корабле и могшие судить о сем. Итак, хотя следствие подобного предприятия может быть только подтверждение наших заключений, но не взирая на все сие, почитаю я такое предприятие не бесполезным для того, что осталось и еще неизведано пространство, составля-

¹ Атлас Российской... СПб., 1745.

ющее от 80 до 100 миль, и положения устья Амура не определено с точною достоверностью»¹.

Наступавшая осень не позволила Крузенштерну выполнить намеченную программу; от описи Шантарских островов пришлось отказаться.

Командир шлюпа «Нева» Ю. Ф. Лисянский имел другую задачу: он должен был помочь правителю Российско-Американской компании А. А. Баранову утвердиться в выстроенном на американском берегу, на о. Ситха, селении Ново-Архангельск, на которое, подстрекаемые английскими и американскими промышленниками, делали неоднократные нападения местные жители — индейцы. Выполняя акцию политического характера, Лисянский и его офицеры занимались и гидрографическими работами в Аляскинском заливе. Во время зимовки на Кадыяке Лисянский со штурманом Д. Калининым описал всю группу островов Кадыяк, составил подробный план Чиниатского залива с гаванями Павловской и Трех Святителей. В 1805 году Лисянский описал Ситхинский залив с прилегающими берегами, а Калинин открыл остров, названный Лисянским в честь русского адмирала Александра Ивановича Круза — островом Круза. Другой остров — Чичагова получил название в честь адмирала Василия Яковлевича Чичагова. Во время описей Лисянский на трехлючной байдаре прошел более 400 верст и уверял, что он никогда не знал лучшего гребного судна. В Тихом океане Лисянскому удалось открыть остров, которому по настоянию команды дали его имя.

Первое русское кругосветное плавание, положившее начало многочисленным подобным последующим путешествиям, оказало огромную услугу гидрографии на Дальнем Востоке. Впервые точно, с помощью астрономических определений, был положен на карту остров Сахалин. На нем было определено 28 астрономических пунктов (с точностью определения до $\pm 5''$). Впервые в истории русские провели гидрографические исследования на побережье Японского моря, где было определено 43 астрономических пункта, составлено первое описание северо-западных берегов Японии. На Курильских островах в очень трудных условиях удалось определить 11 астропунктов, а всего на Дальнем Востоке экспедиция И. Ф. Крузенштерна определила 105 таких пунктов.

Научные наблюдения Крузенштерна составили третий том его книги. В нем сведены результаты всех астрономических определений, наблюдений за течениями, приливами, давлением, температурой, влажностью, ветром и так далее. Картографические результаты экспедиции сведены в «Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна», изданный в Петербурге в 1813 году. Атлас И. Ф. Крузенштерна стал первым русским атласом, в котором с достаточной полнотой получили освещение районы северной части Тихого океана, Берингова, Охотского и Японского морей. Большую ценность представляли листы атласа, проливавшие свет на малоизвестные места — Японское море (лист XXLII) и Курильские острова (лист XXXIII). И вместе с тем впервые на русских картах достаточ-

¹ Путешествие вокруг света... Крузенштерна. СПб., 1810, ч. II, с. 199.

но хорошо описанный и положенный на карту Сахалин И. Ф. Крузенштерном был нанесен как полуостров.

Вообще, в атласе Крузенштерна помещены в основном карты тех мест, где довелось плавать «Надежде». Итоговая карта гидрографических работ в дальневосточных морях представлена «Картой открытий и описей, сделанных в 1804 и 1805 годах на корабле Надежде под командою капитана Крузенштерна». Значительное место в атласе занимают хорошо исполненные виды отдельных бухт, рейдов и так далее. Благодаря им стало возможным составить представление о характере побережья, его жителей и населенных пунктов. Большое значение атласа Крузенштерна состояло в картографировании Японского моря. Заметим, что только через полвека карты Японского моря, составленные офицерами «Надежды» под руководством Крузенштерна по их же гидрографическим работам, начали впервые корректировать. Корректуру проводили офицеры Амурской экспедиции под руководством Г. И. Невельского. Но при всех достоинствах атлас Крузенштерна не отражал полностью состояние гидрографической изученности дальневосточных морей, так как по сути дела он был путевым атласом и в нем не были учтены гидрографические работы и карты предшественников, например исследования Г. А. Сарычева и других офицеров экспедиции И. И. Биллингса, богатейшее наследие, оставленное мореходами и промышленниками-купцами.

И все же благодаря исследованиям, произведенным офицерами первой русской кругосветной экспедиции, гидрографическое изучение Берингова, Охотского и Японского морей вступило в новую фазу — фазу перехода к систематическим, комплексным исследованиям на больших пространствах. Этой задаче в значительной степени соответствовала и новая мореходная техника, и новые корабли, вооруженные навигационными и гидрографическими приборами и инструментами.

Как уже указывалось, одной из важнейших привилегий Российско-Американской компании было данное ей право нанимать на службу кадровых офицеров военно-морского флота. Первыми офицерами, откликнувшимися на призыв компании, стали Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов. Принятые на службу в 1802 году, они не только исполняли распоряжения компании и ее главного правителя А. А. Баранова по перевозке грузов и почты, но также вели большую и плодотворную научно-исследовательскую работу. В описании их путешествий¹ дано подробное изложение переездов по Сибири, рассказано о сибирских городах и их жителях, описана природа и климат, животный и растительный мир тех районов, где пришлось им путешествовать. Вместе с этими познавательными данными в книге приводятся ценные сведения по гидрографии — описания Охотского рейда, частей Курильских и Алеутских островов, острова Кадьяк и многих других мест, преимущественно в Русской Америке. Автор объясняет некоторые физико-географические явления на море, на-

¹ Давыдов Г. И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб., 1810, ч. 1; 1812, ч. II.

пример явление суоя. Кроме того, в сочинении приведены статьи, посвященные истории, географии, астрономии жителей Америки (о их понимании этих понятий), статьи о реке Медной, о климате, флоре и фауне острова Кадьяк; приводится также «Словарь наречий народов, называемых калюжами, обитающих между заливом Чугачою и Якутатом».

Вслед за первым русским кругосветным плаванием последовали другие. С точки зрения гидрографии, весьма полезны для исследования дальневосточных морей были экспедиции, возглавлявшиеся В. М. Головниным, О. Е. Коцебу, М. Н. Васильевым, Г. С. Шишмаревым и Ф. П. Литке, а также П. И. Рикордом, Ф. П. Врангелем, И. А. Купреяновым и другими.

Плавание В. М. Головнина на шлюпе «Диана» в 1807—1809 годах примечательно не только пленением Головнина и части его спутников японцами,— оно принесло определенные результаты в области гидрографического познания Дальнего Востока, в частности Курильских островов. Отправными началами наблюдений В. М. Головнина и его офицеров были следующие: расстояния в географических милях; обсервованной широтой считали ту, которая найдена по полуденной высоте солнца; долготу определяли по хронометрам и принимали среднюю по результатам наблюдений; температуру определяли в тени по шкале Фаренгейта; долготы считали от Гринвича; названия употребляли те, которые были на английских картах, так как карты и все мореходные и навигационные инструменты были выписаны из Англии. К этому надлежит добавить, что и сам В. М. Головнин несколько лет стажировался в английский флоте.

Основная задача экспедиции в области гидрографии состояла в том, «чтобы сделано было точнейшее описание островов Южных Курильских и лежащих напротив Удинского порта Шантарских, а равно и берегов Татарии»¹. В соответствии с этой основной задачей Головнин выработал план исследований, по которому они должны начаться от пролива Надежды и продолжаться до берегов Японии. Затем Головнин намеревался осмотреть северную сторону острова Хоккайдо, откуда следовать вдоль восточного берега Сахалина до Шантарских островов. Инструкция экспедиции, написанная И. Ф. Крузенштерном, предписывала, чтобы Головнин доделал то, что не удалось завершить самому Крузенштерну, то есть описать Южные Курильские и Шантарские острова.

Плавание шлюпа проходило по плану, и работы шли успешно. Помимо описных работ, когда составлялась и уточнялась карта, а где это было нужно, и заново наносилась береговая черта, проводили наблюдения за течениями, приливами, суолями, растительностью на островах, брали пробы грунта, определяли глубины, записывали состояние погоды. Показания хронометра при первой же возможности проверяли, что особенно трудно было из-за больших туманов, весьма частых в районе Курильских островов. Головнин приводит такой пример: «ясные промежутки времени доставили нам случай найти по азимутам (азимутам.— А. А.)

¹ Головнин В. М. Сокращенные записки флота Капитан-Лейтенанта (ныне капитана первого ранга) Головнина о плавании его на шлюпе Диана для описи Курильских островов в 1811 году. СПб., 1819, с. 1.

склонение компаса $0^{\circ}20' W$, определить широту в полдень по обсервации и взять несколько лунных расстояний, по коим нашли мы, что хронометры наши показывают долготу восточнее на $0^{\circ}17'56''$ ¹.

В честь шлюпа экспедиции пролив между Кетоем и Симуширом получил имя «Диана». В честь штурманского помощника Василия Среднего названы острова и так далее. Но, вообще говоря, В. М. Головнин в противоположность, например, И. Ф. Крузенштерну, никогда не называл какой-либо объект вторично. «Здравый рассудок, справедливость и польза географии требуют,— писал он,— чтобы населенные части земного шара назывались так, как оне жителями своими именуются, а потому на моей карте Курильских островов, я возвратил им настоящие имена»². Большинство их сохранилось и на современных картах. Можно с уверенностью предположить, что если бы не печальное происшествие в заливе Измены, когда В. М. Головнин был взят в плен японцами, то ему удалось бы с успехом выполнить всю программу исследований. Но и то, что сделано им, а затем дополнено П. И. Рикордом,— большой вклад в гидрографию Дальнего Востока.

Помимо составления карты Южных Курильских островов, основанной на 73 астрономических пунктах, В. М. Головнин представил описание Курильских островов, где наряду с гидрографическими элементами и материалами для лоции приведены весьма обширные сведения о природе самих островов, климате, жителях, промыслах. Эти материалы вместе с добавлениями П. И. Рикорда относительно Охотского порта, острова Ионы, ветров и течений у Курильских островов, пролива между островами Райкоке и Матуа и другими, составили отдельный том сочинений В. М. Головнина, посвященный гидрографическим исследованиям и вышедший в 1819 году в Петербурге под названием «Сокращенные записки...».

Большинство русских промысловых плаваний и правительственные экспедиции XVIII века, как это видно из изложенного, избирали районом своих исследований северную часть Тихого океана, Алеутские острова, Берингово море, сравнительно мало уделяли внимания изучению побережья Охотского моря, Курильских островов и совсем не занимались Японским морем и околележащими районами. Участники кругосветных плаваний, конечными пунктами которых были Охотский порт, Петропавловск-на-Камчатке или Ново-Архангельск в Русской Америке, вели гидрографические работы в большинстве своем также преимущественно в водах, омывающих Русскую Америку. И лишь немногие из них имели целью гидрографические исследования в морях, омывающих северо-восточную часть Азии, и позже — в Японском море.

И. Ф. Крузенштерн впервые достаточно научно описал Северные Курильские острова, а Южные — В. М. Головнин, работы которого отличаются высокой по своему времени точностью и полнотой.

Во время плавания О. Е. Коцебу на бриге «Рюрик» в 1815—1818 го-

¹ Головнин В. М. Сокращенные записки... СПб., 1819, с. 15.

² Там же, с. 29.

дах были проведены океанографические работы в Тихом океане и большие гидрографические исследования в Беринговом, Чукотском морях и в Беринговом проливе. Экспедиция на «Рюрике» стала выдающимся событием в мировой науке того времени. Она «была организована специально для географических открытий и научных исследований»¹. Это прелепительно снаряженная научная экспедиция предназначалась для исследовательских гидрографических работ в Тихом океане. В соответствии с программой плавания О. Е. Коцебу сделал попытку пройти из Тихого океана в Атлантический вокруг берегов Северной Америки. Следствием этой попытки было описание значительной части побережья полуострова Аляска и открытие (и описание) большого залива, известного ныне под названием залива Коцебу.

Характерно, что Коцебу отказался от способа морской описи по румбам на отличительные объекты берега и от глазомерного определения расстояния до них. Вместо него он при всяком удобном случае использовал рекомендованный инструкцией «способ измерения посредством треугольников», разработанный астрономом И. Горнером. Этот способ несомненно является шагом вперед по сравнению с глазомерным. По существу, это переход к способу определения места по двум углам, используемому в обратном варианте: определение отдельных объектов берега при условии, если известно место корабля,— своего рода триангуляция на воде. Много потрудился естествоиспытатель экспедиции Адальберт Шамиссо, труды которого составляют третью часть описания хода работ экспедиции².

Во втором плавании на шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 годах В. М. Головнин уделил главное внимание в соответствии с данной ему инструкцией определению «тех островов и мест российских владений, кои не были доселе определены астрономическими способами», а также описанию с малых судов, по методу Сарычева, северо-западного берега Америки «от широты 60° до широты 68°, к которому, по причине мелководья, капитан Кук не мог приблизиться»³. Головнин с успехом исполнил возложенные на него задачи, определил много астрономических пунктов и описал с помощью своих офицеров некоторые участки побережья залива Аляска, в частности Чиниатский залив и Павловскую гавань на Кадьяке.

Ценные гидрографические исследования были проведены летом 1820 года М. Н. Васильевым и Г. С. Шишмаревым на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный» в восточной части Берингова моря, в Беринговом проливе и в Чукотском море. Эта экспедиция, состоявшаяся в 1819—1822 годах, имела главной целью попытаться пройти из Тихого океана через Северный Ледовитый океан в Атлантический океан в любом

¹ Зубов И. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954, с. 161.

² Коцебу О. Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятого в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах иждивением его сиятельства, господина государственного канцлера, графа Н. П. Румянцева на корабле Рюрик под начальством флота лейтенанта Коцебу. СПб., 1821.

³ Головнин В. М. Сочинения. М.: Л., 1949, с. 273.

направлении — на восток или на запад. В связи с такой задачей Васильев и Шишмарев сосредоточили внимание на описи Берингова и Чукотского морей. Несмотря на неудачную попытку пройти Северным морским путем, экспедиция Васильева и Шишмарева в 1820 и 1821 годах описывала и уточняла положение береговой черты западных берегов Аляски; велись также метеорологические и гидрологические наблюдения.

Закончим краткий обзор основных гидрографических работ в дальневосточных водах, сделанных кругосветными мореплавателями, некоторыми географическими выводами из плавания Ф. П. Литке в 1826—1829 годах на шлюпе «Сенявин». Главной задачей экспедиции было описание азиатских берегов Берингова моря. Выполнив ее, Литке должен был идти в Охотское море для описи Курильских островов и юго-западной части моря. По своим результатам экспедицию на шлюпе «Сенявин» можно сравнить только с плаванием О. Е. Коцебу на «Рюрике».

Во время плавания вели самые разнообразные наблюдения по широкой программе: гравитационные (над постоянным маятником), «над наклоном и степенью силы магнитной стрелки», метеорологические, этнографические, геологические и прочие¹. Материалы наблюдений обработаны и опубликованы. Важные гидрографические работы проводились и в Беринговом море: «определены астрономически важнейшие пункты берега Камчатки от Авачинской губы к северу; измерены высоты многих сопок; описаны подробно острова Карагинские, дотоле вовсе неизвестные, остров св. Матвея и берег Чукоцкой земли от мыса Восточного (мыс Дежнева.— А. А.) почти до устья реки Анадыря (а точнее — до залива св. Креста.— А. А.); определены остров Прибылова и многие другие»². К этому необходимо добавить, что во время экспедиции составлены точные карты залива св. Креста, пролива Сенявина, открытого экспедицией, определены острова Беринга, Уналашка и многие другие³.

Важную роль в уточнении береговой черты сыграл «Атлас северной части Восточного океана», составленный под руководством Г. А. Сарычева и изданный в 1826 году. Это фундаментальное и высоко точное по своему времени пособие для мореплавания выдержало проверку временем. Содержащий 26 листов карт и 7 листов видов побережья, Атлас Г. А. Сарычева охватил почти всю северную часть Тихого океана, включая даже Сандвичевы, Каролинские и Филиппинские острова.

При составлении атласа Г. А. Сарычев широко пользовался материалами гидрографических исследований мореплавателей и мореходов. Им использованы, в частности, описи, промеры и съемки Фомина, Хметевского, Елистратова, Гилева, Борисова, Новицкого, Шаховского, Анжу, Врангеля, Франклина, Парри, Пурди, Лаперуза, Крузенштерна, Лисян-

¹ Литке Ф. П. Путешествие вокруг света, совершенное по велению государя императора Николая I на военном шлюпе Сенявине в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах флота капитаном Федором Литке. СПб., 1836, ч. IV.

² Там же, 1834, ч. I, с. 7.

³ О жизни и деятельности Ф. П. Литке см.: Алексеев А. И. Федор Петрович Литке. М., 1970; Его же: Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 199—215.

ского, Головнина и других кругосветных мореплавателей и офицеров Охотской флотилии и Российско-Американской компании. Разумеется, использовал Сарычев и свои собственные работы.

Расскажем коротко и о гидрографических работах, проводившихся в это время штурманами и офицерами Охотской флотилии и Российско-Американской компании, а также некоторыми, так сказать, сухопутными экспедициями. Сначала об одной из них — об экспедиции Фердинанда Петровича Врангеля¹. Участник плавания на «Камчатке», где мичманами были три Федора: Федор Литке, Федор Матюшкин и Фердинанд, или по-русски Федор Врангель, — он в 1820—1824 годах возглавил Колымский, или Восточный, отряд специальной географической экспедиции по изучению северо-восточных берегов Сибири и Дальнего Востока. Другим отрядом — Янским, или Западным, руководил друг Врангеля и его однокашник по Морскому корпусу Петр Федорович Анжу. Он должен был описать береговую черту от устья Яны до устья Колымы, а отряд Врангеля — берег к востоку от устья Колымы, то есть сделать то, что когда-то было приказано Д. Я. Лаптеву, а затем И. И. Биллингсу.

Спутниками Врангеля стали его товарищ Федор Федорович Матюшкин — лицейский друг А. С. Пушкина и штурман Прокопий Тарасович Козьмин да доктор Кибер с командой, состоявшей из матросов и казаков. Путешествовали на собаках. Экспедиция с перерывами продолжалась три года — три летние периода ушли на переезды, отдых и подготовку к зимним путешествиям. Об этих путешествиях мы говорить подробно не будем, отослав интересующихся к сочинению самого Врангеля и к работам о нем и его путешествиях². Остановимся на результатах.

Помимо всякого рода естественных наблюдений экспедиция произвела большое количество астрономических определений. На их основе и была составлена меркаторская карта северо-восточной части Сибири от устья реки Колымы до острова Колючин. Сарычев, которому были переданы все отчетные материалы экспедиции, подчеркивал, что главным достижением Колымской экспедиции «была опись берега Азии до острова Колючина (до коего осмотрен оный с востока экспедициею капитана Биллингса), следственно, конечное разрешение вопроса о несоединении Азии с Америкой»³.

Речь в этой фразе Г. А. Сарычева идет несомненно о мысе Шелаг-

¹ О нем: Пасецкий В. М. Фердинанд Петрович Врангель. М., 1975.

² Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедициею, состоящею под начальством флота лейтенанта Фердинанда Врангеля. СПб., 1841, ч. I и II; Его же: Прибавления к «Путешествию по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенному в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедициею, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда Врангеля», содержащее в себе замечания о Ледовитом море, о полярных льдах, северных сияниях, езде на собаках, языках туземцев, метеорологические, климатологические наблюдения и таблицы географического положения мест с приложением 13 литографированных раскрашенных рисунков северных сияний и походных принадлежностей. СПб., 1841; Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 171—199.

³ Пасецкий В. М. Фердинанд Петрович Врангель. М., 1975, с. 94.

ском, отождествлявшемся с перешейком, тянувшимся якобы от берегов Азии до берегов Северной Америки и проходящим где-то в высоких полярных широтах. Поход И. И. Биллингса по Чукотке не дал определенного ответа на этот вопрос. Больше того, Биллингс нанес место гибели морехода Н. П. Шалаурова в 1765 году в устье реки Элькан, то есть до мыса Шелагского (Н. П. Шалауров на судне «Вера, Надежда, Любовь» вышел из Нижнеколымска 17 июня 1764 года и не возвратился, а он намеревался повторить маршрут Ф. Алексеева — С. Дежнева). На самом же деле Шалауров со спутниками погиб на устье реки Верконь. Об этом было хорошо известно Н. И. Дауркину и Т. И. Шмалеву¹, утверждениями которых Биллингс, видимо, не посчитался. Не упоминает ничего об этих сведениях Т. И. Шмалева и Г. А. Сарычев. Уже в 1766 году командир Анадырского острога капитан Я. М. Пересыпкин со слов Т. И. Шмалева докладывал командиру Охотского порта обстоятельства и место гибели Н. П. Шалаурова и его спутников после гибели судна. Безусловно Шмалев говорил об этом и Сарычеву, так же, как говорил он и о земле, существующей где-то к северу от Чукотки, будущем острове Врангеля².

Несомненно Врангелю и его спутникам было известно (со слов Т. И. Шмалева, который в свою очередь слышал все это от чукчей) то, что Г. А. Сарычев сказал о земле, лежащей к северу от Чукотки. Врангель искал земли, лежащие к северу от береговой черты Чукотки и Якутии. В 1821 году впервые после их открытия и первоописания геодезистами Лысовым, Леонтьевым и Пушкаревым в 1767—1771 годах³ Врангель сделал опись Медвежьих островов и составил их меркаторскую карту⁴. Врангель, несмотря на огромное желание и неоднократные попытки, не сумел добраться до земли, о которой писал Сарычев и о которой говорили и местные жители. Но предположительно он нанес ее на карту. Были описаны и Новосибирские острова.

Деятельность Ф. П. Врангеля и его спутников по описи северо-востока Сибири имела поистине огромное значение. Во-первых, ученые и мореходы получили меркаторскую карту этого обширного района. Со всей возможной по тем временам точностью на ней была нанесена береговая черта от устья реки Яны до острова Колючин и тем самым была исправлена, уточнена карта его предшественников. Во-вторых, Врангель окончательно установил, что северо-восток Сибири а, следовательно и Азии, нигде не соединяется с Америкой, повсюду омывается волнами Северного Ледовитого океана. В-третьих, стало очевидным, что вдоль северных берегов России существует Северо-восточный морской путь. И, в-четвертых, благодаря успешным действиям участников экспедиции Ново-

¹ Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966, с. 99—104; Его же: Братья Шмалевы. Магадан, 1958; Его же: Ученый чукча. Николай Дауркин. Магадан, 1961.

² Алексеев А. И. Братья Шмалевы, их жизнь и деятельность.— Летопись Севера. М., 1962, т. III, с. 99—100.

³ Алексеев А. И. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961, с. 42—52.

⁴ Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 187, 197.

сибирские и Медвежьи острова приобрели на карте свои истинные очертания, а остров, который затем стал островом Врангеля, получил на карте временную прописку.

Восточный берег Камчатки от мыса Лопатка до Авачинской губы и далее к северу описал в 1830—1831 годах штурман П. И. Ильин, а в 1835 году — штабс-капитан Скрыпов. Работы производили с байдар, инструментами служили секстан, часы, пель-компас и зрительная труба. Мореходы сделали на восточном берегу Камчатки 43 определения широты и одно долготы (определение Ильиным мыса Поворотного). Некоторые астрономические наблюдения и результаты, вычисленные по этим наблюдениям, ставились иногда под сомнение. В отзыве Гидрографического департамента о них говорилось: «Астрономические наблюдения обоих этих описателей ограничиваются широтами, обыкновенно определявшимися по полуденной высоте Солнца; в одном месте Ильин определил долготу по расстояниям Луны и Солнца, но только в одну сторону, западную, и потому недостаточно; в двух других местах нашел широты по высоте Луны, которые, по непродолжительности времени, тоже признаны сомнительными»¹.

Приведенный пример говорит о высокой требовательности к гидрографическим работам со стороны Гидрографического департамента, а также и о том, насколько возросла точность в определении координат. При всем этом в результате работ Ильина и Скрыпова появились частные карты бухт Вилючинской, Ахотен и Бичевинской. Все они вошли в карту Восточного океана 1851 года.

Нет необходимости перечислять гидрографические работы, которые в первой половине XIX века выполняли русские люди в водах Русской Америки². Усилиями А. К. Этолина, М. Д. Тебенькова, А. Ф. Кашеварова, В. С. Хромченко, И. А. Кускова, П. Устюгова, И. А. Чернова, Л. А. Загоскина, И. Ф. Васильева, И. Я. Васильева, И. Г. Вознесенского и многих других была создана результативная карта по всем этим исследованиям — «Меркаторская карта, представляющая Ледовитое море, Берингов пролив и часть Восточного океана с берегами Чукотской земли и Северной Америки»³.

За ней последовали другие карты и атласы. Велись гидрографические работы и в Охотском море, где можно отметить работы А. Е. Шаховского. Им, совместно со штурманом Н. Олесовым и штурманом Неродовым, астрономически определено на побережье Охотского моря шесть широт из нескольких (до 18) наблюдений⁴. Работы велись в 1816, 1817 и 1819 годах. Шаховского к этим работам побудили большие

¹ Записки Гидрографического департамента. СПб., 1852, ч. X, с. 133.

² Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975; Он же: Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX — начало XX в.). М., 1976; Он же: Илья Гаврилович Вознесенский. М., 1977; Его же: Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX в.). М., 1982.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23431.

⁴ Записки Гидрографического департамента. СПб., 1852, ч. X, с. 159.

ошибки в координатах, обнаруженные им на побережье Охотского моря: «Назначен будучи с 1816 года для служения в Охотском море,— писал он в отчете,— я с удивлением открывал каким образом до сих пор были оные неизвестны. В положении Гижигинской крепости найдено мной погрешности по широте 1 градус 14¹/₂ минут. Острова Ямские положены севернее нежели должно на 1 градус 4 минуты; между сими же островами и устьем р. Гижиги, нет ни одного места, которого погрешность была бы менее трех четвертей градуса по широте; промежду мысами Омгоном и Пьягиным — или между Тыгильским и Ямским берегом — назначен на карте г-на Сарычева 28-ю, а на карте имп. депо 40 — а итальянскими милями шире, нежели должно»¹.

Для своих наблюдений А. Е. Шаховской использовал журналы плаваний и походов Атласова (1792, 1793, 1795, 1796 и 1799), Петушкова (1793, 1794, 1801, 1802), Ляпунова (1801), Нарманицкого (1805), Якушкина (1814), Неродова (1817, 1818) и других охотских мореходов. Выполненная им карта Гижигинской губы, основанная на астрономических пунктах, — первая достоверная навигационная карта этого района. Название ее таково: «Плоская карта Гижигинской губы, сочиненная на правый компас из пеленгов, взятых с транспорта Св. Павла, при плавании онаго в Гижигинскую губу в 1816-м году и при обратных плаваниях из сей губы в 1817, 1819-м годах; и исправленная по астрономическим наблюдениям капитан-лейтенанта князя Шаховского, штурмана 12 класса Неродова и штурманского помощника Олесова, учиненным в 1817 и 1819 годах. Глубина показана в сажнях шестифутовой меры в убылую воду. Склонение компаса в 1817 году было 6 град. 20 минут восточное. Сочинял флота капитан-лейтенант и кавалер князь Шаховской». Справа внизу приписано: «Возвышения приливов при устье реки Гижиги простираются до 15 футов, а на середине губы Гижигинской до 20 футов»².

Карта интересна во всех отношениях. На ней вместе с глубинами помечены грунты: «ил с ракуш.», «зел. ил», «мелк. камеш.», «жидк. ил.», «ил» и так далее, то есть дана своеобразная классификация грунтов. Долготы даны от Гринвича. Несмотря на то, что карта выполнена не в меркаторской проекции, она по своему содержанию ближе других карт подходит к современным навигационным картам. Сравнивая ее с рассмотренными прежде картами, можно отметить, что она существенно от них отличается. А. Е. Шаховской не ограничился передачей общей конфигурации береговой черты — он поместил на карте гидрографические элементы (глубины, грунт, приливы); он не ограничился только своими собственными (в том числе и астрономическими) определениями и наблюдениями, а использовал журналы плаваний местных опытных мореходов. Карта А. Е. Шаховского — наиболее совершенная карта северо-восточного угла Охотского моря того времени.

В 1829 году Правление Российско-Американской компании поручило

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 297, л. 1, об.

² ЦГВИА, ф. 3 /л/, б/о, д. 153, № 2376.

поручику корпуса флотских штурманов П. Т. Козьмину отыскать гавань на Удском берегу, годную для устройства в ней порта Российско-Американской компании. Исполняя поручение компании, П. Т. Козьмин в течение 1829—1831 годов производил на шхуне «Акция» опись юго-западных берегов Охотского моря и Шантарских островов. Козьминим были открыты в это время острова Кусова (15 июля 1830 года) и Прокофьева (23 июля 1830 года)¹.

Работы вели на берегу (расстояния меряли цепью) и на море (углы измеряли секстаном). В результате были составлены вполне современные карты Шантарских островов и устья реки Уды, основанные на астрономических пунктах, причем 18 широт было определено на материке и 10 — на островах. Долготы определяли по хронометру. Наряду с этим П. Т. Козьмин вел систематические наблюдения над давлением атмосферы, температурой воздуха, состоянием погоды, силой и направлением ветра, определялись высоты полных и малых вод в устье реки Уды. П. Т. Козьмин составил описание Шантарских островов, Удского берега и реки Уды². Все эти материалы оказались настолько ценными, что не теряли значения в течение почти столетия, и только в советское время гидрографические работы в районе Шантарских островов были повторены.

Поиски нового места для устройства тихоокеанского порта России вместо крайне неудобного по своим физико-географическим данным Охотского порта наряду с поисками места для устройства порта Российско-Американской компании привели к организации еще нескольких экспедиций, во время которых производились гидрографические работы, главным образом в юго-западной части Охотского моря.

Экспедиция на бриге «Охотск» под командованием капитан-лейтенанта В. К. Поплонского летом 1847 года обследовала район Охотского моря, расположенный к юго-западу от Шантарских островов. Производили работы подпоручик А. В. Савин и прапорщик Г. М. Чудинов с помощью двух хронометров (Баррода и Арнольда), двух пель-компасов и двух путевых компасов. Качество работы А. В. Савина, отличающееся большой точностью, характеризуют опись и промер Константиновской гавани, за несколько лет перед этим глазомерно описанной А. Ф. Миддендорфом и В. В. Вагановым, а также планы Охотска и залива Аян. Положение открытых островов Меншикова и Рейнеке было определено пеленгами с якорных стоянок брига, а их положение в свою очередь определялось астрономически.

В навигацию 1845 и 1846 годов подпоручик А. М. Гаврилов описал залив Аян, осмотрел и промерил устье реки Уды, осмотрел юго-западный берег Охотского моря от Аяна до Уды, определил долготу, описал устье реки Тигиль на Камчатке, осмотрел часть западного берега Камчатки, определил широту и долготу острова Ольского в Тауйской губе, сделал подробную съемку и промер в устье рек Охоты и Кухтуй³.

¹ АВГО, разряд 99, оп. 1, д. 45. Журнал шхуны «Акция».

² Записки Гидрографического департамента. СПб., 1846, ч. IV, с. 1—78.

³ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 1369, л. 3.

В этом же, 1846, году Правление Российско-Американской компании в лице капитана I ранга М. Д. Тебенкова поручило А. М. Гаврилову еще раз попытаться описать устье и лиман Амура, проверить исследования И. Ф. Крузенштерна. Ограничив действия Гаврилова строгими инструкциями, правление компании тем самым не дало возможности ему довести исследование до конца. Идя с севера на бриге «Константин», Гаврилов с большим трудом дошел до первых мелей в устье и стал на якорь. Дальнейшие исследования устья Амура и лимана он продолжал на шлюпках. Но наступило предписанное ему время, и Гаврилов вернулся в Аян. В своем рапорте Гаврилов писал, что из его наблюдений нельзя делать выводов о том, насколько доступно устье Амура с моря.

В 1846 году в Гидрографическом департаменте были начаты работы по изданию «Атласа Восточного океана» А. Ф. Кашеварова. Этот атлас, так же, как и атлас Сарычева, составлен не по результатам одной какой-либо съемки, а по всем русским и иностранным исследованиям. Район, вошедший в атлас, ограничен координатами: 35—69° северной широты и 120—225° долготы от Гринвича (при круговом счете долгот от 0 до 360°), и охватывает Охотское и Берингово моря, Алеутские острова и часть Тихоокеанского побережья Северной Америки — всего десять карт. В атласе имеется также шесть карт, служащих для обеспечения входа в различные порты: одна — в Петропавловск-Камчатский, остальные — в порты Северной Америки. Основой карт атласа послужили астрономические пункты (свыше 30), определенные различными мореплавателями с 1805 по 1827 год, лучшими из которых следует считать Ново-Архангельск (из 8 определений), Сан-Франциско (из 5), Гонолулу (из 6) и Петропавловск-Камчатский (из 9).

Переходя к исследованиям Г. И. Невельского, а затем и возглавлявшейся им Амурской экспедиции, оговоримся еще раз, что подробно о деятельности Г. И. Невельского можно узнать из многих написанных о нем книг¹. Здесь же мы коснемся этой темы лишь в связи с гидрографическими исследованиями всего Дальнего Востока. В 1848—1849 годах состоялось плавание Г. И. Невельского на транспорте «Байкал» из Кронштадта на Камчатку, а оттуда к Амуру. Во время этого плавания летом 1849 года рассеялось заблуждение относительно недоступности с моря устья Амура и полуостровного положения Сахалина. Было доказано, что Сахалин — остров и что устье Амура доступно для морских судов как с севера, так и с юга. Сами по себе эти факты являются выдающимися географическими открытиями и восполняют существенный пробел в нанесении береговой черты Охотского и Японского морей, несмотря на то, что никаких других наблюдений и определений за исклю-

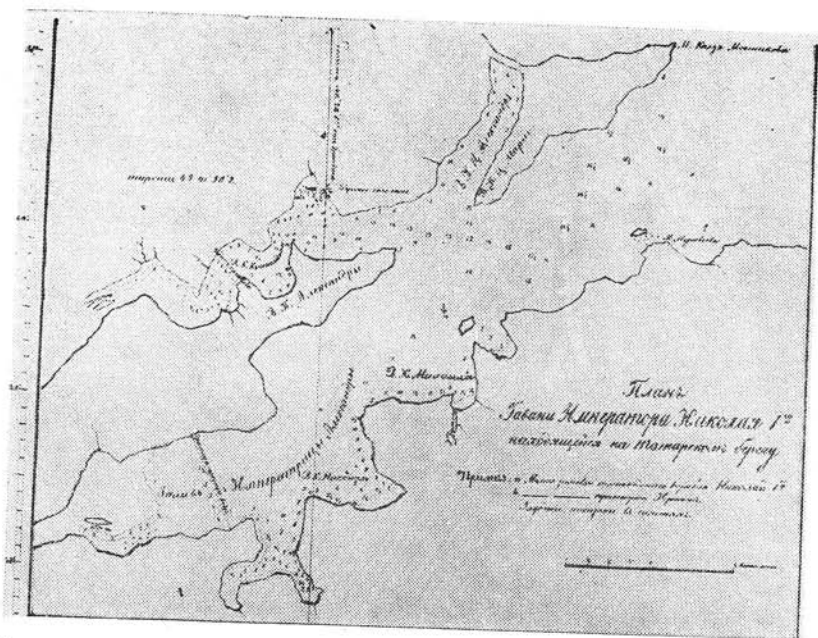
¹ См., например, Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. Первое издание. СПб., 1878, пятое — Хабаровск, 1969. Алексеев А. И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974; Его же: Дело всей жизни. Хабаровск, 1972; Его же: Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 225—258, и др.

Г. И. Невельской с сыном Николаем

чением рекогносцировочной морской описи с промером с баркасов и вельботов не производилось.

Результатом этого плавания стала организация Амурской экспедиции в 1850—1855 годах, охватившей районы нижнего Амура, лимана Амура, Татарского пролива и Южного Сахалина. В 1851—1852 годах участники экспедиции А. И. Воронин, Д. И. Орлов, Н. М. Чихачев, Н. К. Бошняк, П. Попов провели первые детальные промерные и топографические работы в лимане реки Амура. Затем Чихачев и Орлов обследовали реку Амгунь. Н. К. Бошняк зимой 1852 года путешествовал по Северному Сахалину и впервые пересек остров по направлению реки Тымь, описал ее и составил карту своего похода. Возвратившиеся Орлов и Чихачев были командированы для исследовательских работ в различных районах Приамурья и отыскания залива Нангмар (залив Де-Кастри, теперь залив Чихачева). Одним из важных результатов экспедиции стало открытие 23 мая (4 июня) 1853 года Н. К. Бошняком залива, названного им Гаванью императора Николая I (теперь Советская гавань) на побережье Татарского пролива. Он же составил карту и описание залива, исправил карту И. Ф. Крузенштерна на протяжении от залива Чихачева до Советской гавани. Другой активный участник экспедиции Н. В. Рудановский в зиму 1853/54 года с самыми ничтожными средствами тщательно и весьма точно описал большую часть побережья Южно-

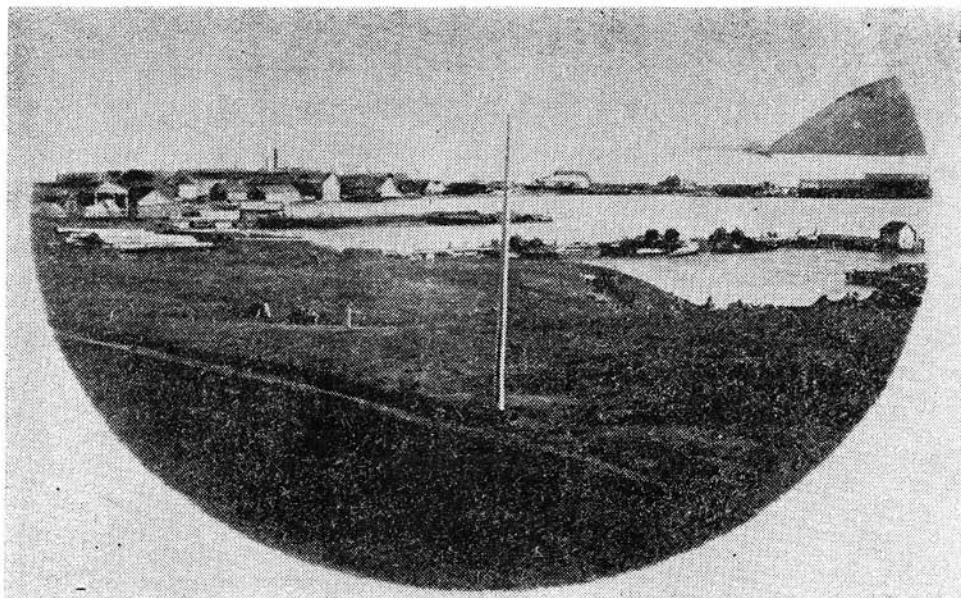

План Императорской (теперь Советской) гавани, составленный Н. К. Бошняком

го Сахалина, а в 1856 и 1857 годах — Среднего Сахалина, составил (совместно с Д. И. Орловым) карты этих районов.

Помимо огромного политического значения Амурской экспедиции, в результате действий которой были созданы предпосылки для мирного решения вопроса о принадлежности Приамурья, Приморья и Сахалина к России, экспедиция имела большое значение для географии. Разрешение сахалинской и амурской проблем существенно изменило географическую карту Дальнего Востока. Гидрографическими работами был полностью покрыт весь лиман Амура. Промерные работы сопровождались съемкой береговой черты. Окончательно был развеян миф о недоступности устья Амура для морских судов. С действиями Амурской экспедиции связана активизация русских гидрографических исследований в Японском море и их затишье в Беринговом и Охотском морях.

После ликвидации Амурской экспедиции заведующий лоцманской и маячной частью Сибирской (бывшей Охотской) флотилии, базирующейся теперь на Николаевск-на-Амуре, основанный Г. И. Невельским, подполковник корпуса флотских штурманов Василий Матвеевич Бабкин 22 мая 1859 года поднял вопрос о систематической съемке и промере Амурского лимана и всего побережья вплоть до залива Петра Великого. Непосредственно продолжением работ Амурской экспедиции в Японском море стали работы, проведенные офицерами эскадры вице-адмирала Е. В. Путятина, посланной в воды Дальнего Востока в связи с усложнившейся международной обстановкой в 1852—1855 годах. Исследования офицеров фрегата «Паллада» — флагманского корабля Е. В. Пу-

Николаевск-на-Амуре

тятина были доведены до $42^{\circ}34'$ северной широты, где был открыт залив Посьета, названный так по фамилии старшего офицера «Паллады». На карте Японского моря появились русские названия: мыс Болтина, мыс Пешурова, бухта Унковского и другие.

Гидрографические исследования Амурской экспедиции завершились изданием целого ряда весьма достоверных по тому времени морских карт. Одной из ранних карт явилась «Меркаторская карта лимана реки Амура и части Татарского пролива, составленная из описей, произведенных на транспорте Байкал в 1849 году, на гребных судах Амурской экспедиции в 1850 и 1851 годах, на шхуне Восток в 1852 и 1853 годах и на фрегате «Паллада» в 1854 году»¹. Карта эта составлена в Топографической части Генерального штаба в Иркутске. Она надежно передает береговую ситуацию в Амурском лимане и на Сахалине, только Частые острова (Хагемиф) сдвинуты на ней к западу. По этой карте в 1857 году была выпущена Гидрографическим департаментом карта, переизданная с соответствующей корректурой в 1864 году. Корректурa коснулась береговой черты в лимане Амура от реки Гонды до мысов Табах и Усси (иногда — Хусси). Кроме того, вставлены врезки: план Николаевска-на-Амуре и рейда, план залива Де-Кастри (дан по карте Лаперуза и дополнен данными английской карты 1855 года).

Одновременно были составлены первые четыре листа «Атласа устья реки Амура»² (от Амура до Хусси), положившие начало атласу реки

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23395.

² Там же, № 23397.

Амур от устья до Благовещенска. Эти карты стали основой для создания путевых навигационных карт при плавании по Амуру. На меркаторскую карту Восточного океана издания 1852 года была нанесена соответствующая корректура, и в марте 1860 года она вышла с учетом работ Амурской экспедиции. Наконец, в 1866 году были изданы две карты Сахалина. На «Карте средней части острова Сахалин, от мыса Отасу к северу до мыса Воронина. Составлена по исследованиям лейтенанта Рудановского в 1857 году»¹. Есть врезки: планы Жонкиера, Казакевича, Корсакова, Соккота, Орокес, залива Изыльметьева и озера Тарайтиска. Карта основана на 9 определениях Рудановским широты астрономическим способом. Другая карта — «Карта южной части острова Сахалина, от мыса Крильон до параллели бухты Орокес. Составлена по исследованиям лейтенанта Рудановского и подпоручика Орлова в 1853, 54 и 57 годах»² также основана на астрономических пунктах. На ней приведены врезки: планы устья рек Мануя, Косунай, Тайтиски и план бухты Такмака.

Географическая карта этого уголка земного шара в результате работ Амурской экспедиции приобрела почти современный вид.

Царским указом от 31 октября (12 ноября) 1856 года³ было решено перевести место базирования Сибирской флотилии из Петропавловска в Николаевск-на-Амуре. В Петропавловск же порт был перенесен генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым в 1849 году после осмотра им Охотска и Петропавловска. Перенос порта в Николаевск-на-Амуре, а затем в 1860-х годах в связи с основанием 20 июня 1860 года Владивостока — в бухту Золотой Рог сыграл свою роль: еще шире развернулись гидрографические работы на юге Дальнего Востока — в лимане Амура и в Японском море. Все плававшие с 1856 по 1865 год офицеры кораблей производили осмотры, промеры лимана и устья Амура, мест наиболее трудных для плавания.

В 1856—1857 годах член Сибирской экспедиции Русского географического общества Д. П. Рашков произвел высокоточные астрономические определения в Николаевске, Мариинском, Де-Кастри и Императорской гавани. В 1857 году на пароходе «Америка» (командир Н. М. Чихачев) в Китай отправился с дипломатической миссией Е. В. Путятин. По пути нужно было высадить на Сахалине, на 48-й широте, партию из 15 человек во главе с Н. В. Рудановским, но помешал туман. Тогда пошли на западное побережье Татарского пролива, «и приближаясь к берегу, мы как бы явно были направлены провидением к открытию прекрасного порта. Войдя в усмотренное углубление при первом взгляде нельзя было не заметить важных удобств, представляемых этою отличною бухтою для устройства военного или торгового порта. Вход в сию бухту, названную мною по случаю приближающегося дня памяти св. Владимира, портом сего великого князя, образуется двумя обрывистыми возвышенными мысами, лежащими один против другого на рас-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23398.

² Там же, № 23399.

³ Морской сборник. СПб., 1857, № 1, часть официальная.

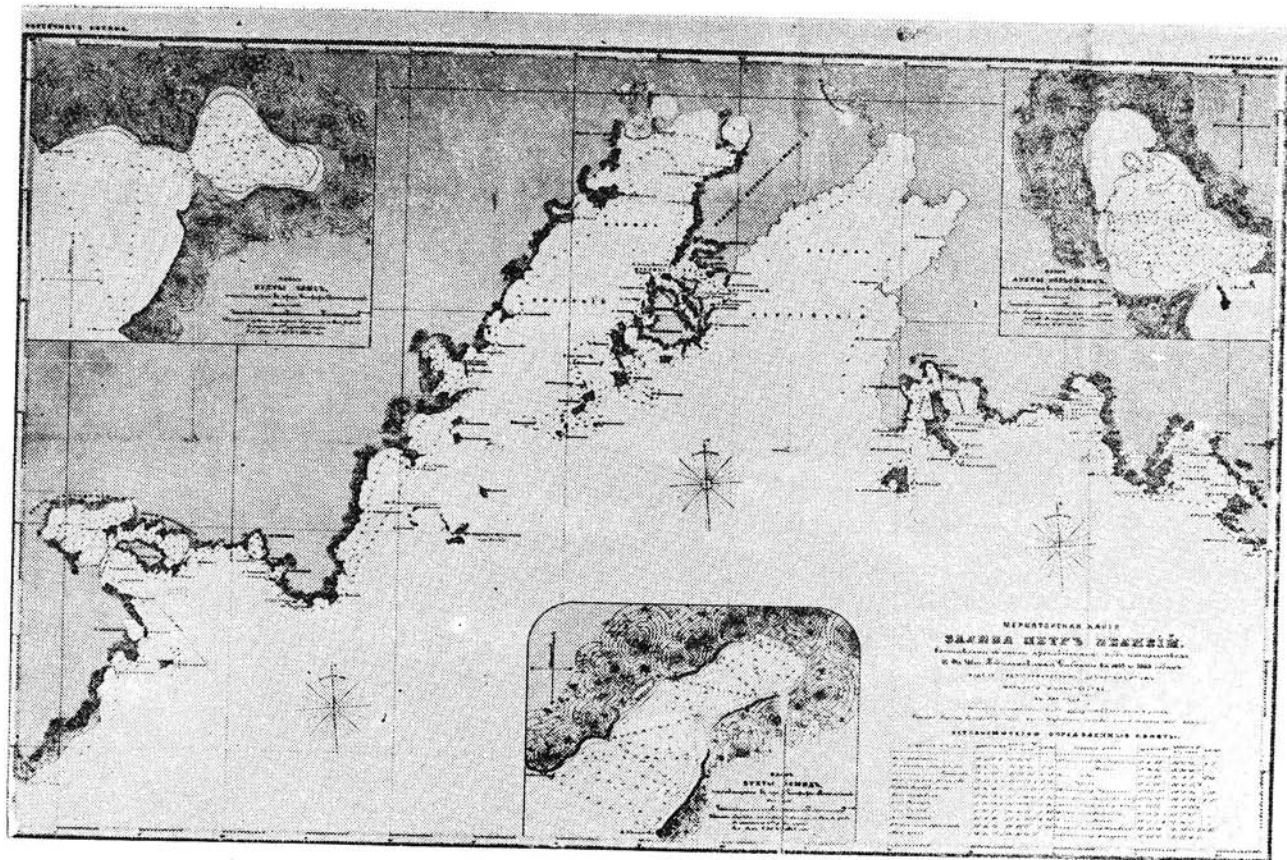
В. М. Бабкин

стоянии около полутора версты»¹. Это произошло 13/25 июля 1857 года, а на следующий день был открыт залив св. Ольги: «Этот второй порт я назвал заливом св. Ольги, а внутреннюю часть онаго Тихой Пристанью, как представляющую самое спокойное убежище судам»².

В 1857, 1858 и 1859 годах офицеры клипера «Стрелок» осмотрели берег Татарского пролива от Императорской гавани до залива Владимира, в заливе Петра Великого — Уссурийский залив, пролив Стрелок, остров Путятина, пролив Босфор Восточный и Амурский залив. Офицеры корвета «Гридень», зимовавшего во Владивостоке с 1860 на 1861 год, описали бухту Золотой Рог, составили первый план бухты, а топографы — поста Владивосток. В 1861 году офицеры клипера «Гайдамак» описали залив Восток и гавань Гайдамак в заливе Петра Великого. Частный инспектор штурманов Сибирской флотилии, стоявший во главе 20 офицеров, занимавшихся обеспечением безопасности плавания, подполковник корпуса флотских штурманов Василий Матвеевич Бабкин в 1860—1861 годах описал берег Татарского пролива от залива Владими-

¹ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1159, л. 551 об.

² Там же, л. 553.

Карта залива Петра Великого по описи В. М. Бабкина

ра до залива Америка. В 1862—1863 годах съемочные работы были продолжены в заливе Петра Великого, причем было определено там 14 астрономических пунктов в 1862 году и 8 пунктов — в 1863-м. За это время экспедиция В. М. Бабкина произвела морскую съемку залива Петра Великого и довела опись по матерiku от границы с Кореей до мыса Гамова. В последующих, 1864, 1865 и 1866 годах гидрографические работы штурманской (или гидрографической) части Сибирской флотилии ограничивались производством зимнего промера в северной и южной частях лимана реки Амур и исследованием восточного соединения Амурского фарватера с Сахалинским. В 1864 году и в 1865-м прапорщик М. А. Клыков (с транспорта «Маньчжур») произвел съемку залива Чихачева (Де-Кастри)¹.

На основании работ экспедиции В. М. Бабкина Гидрографическим департаментом в 1865 году была издана первая «Меркаторская карта залива Петр Великий»², основанная на 22 астрономических пунктах. На ней — врезки: планы бухт Улис, Разбойник, Диомид. В результате некоторого опыта плавания Татарским проливом и лиманом Амура было составлено первое же «Руководство для плавания Татарским проливом»³ корпуса флотских штурманов подполковником А. А. Халезовым, поручиком Н. И. Шарыповым и подпоручиком Шенуриным, изданное отдельной литографированной брошюрой в 1857 году.

В гидрографических и иных исследованиях (в частности, топографических, астрономических) принимали участие не только чины военного и морского ведомств. В 1844—1845 годах состоялось известное путешествие по Дальнему Востоку А. Ф. Миддендорфа. Атлас карт и маршрутов к сочинению путешественника, изготовленный в основном В. В. Вагановым — топографом экспедиции, дал много новых данных по географии Охотского побережья, Шантарских островов и бассейна левых притоков Амура. В 1854—1856 годах экспедиция Л. И. Шренка, пройдя Амуром и Уссури, осмотрела побережье Татарского пролива в районе Императорской гавани и на Сахалине. Большую работу проделала Сибирская экспедиция Русского географического общества, которая в числе прочих работ определила 109 астрономических пунктов в Забайкалье, Амурской, Приморской областях и на Сахалине. Внесли свой вклад в дело гидрографической изученности Приамурья, Приморья и Камчатки, а, следовательно, непременно уточняя положение береговой черты, также экспедиции Н. Х. Ахте (1848—1852), Р. К. Маака (1855—1860), К. И. Максимовича (1854—1856), К. Дитмара (1851—1852), Г. И. Радде (1855—1859), К. Ф. Будогосского (1859—1860), А. Ф. Будишева (1860—1867), Л. А. Большева (1872—1874) и некоторые другие. В 1858, 1859 и 1860 годах командир финского китобойного брига О. Линдгольм плывал в районе Шантарских островов. Он не только вел промысел китов, но сумел составить «Карту юго-западной части Охотского моря»⁴

¹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 3224, л. 38 об.—39.

² ЦГВИА, ф. ВУА, № 23523.

³ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 2411, л. 20—33.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23398.

с показанием входа в Амурский лиман. Несмотря на то, что карта эта была Гидрографическим департаментом первоначально забракована, она все же в 1866 году увидела свет. О. Линдгольм составил ее на основании русских, американских источников, а также собственных наблюдений. На карте дополнительно к имевшейся на других картах нагрузке были показаны направления приливо-отливных течений. Карта ценна тем, что охватывает наименее изученный район Охотского моря, район Шантарских островов. Карта сохранялась длительное время. В 50-х годах во время гидрографических работ на Дальнем Востоке нам приходилось встречать в употреблении карты с пояснительной надписью, что в основу их положена карта О. Линдгольма.

В 1852 году был издан «Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриентес и островов Алеутских с присокуплением некоторых мест северо-восточного берега Азии», составленный Михаилом Дмитриевичем Тебеньковым. Главный правитель Российско-Американской компании капитан I ранга М. Д. Тебеньков работал над атласом в течение 25 лет и сам побывал почти во всех описанных местах. «Я не считал нужным распространяться в описании тех мест, о которых уже обнародованы достаточные сведения в оригинале или переводе; моя главная задача — математическое определение места, а описания я предоставил себе только в тех случаях, когда их или вовсе нет, или не имеется на русском языке, когда они служат дополнением изданному, или заимствованы из личных наблюдений и сведений, хранящихся в грудах журналов»¹, — писал он в замечаниях к атласу.

Относительно границ атласа М. Д. Тебеньков изъяснялся следующим образом: «Границею моих изысканий я определил сначала матерой берег Америки между Беринговым проливом и полуостровом Аляскою, с прилегающими к нему островами. Далее к югу есть превосходные карты берегов Америки описи Ванкувера, доведенной до широты 31° N. Но как суда компании, плавающие вдоль этих берегов и часто огибающие мыс С. Лукас, для достижения в Калифорнийский залив, также нуждаются в картах этой части, атлас же Ванкувера сделался ныне чрезвычайно редок, и притом новые наблюдения показали, что берега им определенные, по долготе не на своем месте; сверх того, после описи Ванкувера (с 1794 года) изследовано много подробностей, то я и решился распространить предположенные мною границы, составив карты северо-западного берега Америки до широты 20° N, в размерах карт атласа Ванкувера»².

В атласе М. Д. Тебенькова 21 карта относится к северо-западным берегам Америки, 10 карт — к Алеутским, Командорским островам и к Аляске, 7 карт — к восточному берегу Азии и к Курильским островам. Кроме того, в атласе представлено 48 частных планов и карт, а также видов побережья. Характерной чертой карт атласа является то, что аб-

¹ Тебеньков М. Д. Гидрографические замечания к атласу северо-западных берегов Америки. СПб., 1852, с. 4.

² Там же, с. 2.

солютное большинство из них составлено или исправлено по результатам гидрографических исследований местных мореходов, служащих Российской-Американской компании. Все такие карты (а их больше 30) содержат приписку: «исправленная колониальными мореходцами». Этот факт придает особый смысл достоверности и точности помещенным Тебеньковым в атлас картам и планам: живущий в своем доме лучше знает его, чем пришедший гость. На этих картах указаны течение, глубины, склонение, прикладной час, возраст воды. В каждом отдельном случае имеется пометка, чья опись положена в основу данной карты.

Хуже других представлены в атласе районы северного побережья Охотского моря и части берега от Анадырского залива до мыса Олюторского. Отдавая дань времени и, не зная, видимо, об открытиях Невельского, М. Д. Тебеньков показал на карте Сахалин полуостровом. Заслуживает внимания то обстоятельство, что карты атласа основаны на 426 астрономических пунктах, причем указано, кем из мореплавателей или путешественников каждое из таких мест определено.

Атлас М. Д. Тебенькова — выдающееся событие в русской гидрографии. Ф. П. Врангель, представляя его Академии наук на соискание полной Демидовской премии, писал, что «сочинитель исполнил огромный труд на пользу гидрографии вообще, а отечественных мореплавателей в особенности»¹. Канадский историк Ричард Остин Пирс в 1981 году перевел на английский язык «Гидрографические замечания...» и сделал факсимильное издание карт атласа Тебенькова в серии «История Аляски»² под № 21.

Хотелось бы отметить, что руководители Российской-Американской компании на местах, как правило, морские офицеры, вообще уделяли большое внимание гидрографическим исследованиям. Так, например, в 1851 году Российской-Американской компанией была составлена «Меркаторская карта Берингова пролива с прилежащею частию Ледовитого моря»³. Были и другие карты, составленные Российской-Американской компанией. Положение резко изменилось с продажей Русской Америки в 1867 году, в связи с чем резко сократилось русское мореплавание в северной части Тихого океана, Беринговом и Охотском морях. Центр гидрографических работ переместился в южные районы дальневосточных морей, но ненадолго. Появление паровых судов вызвало изменение и в способах, и в методике гидрографических работ, сделало их более стабильными, мало зависящими от капризов погоды, а гидрографические исследования более точными. Все это позволило ставить вопрос об организации на Дальнем Востоке систематических гидрографических исследований, о создании специальных гидрографических подразделений.

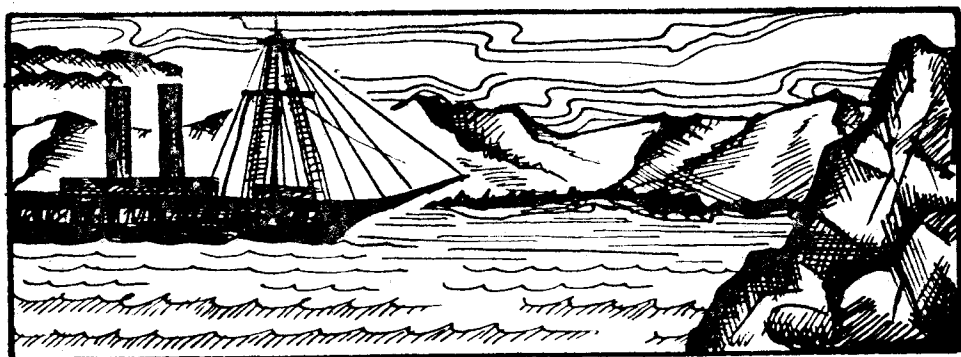
К концу 60-х годов XIX века в водах дальневосточных морей были описаны методом морской съемки с широким применением астрономи-

¹ Морской сборник. СПб., 1854, т. 12, № 6, с. 9.

² Teben'kov M. D. Atlas of the Northwest Coasts of America... Alaska History, № 21. Kingston Canada, 1981. Translated and edited by R. A. Pierce.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23429.

ческих определений и положены на карту: все побережье Северной Америки в пределах владений Российско-Американской компании, или вся Русская Америка, включая Алеутские и Командорские острова; небольшая береговая полоса у Чукотского мыса, залив Креста, береговые полосы между мысами Фаддея и Наваринским и у мыса Олюторского; полуостров Камчатка, остров Карагинский, Пенжинская и Гижигинская губы; береговая черта от Охотска до залива Петра Великого включительно, Курильские и Шантарские острова, остров Сахалин. В пределах Японского моря русские люди описали также побережье Кореи и побережье Японии, а также провели рекогносцировку береговой черты Амурского и Уссурийского заливов.

Глава девятая

ИССЛЕДОВАНИЯ НА НОВОМ УРОВНЕ

Наверное, гидрографические исследования, как и сама жизнь, не могут стоять на месте. Со временем устаревают карты. Положение береговой черты и данные, наносимые на эти карты, служащие для безопасности плавания, уже не удовлетворяют мореплавателей. Сегодняшний день становится вчерашним. Сначала карты корректируют, то есть на старые карты наносят новые определения, частные съемки, маяки и знаки. Но наступает такое время, когда возникает необходимость в новых картах, составленных с учетом требований мореплавателей и на уровне современных достижений науки и техники.

60—70-е годы XIX века как раз и стали такими годами. Продажа Русской Америки, возвращение исконно русских земель на юге Дальнего Востока и в связи с этим проявление интереса к Дальнему Востоку со стороны промышленников и капиталистов России, необходимость обороны дальневосточных морей и земель, проекты организации морского плавания на Дальний Восток из европейской части страны вокруг северных берегов Сибири, а также проекты, а затем и строительство Транссибирской железнодорожной магистрали — все это объективно влияло на производство гидрографических работ в дальневосточных водах.

21 июля 1870 года управляющий Морским министерством назначил П. В. Казакевича, одного из деятельных сотрудников Г. И. Невельского, а впоследствии Приморского генерал-губернатора и командира портов Восточного океана, председателем комиссии «для организации управления Главного Командира портов и островов Восточного океана и составления инструкций по перенесению порта из Николаевска во Владивосток». В пункте 5 отношения Морского министерства о задачах комиссии,

в которую вошли наряду с представителями Морского министерства и представители Военного министерства и Министерства внутренних дел, говорилось: «Составить подробную инструкцию по перенесению порта в навигацию 1871 года из Николаевска во Владивосток. Означить, какие именно морския учреждения неизбежно будет оставить в Николаевске и в других пунктах побережья Восточного океана»¹. Этим было положено начало переходу гидрографических работ преимущественно в залив Петра Великого, в Японское море.

Несмотря на то, что, как мы уже говорили, в 50—60-х годах почти все побережье России на Тихом океане было осмотрено и описано, положить на многие определения при новых требованиях и уровне технических возможностей было нельзя. К тому же, наряду с добросовестными и точными астрономическими определениями имелось много непроверенных, не связанных между собой определений. «Такая несостоятельность большинства астрономических определений произошла, главным образом, вследствие недостаточных средств наблюдателей, различия и несовершенства методов наблюдений и вычислений и недостаточной точности координат исходных пунктов»².

Необходимо было в первую очередь систематизировать астрономические определения, которые позволили бы производить в дальнейшем полное гидрографическое обследование, положенное на математическую основу (широты и долготы пунктов и магнитные данные). Для того чтобы дать понятие об относительной точности результатов астрономических определений долгот, полученных в разное время исследователями, приведем расхождение этих результатов по некоторым пунктам: для залива Чихачева (Де-Кастри) имелось 7 определений, расходящихся на 21', для залива Владимира — 4 на 15', для залива Ольги — 7 на 25', для Владивостока — 3 на 9', для Ново-Архангельска — 7 на 26', для Петропавловска — 9 на 11' и т. д.³

В штате Сибирской флотилии была весьма скромная гидрографическая часть, предусматривавшая начальника части, его помощника, делопроизводителя, лампового и компасного мастера и четырех смотрителей маяков. Естественно, что выполнением регулярных гидрографических работ такое гидрографическое подразделение заниматься не могло. Нужна была другая, более сильная и гибкая организация.

Инициатором этого дела выступил подполковник В. М. Бабкин. В 1862 году он написал командиру эскадры Тихого океана контр-адмиралу А. А. Попову о необходимости проводить систематические, специальные (а не попутные) гидрографические работы. Попов обо всем сообщил генерал-адмиралу великому князю Константину, от которого последовало распоряжение в Гидрографический департамент, и там немед-

¹ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, л. 4238, л. 1—2.

² Соловьев Н. М. Карты русского Дальнего Востока. Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск — Владивосток, 1927, вып. 2, с. 10.

³ Ульский А. Ф. О гидрографических исследованиях в Беринговом, Охотском и Японском морях. Известия Русского Географического общества. СПб., 1867, т. III, № 2, с. 97.

К. С. Старицкий

ленно назначили для этой цели лейтенанта Константина Степановича Старицкого (1839—1909), «состоящего при съемке и промере Каспийского моря, которого 23 июня 1864 года оттуда и затребовали»¹. Когда об этом известили Президента Академии наук Ф. П. Литке, достойно представлявшего в ней русскую гидрографию, он пожелал поручить К. С. Старицкому и магнитные наблюдения. Для этого Старицкий прошел специальную подготовку в Пулковской обсерватории под руководством В. К. Дёллена и П. М. Смыслова. В 1865 году он уже был на Дальнем Востоке.

План, разработанный К. С. Старицким, преследовал следующее: «определить на русском берегу Японского моря ряд основных астрономических пунктов, которые дали бы возможность исправить существующие карты и описи, служили бы опорными точками для будущих гидрографических работ и были бы надежными местами для проверки хронометров; сделать то же самое, хотя и в меньшей степени, для тех из непринадлежащих к России берегов Японского моря, которые уже описаны русскими судами; связать берега Берингова, Охотского и Японского морей между собой, а также и с главными пунктами Японии, причем ввести русские хронометрические связи в соединении с таковыми же работами иностранных гидрографов в Японском и Китайском морях»².

К. С. Старицкий имел в своем распоряжении следующие инструменты: 12 столовых хронометров, 4 карманных, карманный полухронометр,

¹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 2, л. 2497, л. 16.

² Старицкий К. С. Гидрографическая командировка в Восточный океан. СПб., 1873, с. 10.

вертикальный круг Репсольда, универсальный инструмент, большой призмозеркальный круг, анероид, два искусственных горизонта, два нормальных барометра, психрометр, термометры различные, два ареометра, лот с термометром, 12 лотов Брука, лот с храпами и прочее.

В соответствии с планом намечалось определить 24 пункта, из них 5 основных. На деле сразу же пришлось нарушить из-за отсутствия отдельного корабля. «Вместо прямых быстрых переходов из порта в порт, — писал Старицкий, — от заранее избранного пункта к другому такому же, с обратным возвращением в первый исходный пункт, как то требовалось планом экспедиции, мне пришлось делать переходы из порта в порт по воле случая, очень часто совсем в противоположную сторону против того направления, которое нужно было для работ; быстрое совершение переходов и возвращение в исходный пункт вместо правила стали исключением, время стоянок в местах наблюдений не обуславливалось нуждами самих наблюдений, порой стоянки эти выходили крайне непродолжительными, порой чрезвычайно короткими, самые переходы часто были очень длинные»¹.

Нет необходимости после этих слов подробно рассказывать о ходе работ К. С. Старицкого и перечислять их. Остановимся на главных результатах работ К. С. Старицкого. Помощниками его на разных этапах были лейтенант М. П. Крускопф (офицер с корвета «Аскольд»), лейтенант В. Н. Гольдбах (с корвета «Варяг»), прапорщик 4-го Сибирского линейного батальона Титов, командир шхуны «Восток» Л. К. Кологерас, штурманские офицеры клипера «Всадник» Юргенс и Широков, гардемарин М. Л. Онацевич.

Командировка К. С. Старицкого на Дальний Восток продолжалась шесть с лишним лет. За это время он прошел по морям Тихого океана около 20 тысяч миль. На пространстве от 15 до 62° северной широты и от 114 до 160° восточной долготы он определил 14 астрономических пунктов на русском берегу Японского моря, 12 — на Сахалине, пять — в Охотском море и на Камчатке, три — на Японских островах и в китайских водах². Все пункты связаны между собой переносом времени не менее как на 9 столовых хронометрах, а 12 из них имеют двойные и тройные перезды. Как правило, наблюдения производили вертикальным кругом Репсольда, иногда универсальным инструментом Брауэра. Общее число сделанных астрономических наблюдений достигает 350, из них более 300 звездных, каждое в восемь, иногда в шесть и очень редко — в четыре наведения. К. С. Старицким в 20 пунктах определено склонение компаса магнитным теодолитом, причем каждое определение состоит из 8—12 наведений. Наклонение компаса определено инклинатором в 16 пунктах, не менее 16 наведений каждое определение. И, наконец, в четырех местах определялось «горизонтальное напряжение магнитной силы».

Еще большие успехи имел К. С. Старицкий при производстве гидро-

¹ Старицкий К. С. Гидрографическая командировка в Восточный океан. СПб., 1873, с. 12.

² Там же, с. 57.

графических работ. Используя якорные стоянки, он с помощью офицеров произвел мензульную съемку и шлюпочные промеры пяти бухт и якорных стоянок у острова Сахалина и одной у острова Хоккайдо. По этим работам составлены планы. Произведен судовой промер вокруг острова Монерон, береговая черта которого снята частично морской, частично береговой съемкой. В итоге был составлен план острова. Кроме того, произведен морской промер на протяжении около ста миль вдоль западного берега Сахалина — от Дуэ до поселка Кусунай.

Работы К. С. Старицкого совпали по времени с топографическими съемками на побережье Японского моря и на Сахалине, производившимися в 1865—1868 годах по поручению Сибирского военно-топографического отдела сотником забайкальского казачьего войска Захаром Макаровичем Белкиным и топографом кондуктором Иосифом Викентьевичем Павловичем. За это время ими было снято более 1500 верст береговой черты мензульной съемкой в масштабе одна верста в дюйме. Во время зимовки с 1868 на 1869 год в Николаевске-на-Амуре К. С. Старицкий снял копии с 50 планшетов этой съемки, которая впоследствии была перенесена на меркаторскую сетку и положена по астрономическим пунктам, определенным К. С. Старицким.

В результате таких совместных работ были составлены две предварительные меркаторские карты на Татарский пролив и Сахалин и одна — на Южный Сахалин и пролив Лаперуза, значительно уточнившие карты, составленные по работам Н. В. Рудановского и Д. И. Орлова. Они также были изданы, как и упомянутые планы, в 1870—1872 годах Гидрографическим департаментом. Отметим, что К. С. Старицким были произведены 16 измерений глубины Охотского моря, которые дали первое представление о рельефе открытой части этого моря.

Значение астрономических и гидрографических работ К. С. Старицкого исключительно велико. Хронометрические связи свели воедино разрозненные по всем морям наблюдения. Многочисленные астрономические определения координат пунктов создали реальную предпосылку для организации систематических гидрографических исследований. «Отбросив неуместную скромность,— писал К. С. Старицкий,— я должен сказать, что по обстоятельствам сделано много; но это многое, все-таки ничтожно в сравнении с тем, что надобно еще сделать». Показывая на ряде примеров, что изучить такую необъятную территорию случайными командировками — дело почти невозможное, Старицкий настоятельно требовал создания специального гидрографического подразделения. «Поэтому необходимо,— продолжал он,— дело гидрографии Японского моря вывести из зависимости случая, избавить его от откладывания до более благоприятного времени и поставить на определенную солидную почву»¹. Результаты работ К. С. Старицкого были по достоинству оценены Русским географическим обществом, присудившим ему медаль имени Ф. П. Литке.

¹ Старицкий К. С. Гидрографическая командировка в Восточный океан. СПб., 1873, с. 66.

Астрономические и гидрографические исследования К. С. Старицкого продолжил лейтенант Лев Петрович Елагин, который принял в Маниле от своего предшественника все инструменты и документацию 28 декабря 1870 года и прибыл во Владивосток осенью 1871 года. По целому ряду не зависящих от Елагина обстоятельств он смог приступить к работе только в конце 1872 года, чем вызвал известное недовольство начальства в Петербурге. Несмотря на то, что ему пришлось в эту навигацию заниматься больше перевозкой бревен для устройства Владивостокского порта, нежели перевозкой хронометров, он все же сумел определить широту и долготу трех пунктов в Уссурийском заливе.

Добившись в конце концов назначения на корвет «Богатырь», где он мог проводить астрономические и магнитные наблюдения, Л. П. Елагин в течение 1873 и следующего, 1874 года определил еще 20 астрономических пунктов, успешно продолжив начинания Старицкого. В 1874 году он плывал на «Буксире». Одновременно с работами по своему плану Елагин руководил и гидрографическими работами в Уссурийском и Амурском заливах, сопровождая их гидрологическими и метеорологическими наблюдениями. В частности, на переходе из Нагасаки во Владивосток в 1873 году Елагин производил наблюдения над температурой воды на глубинах 50 и 100 саженей, результаты которых он сообщил академику Л. И. Шренку. Им сделаны съемки заливов Пластун, Джигит и гавани Тихая Пристань в заливе Владимира. Кроме того, на расстоянии 70 миль (от Владимира до залива Пластун) произведен промер, координируемый по двум углам между приметными береговыми пунктами¹. Гидрографические работы в 1874 году велись преимущественно в Уссурийском заливе: подробный галсовый промер залива, а также съемка и промер бухт по восточному берегу. Успели поработать и в Амурском заливе, где был произведен промер в бухтах между мысами Купреянова и Турек, в Славянке и проливе Стрелок. Работы Л. П. Елагина завершились наблюдением 27 ноября 1874 года прохождения Венеры через диск Солнца, после чего он сдал дела лейтенанту М. Л. Онацевичу.

Михаил Люцианович Онацевич принимал по своей инициативе самое живое участие в работах К. С. Старицкого и заслужил от него отличный отзыв и похвалу: «Замечательна любовь и неутомимость, проявленная им,— писал он,— в научных занятиях; связанный исполнением многосложных строевых обязанностей, близко усвоенных им, так как с половины 1870 года он постоянно уже командовал вахтою и, несмотря на многосложные наблюдения конца 1869 и всего 1870 годов, в особенности же несмотря на вычисления, относившиеся до хронометрической экспедиции этого периода, а равно вышеупомянутые описные работы, он находил еще и время прочесть очень многое из русской, английской и французской литературы по морским астрономическим наблюдениям»².

¹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 3224, л. 39 об.— 40.

² Старицкий К. С. Гидрографическая командировка в Восточный океан. СПб., 1873, с. 55.

Не менее лестно отзывался о нем Старицкий и в отчетной записке о действиях своих помощников¹.

Несмотря на то, что официально Отдельной съемки Восточного океана к 1875 году еще создано не было, лейтенант М. Л. Онацевич все чаще назывался начальником таковой² и по существу руководил на Дальнем Востоке гидрографическими работами и астрономическими определениями.

В зиму с 1874 на 1875 год он возглавил производство зимнего промера двумя партиями в заливе Петра Великого. С началом навигации 1875 года М. Л. Онацевич отправился на шхуне «Восток» в плавание, во время которого намеревался обойти Охотское море. Одновременно из Владивостока на клипере «Гайдамак» в Берингово море отправился секретарь Сибирского отдела Русского географического общества К. К. Нейман. Несмотря на то, что шхуна выполняла административные поручения, Онацевичу удалось благодаря помощи командира шхуны О. В. Старка произвести в различных местах побережья Охотского моря и на Шантарских островах несколько астрономических определений, измерить глубины, достать образчики грунта, определить удельный вес воды и вести регулярные метеорологические наблюдения (в 08, 12, 16 и 20 часов). В этом же году Онацевич продолжил свои астрономические наблюдения в Японском море, перейдя во Владивостоке на возвратившийся «Гайдамак»³.

В 1875 году Курильские острова были переданы Японии, а весь Сахалин стал достоянием России. В связи с этим северные районы Дальнего Востока снова привлекли внимание исследователей и деятелей дальневосточной администрации. Это выразилось и в том, что в навигацию 1876 года М. Л. Онацевич вел магнитные и астрономические наблюдения в Беринговом море, а также в Ледовитом океане. Занимался он и гидрографическими работами, произведя съемку Олюторского залива от мыса Говенского до Олюторского, берега — от мыса Фаддея до мыса Наварина, бухты Гаврилова и залива св. Лаврентия⁴.

Результаты и первые выводы своих примечательных исследований М. Л. Онацевич опубликовал в 1878 году в Петербурге под названием «Собрание наблюдений, произведенных во время гидрографической командировки в Восточный океан 1874—1877 гг.». Сюда вошли метеорологические наблюдения, удельный вес морской воды, магнитные наблюдения. Астрономические наблюдения, еще не приведенные в окончательный вид, были опубликованы позже. В этом же труде М. Л. Онацевича помещена статья «Краткие заметки о течениях Северо-Западного Тихого океана и береговых морей: Охотского, Южно-Японского и Берингова»,

¹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 2497, л. 281.

² Белов Г. М., Плансон М., Клыков М. Краткий исторический очерк гидрографии русских морей. СПб., 1899, ч. 2, с. 67.

³ Онацевич М. Л. Краткий гидрографический обзор плавания шхуны «Восток» в 1875 году. Морской сборник, 1876, № 9, ч. неоф., с. 1—30.

⁴ Онацевич М. Л. Заметки во время плавания около берегов Чукотской земли и в Ледовитом океане в 1876 году. Морской сборник, 1877, № 7, 9.

где дана схема течений, весьма близкая к современным представлениям. Она получила высокую оценку академика Л. И. Шренка и была рекомендована в качестве диссертационной работы М. Л. Онацевича.

В связи с тем, что вопрос о создании Отдельной съемки Восточного океана все еще не был решен, Главный командир портов Восточного океана контр-адмирал Г. Ф. Эрдман принял самостоятельное решение: начальником специальной гидрографической партии был назначен лейтенант Э. В. Майдель, о чем Эрдман 6 мая 1876 года сообщил в Гидрографический департамент¹. Решение это имело еще и цель — дать возможность М. Л. Онацевичу заниматься преимущественно астрономией. Независимо от астрономических и гидрографических исследований К. С. Старицкого, Л. П. Елагина и М. Л. Онацевича Гидрографическая часть Сибирской флотилии деятельно вела гидрографические работы, несмотря на то, что, как официально указывалось в одном из отчетов, при гидрографической части «не состояло лиц со специальною целию заниматься съемочными работами, так как и по наказу занятия эти не входят в круг ее обязанностей»².

Естественно, что гидрографические работы при таком положении производились там, где в них чувствовалась острая потребность. А такими районами оставались Амурский лиман и Японское море. И офицеры гидрографической части — М. Клыков, Пакулин и другие производили непрерывно зимой и летом промеры фарватеров в амурском лимане, менявшихся каждую навигацию. Иными словами, гидрографическая часть Сибирской флотилии довольствовалась оперативными работами по обеспечению боевой подготовки флотилии, занимаясь главным образом средствами навигационного оборудования.

После 1870 года гидрографическими, то есть описными и астрономическими работами, занимались специально назначаемые офицеры: Л. П. Елагин, М. Л. Онацевич, а затем и Э. В. Майдель. Благодаря стараниям и усердию последнего, гидрографические работы велись почти без перерыва. В 1876 году подпоручик Фелицын, высаженный с корвета «Баян» на Южный Сахалин, произвел промер Чебасинских озер (Большое и Малое), Вайватовских озер, Тунайчинской протоки и озера Тунайча. А сам Майдель в этом же году работал в устье реки Суйфун, и, кроме того, плавая на судах флотилии, занимался исследованием магнитной аномалии на побережье Амурского залива, магнитными наблюдениями в восьми пунктах Японского моря и Татарского пролива, господствующими течениями в Японском море (преимущественно в районе пролива Лаперуза), а также наблюдениями над плотностью, соленостью и температурой воды Японского моря и Татарского пролива. На основании своих наблюдений он сделал вывод, что в проливе Лаперуза существует два основных течения: теплое — к югу от Камня Опасности — идет на восток и юго-восток из Японского моря, и холодное, которое идет из Охотского в Японское море, и, войдя в него, поворачивает на Север³. С 1875 года

¹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 3224, л. 90.

² Отчет директора Гидрографического департамента за 1880 год. СПб., 1881, с. 65.

³ Отчет директора Гидрографического департамента за 1876 год. СПб., 1877, с. 125.

начались организованные Э. В. Майделем систематические метеорологические наблюдения в Николаевске, Дуэ, Корсаковском посту и в заливе Ольга.

В 1877—1878 годах партия капитан-лейтенанта Э. В. Майделя продолжала работы в заливе Петра Великого (Амурский залив и пролив Босфор Восточный), в Татарском проливе и лимане Амура. В частности, были определены места для строительства маяков на мысах Екатерины и Низменном, сделан промер от залива Чихачева до Дуэ (для прокладки кабеля) и произведены гидрологические наблюдения, на основании которых Майдель, оперируя удельными весами воды, сделал заключение о невозможности течения из лимана на юг. «Тем не менее,—оговариваясь он,—я не берусь окончательно отрицать существование лиманского течения, но, во всяком случае, могу придавать ему только весьма малое значение»¹.

В 1879 году произведены попутно исследования от залива Чихачева до мыса Лазарева. В лимане Амура произведено обследование входных створов Южного фарватера, показавшее значительное изменение на отмелях у острова Уюзюта. Это обстоятельство вызвало необходимость подробно исследовать весь бар реки Амура, что и было сделано в следующем, 1880 году вместе с другими работами, производившимися в заливе Петра Великого (в бухтах Золотой Рог, Новик и в проливе Босфор Восточный)².

В эти годы на побережье Татарского пролива работала топографическая экспедиция Иркутского отделения Генерального Штаба под руководством подполковника корпуса топографов Логина Александровича Большева, в составе которой были поручик Иванов, подпоручик Егоров, классные топографы И. Е. Андреев, А. И. Силантьев, А. Ф. Сосунов, П. С. Гроссевич, А. П. Павловский, И. К. Ванин, Краморев, прапорщик И. В. Павлович и сотник З. М. Белкин в сопровождении 92 рядовых 1-го линейного Сибирского батальона. От залива Чихачева до заливов Пластун и Джигит экспедиция сняла не только береговую черту, но и полосу берега шириной в три версты, а также описала несколько рек, поднимаясь вверх по ним на 30 верст. Общая длина снятого и описанного берега составила около 800 верст. Точная съемка дала подробные планы отдельных участков берега — 47 планшетов, которыми и воспользовался К. С. Старицкий, положивший их на меркаторскую сетку по своим астрономическим пунктам.

Между тем всем ходом событий на Дальнем Востоке готовилось создание специального гидрографического подразделения, не связанного с выполнением каких-либо других обязанностей, кроме прямых, исследовательских. Директор Гидрографического департамента вице-адмирал П. И. Зеленый, отчитываясь в 1872 году за работу департамента и говоря, в частности, весьма похвально о деятельности К. С. Старицкого, писал: «А потому остается пожелать, чтобы скорее настала возможность

¹ Отчет директора Гидрографического департамента за 1878 год. СПб., 1880, с. 72.

² АВГО, разряд 103, оп. 1, д. 67, л. 16—16 об.

отдельные, единичные труды, заменить трудами большой, правильно организованной гидрографической экспедиции»¹.

В 1874 году вопрос этот был уже предрешен, так как даже в официальном отчете директора Гидрографического департамента за этот год М. Л. Онацевич назван начальником Отдельной съемки Восточного океана. Окончательное разрешение вопроса произошло в 1880 году. Вместо М. Л. Онацевича, фактически исполнявшего должность начальника Отдельной съемки и скоропостижно скончавшегося осенью 1879 года, был назначен капитан корпуса флотских штурманов Алексей Семенович Стенин. Личный состав первое время состоял из начальника, двух начальников партий, четырех-пяти производителей работ и 70 нижних чинов. Своего специального описного судна Отдельная съемка пока не имела и для работ пользовалась судами Сибирской флотилии.

Перед Отдельной съемкой была поставлена задача: закончить гидрографические исследования в наиболее жизненно важных районах Дальнего Востока. К таким районам относились залив Петра Великого в Японском море, Татарский пролив, лиман реки Амура и Южный Сахалин. На организацию Отдельной съемки возлагались большие надежды. В документах того времени сообщалось, что Отдельная съемка организована «для подробного исследования нашего восточного побережья, где большие пространства остаются еще неисследованными. Основанием для работ этой экспедиции послужат сделанные уже астрономические определения (т. е. определения Старицкого, Елагина и Онацевича.— А. А.) и некоторые произведенные донные более подробные гидрографические работы, пока не имеющие еще общей между собой связи»².

Первые годы работы состава Отдельной съемки были связаны с завершением работ предшественников. По-прежнему действовали две партии: в лимане Амура и в заливе Петра Великого. Вместе с тем совершается переход к широким базисным и тригонометрическим (триангуляционным) работам. В 1882 году, например, помимо обычных гидрографических работ (съемки и промера) в Татарском проливе и лимане Амура, в заливе Чихачева был измерен базис (425 сажений); тригонометрической сетью покрыта северная часть Татарского пролива от мыса Клостер-Капм (теперь мыс Орлова) до мыса Екатерины, причем поставлено 17 новых знаков и геодезически определено 18 пунктов³.

На 1883 год А. С. Стенину Гидрографическим департаментом предписывалась большая программа исследований: «1. Поверить положение островов в юго-западной части залива Петр Великий, для чего связать их между собой тригонометрической сетью; 2. Произвести съемку как упомянутых островов, так и той части берега залива Петр Великий, карта которой не удовлетворяет надлежащей точности... 3. Произвести около островов и берегов залива Петр Великий, где окажется настоящая необходимость, шлюпочный промер параллельными галсами, в пределах

¹ Отчет директора Гидрографического департамента за 1871 год. СПб., 1872, с. 66.

² АВГО, разряд 103, оп. 1, д. 67, л. 17 об.

³ Отчет директора Гидрографического департамента за 1882 год. СПб., 1884, с. 19.

через 25 и более сажень, смотря по характеру морского дна; 4. Охарактеризовать судовым промером южную часть залива Петр Великий, располагая его параллельными галсами через 200 и более сажень, а также производя судовой промер по фарватерам, ведущим с моря по Амурскому и Уссурийскому заливам к Владивостоку, располагая галсы промера параллельными линиями, перпендикулярно к направлению фарватеров, через 50 до 100 и более сажень, смотря по характеру дна и узкости фарватера. Встречающиеся же банки и мелкие глубины обследовать перекрестными галсами с гребных судов. 5. Определить астрономическое положение Корсаковского поста и определить точной тригонометрической связью положение Камня Опасности и мыса Соя»¹ и так далее. Нужно сказать, что за небольшими мелкими исключениями эта программа была выполнена². Мы умышленно привели эту столь пространную цитату, чтобы проиллюстрировать чрезвычайно важный в истории гидрографических исследований на Дальнем Востоке момент перехода к высокоточным базисным измерениям и тригонометрическим связям. Они весьма существенно наметились уже в исследованиях К. С. Старицкого, но получили свое дальнейшее развитие с организацией Отдельной съемки Восточного океана.

Нет возможности да и надобности подробно характеризовать деятельность Отдельной съемки за каждый год. Укажем лишь следующее. За время своего существования (1880—1898) Отдельная съемка Восточного океана сначала под руководством А. С. Стенина, затем с 1889 года — лейтенанта А. П. Андреева и, наконец, с 1894 года — Э. В. Майделя сосредоточила основное внимание на заливе Петра Великого, Татарском проливе и Амурском лимане и добилась в исследовании этих мест значительных результатов. Необходимость же исполнения гидрографических работ во второй половине XIX века именно в данном регионе диктовалась государственными задачами и интересами.

Главным результатом стало окончание работ по описи залива Петра Великого. Оценка многолетнего труда гидрографов дана известным гидрографом, исследователем морей Восточного океана М. Е. Жданко: «Эту работу, т. е. опись залива Петра Великого, переделывать не придется. Эта опись основана на точной триангуляции, съемка берега исполнена не с моря секстаном, а мензулой; промер от берегов и до глубины 5 сажен сделан шлюпочный, самый подробный, а далее — судовой, параллельными линиями. Эта работа первая большая основательная гидрографическая работа в наших водах, исполненная научно, правильно и точно»³. По мере накопления материалы по лоции своевременно издавались. Так, в 1897 году вышли в свет «Материалы по лоции Западной части залива Петр Великий», составленные начальником партии Отдельной съемки штабс-капитаном Ивановым 3-м. Сюда вошел район от устья ре-

¹ ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 3714, л. 29.

² Отчет директора Гидрографического департамента за 1883 год. СПб., 1885.

³ Жданко М. Е. Исследования побережий Берингова и Охотского морей и нужды их по улучшению сообщений. — Журнал Министерства путей сообщения. СПб., 1908, кн. 6, с. 163—164.

ки Тюмень-ула, включая всю группу островов, лежащих к югу от полуострова Муравьева-Амурского и Амурский залив.

Но было бы неправильно представлять себе дело таким образом, что все гидрографические работы на Дальнем Востоке в указанный период сосредоточились только в названных выше районах. Большие исследования проводили корабли Сибирской флотилии и Тихоокеанской эскадры, суда Дальневосточного торгового флота, Топографическая служба военного ведомства, чиновники Министерства путей сообщения, Министерства государственных имуществ и другие. Укажем на те из них, которые представили интерес для гидрографии.

В 1882 году офицеры клипера «Стрелок» обследовали гавани на северо-западном берегу острова Беринга и острове Медном, а также заливы св. Лаврентия, Бутакова и бухты Провидения и Эмма. Офицеры клипера «Вестник» в этом же году обследовали полуостров Кроноцкий и бухту Вестник. Офицеры крейсера «Африка» обследовали Петропавловскую гавань, бухту Песчаную на острове Медном и устье реки Камчатки.

В 1883 году был упразднен корпус флотских штурманов, обязанности штурманских офицеров отныне передавались морским офицерам. В связи с этим, а также и с возросшими требованиями к безопасности мореплавания Гидрографический департамент был преобразован в Главное гидрографическое управление.

Еще в 1882 году офицеры клипера «Пластун» обследовали на Сахалине залив и гавань Анучина, а также остров и пролив Асланбегова. В 1884 году с клипера «Абрек» была произведена глазомерная съемка юго-восточного берега полуострова Терпения на Сахалине и острова Тюлений с дополнительным промером около этих мест. Офицеры «Абрека», перейдя из лимана Амура, где они обследовали Сахалинский фарватер, в 1885 году произвели съемку и промер бухты Лебяжьей и бухты Абрек на Шантарских островах. Кроме того, они осмотрели Тугурский залив, южные и западные берега острова Малый Шантар, губы Якшиной, острова Медвежьего и некоторые другие места Шантарских островов. А на Сахалине в этом же году продолжили работу офицеры клипера «Опричник», которые описывали восточный его берег от мыса Поворотного до мыса Беллинсгаузена.

С клипера «Джигит» в 1886 году производились метеорологические и гидрологические наблюдения в северо-западной части Берингова моря. Много потрудились и офицеры клипера «Крейсер», с которого в Беринговом море обследовали береговую черту от мыса Гинтера до мыса Фаддея. Во время обследования моряки открыли бухту Угольную. Замечательную инициативу проявил шкипер принадлежавшей О. Линдгольму шхуны «Сибирь» Ф. К. Гек, который, занимаясь китовым промыслом в Беринговом море, описал в 1885 году достаточно подробно берег Камчатки от мыса Ильпинского до мыса Фаддея.

Им была описана бухта Карага против острова Карагинского и участок берега от мыса Фаддея до бухты Карага с заливом Корфа. Плаваая в этом же году в Корейском море, он открыл там и описал бухты Анна и Покоча. Свои работы в Корейском море Гек продолжал в 1891 и 1892 го-

дах, описав четыре неизвестные бухты, расположенные близко от курсов судов во Владивосток из Корейского моря. Наконец, Ф. К. Гек в 1894—1895 годах обследовал берег Татарского пролива от залива Чихачева до залива Владимир.

В 1887 и 1888 годах в Японском море плавал прославленный корвет «Витязь». Офицеры его под руководством С. О. Макарова описали в заливе Петра Великого бухты Троица и Гамова, переименованную в бухту Витязь; в Японском море был описан остров Дажелет, и кроме того офицеры корвета производили гидрологические наблюдения в Японском, Охотском и Беринговом морях. Корвет совершил много переходов в Татарском проливе: в Петропавловск, на Командорские острова, в Аян, Удской и в Охотск, а также на юг. Во время всех этих переходов вели самые разнообразные гидрологические, метеорологические и иные наблюдения, так как С. О. Макаров «старался возможно более разнообразить пути, в пределах однако же даваемых мне поручений»¹. Регулярно вели наблюдения за удельным весом воды. Требовательный и взыскательный к себе, относившийся с любовью к гидрологическим и гидрографическим исследованиям, С. О. Макаров не переносил фальши в наблюдениях и всегда поучал своих офицеров, приводя в пример слова знакомого отставного штурмана Т. Т. Будрина: «пишем, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, того не пишем»².

В 1888 и 1889 годах офицеры клипера «Разбойник» вели съемку юго-западного берега Анадырского залива от мыса Фаддея до мыса Гинтера, съемку входа в устье реки Анадырь от мыса св. Михаила до мыса св. Дионисия и от мыса Адюмка до мыса Обсерватории. При этом определено пять астрономических пунктов. В 1891 году офицеры лодки «Алеут» произвели промер северного фарватера в Анадырском лимане и сделали съемку Никольского рейда на острове Беринга. Промерные работы у Командорских островов, а также съемку острова Беринга продолжали в 1893—1894 годах офицеры крейсера «Забияка». В 1897 году офицеры этого клипера успешно справились с обзором северного берега Охотского моря от мыса Корнилова до мыса Восточного с рекогносцировочным промером. Аналогичные работы проводились и в заливе Аян. В частности, командиром крейсера «Забияка» капитаном 2-го ранга Ван-дер-Шкруфом составлены планы залива Аян и бухты Ван-дер-Шкруфа.

Все эти годы офицеры Тихоокеанской эскадры выполняли гидрографические работы и у побережья материка, и у побережья Сахалина в Татарском проливе, а также в заливе Петра Великого и у берегов Кореи. Так, например, в 1890 году продолжались триангуляционные работы в Уссурийском заливе, съемка и промер Амурского залива. В 1895 году произведена морская опись западного берега Японского моря от залива Америка до залива Владимир. Заслуживают быть отмеченными гидрографические обследования бухты Иннокентия, входов в устья рек

¹ Макаров С. О. О трудах русских моряков по исследованию вод Северного Тихого океана.— Морской сборник, 1892, № 5, ч. неоф., с. 27.

² Там же, с. 45.

С. О. Макаров

на западном берегу моря, составление глазомерных планов 22 мест якорных стоянок (от Де-Кастри до залива Америка) и производство морского промера от мыса Лессепса (устье реки Датта-Тумнин) до залива Владимира. Все эти работы провел в 1894—1895 годах Ф. К. Гек на судне «Сторож».

В январе 1898 года Отдельная съемка Восточного океана была преобразована в Гидрографическую экспедицию Восточного океана (ГЭВО)¹. Начальником экспедиции был назначен подполковник корпуса флотских штурманов Михаил Ефимович Жданко. В связи с завершением гидрографических работ в заливе Петра Великого перед Гидрографической экспедицией была поставлена задача планомерного гидрографического изучения всех морских границ на Дальнем Востоке на новом уровне. В первую очередь намечалось организовать широкие исследования в лимане Амура, Татарском проливе и в Охотском море. Отчасти к этому приступили уже в конце XIX века, а в 1900 году съемка и промер лимана Амура были привязаны к триангуляции, связавшей Сахалин с материком.

Планомерное продвижение гидрографических работ на север было приостановлено в начале XX века известными международными событиями в Китае и в Японии. В результате Гидрографическая экспедиция срочно в 1900 году, а затем и в 1904—1907 годах перебазировалась на юг, в Желтое море, где в течение пяти лет «подробно и точно описала

¹ Указ от 15 декабря 1897 г.; Приказ по Морскому министерству № 2 от 3 января 1898 года.

М. Е. Жданко. Получено от Б. Г. Масленникова

заливы Корейский и часть Ляодунского, причем в основу всех этих работ легла триангуляция, опирающаяся на точно определенные астрономические пункты»¹. По данным этих работ были составлены 22 морские карты. Много было сделано и в области изучения морских течений, приливов и отливов, магнитных явлений.

С началом войны с Японией по существу все гидрографические работы были прекращены, «все помощники начальника экспедиции были расписаны на боевые суда, а начальнику экспедиции было поручено организовать сеть морских наблюдательных постов по нашему побережью от Николаевска-на-Амуре до границы с Кореей, заведовать этими постами и работами по очистке фарватеров от мин. Кроме того, с августа по декабрь 1905 года начальник экспедиции командовал Сибирским флотским экипажем. Команда экспедиции (73 чел.) была назначена в партию траления и на наблюдательные посты»².

По окончании войны после неизбежного кратковременного подготовительного периода Гидрографическая экспедиция Восточного океана, состоявшая из М. Е. Жданко, его помощника штурмана Ф. П. Бородаенко и 9 нижних чинов, продолжала летом и осенью 1906 года свои работы. Главным результатом этих работ надо считать астрономические (морские и береговые) наблюдения М. Е. Жданко на восточном берегу Камчатки, магнитные наблюдения и две небольшие местные триангуляции

¹ Жданко М. Е. Исследование побережий Берингова и Охотского морей и нужды их по улучшению сообщений.— Журнал Министерства путей сообщения. СПб., 1908, кн. 6, с. 164.

² Отчет о действиях Главного Гидрографического управления за 1906 год. СПб., 1908, с. 77.

Лоція СЪВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ВОСТОЧНАГО ОКЕАНА.

ЧАСТЬ IV-я.

БЕРИНГОВО МОРЕ И ПРОЛИВЪ БЕРИНГА.

Западный берегъ Берингова моря и пролива Беринга отъ мыса Лопатка до мыса Стѣпного съ островами св. Лаврентія, Геральда и Врангеля, и восточный и южный берега Берингова моря и пролива Беринга отъ мыса Барроу до полуострова Аляска съ островами св. Матвѣя, Нунивома, Прибылова, Алеутскими и Командорскими.

По порученію Главнаго Гидрографическаго Управленія составили
Капитанъ 2-го ранга С. де-Ливрона и К. Ф. Ш. Полковникъ
М. Клыковъ.

Изданіе Главнаго Гидрографическаго Управленія Морского
Министерства.

С.-Петербургъ,

Лоція северо-западной части Восточного океана С. де-Ливрона и М. А. Клыкова. Берингово море и пролив Беринга

для связи приметных мест Петропавловской гавани и гавани Корфа с астрономическими определениями.

В 1907—1908 годах личный состав экспедиции был значительно усилен и состоял из семи помощников начальника (они же начальники партий), врача, двух командиров описных судов, вольнонаемного механика и 92 человек вольнонаемной команды, преимущественно команды судов. Важным событием для экспедиции стало прибытие из Англии 2 июля 1908 года специального описного судна «Охотск». Появление современного парового судна и наличие в распоряжении начальника экспедиции двух парусных шхун позволили эффективнее решать задачи гидрографического изучения дальневосточных морей.

Как уже отмечалось, гидрографические работы в первую очередь ведутся там, где в них возникает необходимость. Сложившиеся исторические условия привели к тому, что во второй половине XIX века таким районом стал залив Петра Великого, который был добросовестно, с высшей возможной при современных методах и инструментах точностью изучен. Вместе с тем создалось интересное и не совсем лестное для русской гидрографии положение: искони русские Берингово и Охотское мо-

ря остались на той же самой ступени гидрографической изученности, на которой они находились полвека назад, за исключением небольших участков береговой черты. Появление в составе России Приамурья и Приморья, продажа Русской Америки привели к тому, что интерес к огромнейшей территории на северо-востоке страны, к Охотскому и Берингову морям значительно ослаб, и край этот «в отношении гидрографическом, как и во многих других, был попросту заброшен»¹.

После окончания русско-японской войны правительство стало уделять больше внимания Дальнему Востоку. Все увеличивающийся штат производителей работ (к 1911 году их было уже 17), снабжение инструментами и выделение помимо переданного экспедиции парохода «Охотск» других транспортных средств позволили Гидрографической экспедиции Восточного океана перейти к систематической морской съемке побережий Охотского и Японского морей.

К этому времени на все русские воды дальневосточных морей было 27 карт, изданных в последнем десятилетии XIX века. В 1902—1910 годах увидели свет четыре части «Лоции северо-западной части Восточного океана», составленной С. Р. де-Ливроном с привлечением других авторов. В первой части, изданной в 1902 году, описывался район от Кореи до залива Петра Великого включительно; во второй — западный берег Японского моря и оба берега Татарского пролива; в третьей — Охотское море с Курильскими островами и в четвертой — Берингово море.

Эта лоция составлена на основании всех имевшихся материалов: морских карт и планов (русских, английских, американских) и всех прочих печатных и рукописных источников. Характерно, что для Берингова моря, например, все виды берегов заимствованы из русских источников, преимущественно из атласа Г. А. Сарычева. Кроме общих данных в лоции есть главы, посвященные специальным вопросам (маяки, знаки, солнечные и звездные наблюдения, о морских картах и прочее). Появилось также много книг и статей по гидрографии и физической географии дальневосточных морей.

В течение 1908—1910 годов главное внимание экспедиция уделяла по-прежнему Татарскому проливу и лиману Амура, не закончив работы в которых нельзя было переходить дальше на север. Но вместе с тем велись и съемочные, описные работы в Беринговом и Охотском морях. Начиная с 1911 года центр тяжести гидрографических исследований переместился в Охотское море, отдельные работы продолжались и на побережье Камчатки, а также в Татарском проливе и лимане Амура.

Расскажем об этом подробнее. В 1908 году под руководством М. Е. Жданко на «Охотске», «Надежде» и «Шептуне» проводили съемку западного берега Камчатки от мыса Лопатка до реки Озерной, Ямских островов и северного берега Тауйской губы от реки Олы до бухты Волок (ныне бухта Нагаева). В этих же районах проводили триангуляционные работы 3-го класса, мензультную съемку, шлюпочный и судовой (на пе-

¹ Давыдов Б. В. Гидрографические работы на Дальнем Востоке.— Красный Флот. Пр., 1923, № 4—5, с. 92.

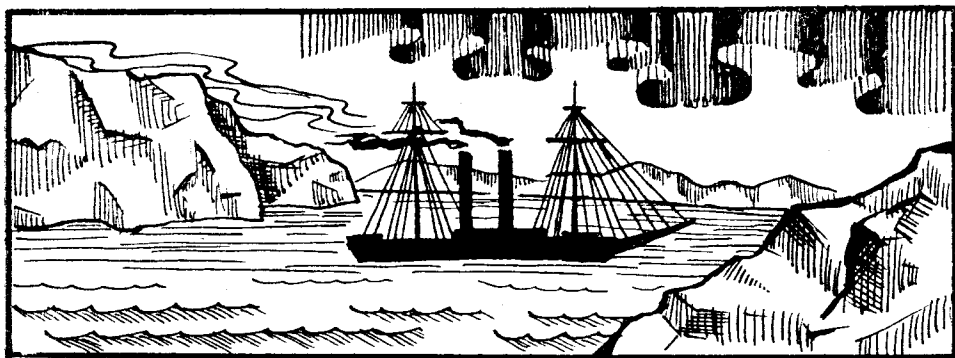
реходах) промеры. Продолжались гидрографические работы в Татарском проливе и лимане реки Амур с помощью местных плавсредств.

В 1909 году экспедиция работала на «Охотске» и «Аргуни», производя обследование банки вблизи острова Аскольд. В 1910 году продолжалось выполнение всего комплекса работ (астрономические определения, триангуляции 2 и 3-го классов, геодезическое нивелирование, шлюпочный промер, наблюдения за приливами и магнитные наблюдения) в лимане Амура и в заливе Счастья. Работы велись на «Охотске» и приданных судах — «Польза», «Нельма», «Отважный». Кроме этого, главного, дела с «Охотска» была обследована Ейринойская губа в Охотском море и произведен шлюпочный промер губы Раковой в Авачинской губе, а также в заливах Чайво и Пильтун на Сахалине, промер устья реки Улья.

На том же «Охотске» и приданном судне «Дельфин» М. Е. Жданко в 1911 году по особой программе продолжал работы в лимане Амура. Одновременно велись гидрографические работы в Охотском море: обследованы шлюпочным промером бар Охотского рейда, устье реки Ини и якорные стоянки у островов Большой и Малый Шантар, произведена топографическая съемка береговой черты от реки Ульбеи до реки Ини, бухты Мамга на Шантарских островах и территория Охотска с окрестностями. Судовой промер производился у северного берега Охотского моря от Охотского рейда до губы Ейринойской.

Съемка и опись Амурского лимана, за исключением судового промера Сахалинского фарватера, были закончены летом 1912 года, когда М. Е. Жданко, работая по-прежнему на «Охотске» и на приданных судах «Альфа» и «Дельфин», смог доложить о выполнении чрезвычайно важного дела. Теперь работы продолжались в Охотском море, где судовым промером совместно с морской съемкой был охвачен район северного побережья между губой Ейринойской и бухтой Нагаева. Кроме того, шлюпочным промером было обследовано много бухт и якорных стоянок: бухта Фредерикса в Татарском проливе, бухта Пхусун у мыса Дальнего, бухты Кулку, Шестакова, Беринга, Нагаева в Охотском море. Производилась и топосъемка берега Сахалина от мыса Погоби до Уанги, острова Спафарьева, бухты Нагаева, бухты Адими, залива Аян, бухты Кулку, бухты Пхусун.

В 1913 году М. Е. Жданко, так много сделавший для изучения морей Дальнего Востока, возглавил Главное Гидрографическое управление и занимал эту должность до 1917 года. После Великой Октябрьской социалистической революции он работал в Постоянной Полярной комиссии при Российской Академии наук, участвовал в организации Российского Гидрологического института, где руководил работами отделения открытого моря в Морском отделе. М. Е. Жданко умер в 1921 году (родился в 1855-м). Именем знаменитого русского гидрографа названы гора и хребет на Южном Сахалине, а также мыс в Карском море.

Глава десятая

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ

С начала XX века в России вновь предпринимаются попытки пройти Северным морским путем. Инициатором стал Эдуард Васильевич Толль. Возвратившись из экспедиции на Новосибирские острова (1893) он представил в Академию наук подробно разработанный проект, по которому предполагалось пройти Северным морским путем с двумя зимовками — 1900/01 и 1901/02 годы — на восточном берегу Таймырского полуострова и на островах к северу от Новосибирского архипелага. Предполагалось далее пройти вдоль побережья Восточной Сибири, через Берингов пролив выйти в Тихий океан и закончить экспедицию к зиме 1902/03 года во Владивостоке.

8 июня 1900 года Русская Полярная экспедиция на яхте «Заря» под руководством Э. В. Толля отправилась из Петербурга в Арктику. В составе ее были лейтенанты Н. Н. Колomeйцев, А. В. Колчак и Ф. А. Матисен, зоолог А. А. Бялыницкий-Бируля, астроном Ф. Г. Зеберг, геолог К. А. Волоссович, доктор Г. Э. Вальтер и другие. «Заря» благополучно прошла первый этап плавания, успешно миновала Карское море, и, как намечалось, стала на зимовку у Таймырского полуострова, в бухте Колин-Арчера, западнее устья р. Таймыры.

Навигацию 1901 года провели в исследованиях моря Лаптевых, пытаясь пройти как можно далее на север, к острову Беннетта, а оттуда продолжить поиск Земли Санникова. Попытка эта не удалась, и «Заря» стала на вторую зимовку 16 сентября 1901 года в лагуне Нэрпалах у западного берега острова Котельного. Здесь произошла встреча с участниками санной партии во главе с К. А. Волоссовичем, работавшими на Новосибирских островах летом 1901 года с целью геологических изысканий. Весной 1902 года Толль с тремя спутниками вышел для исследова-

ния острова Беннетта и поисков Земли Санникова. Это путешествие закончилось трагически: Толль и его спутники погибли. Деятельность экспедиции была свернута. Астрономические и иные наблюдения, а также и выводы из них публиковались Академией наук в серии трудов под названием «Научные результаты Русской Полярной экспедиции 1900—1903 гг. под начальством барона Э. В. Толля». Издание было завершено в 1928 году.

Надо сказать, что проблему Северного морского пути, стоявшую с давних времен в первую очередь перед Россией, пытались решить многие экспедиции, но лишь единожды шведскому ученому и путешественнику Н. А. Э. Норденшельду в 1878—1879 годах на судне «Вега» удалось пройти вдоль берегов Сибири от Атлантического до Тихого океана. Как мы видели, экспедиция Э. В. Толля преследовала ту же цель.

Для освоения Дальнего Востока важным являлся восточный участок Северного морского пути, так как в случае успеха можно было рассчитывать на организацию пароходного сообщения хотя бы до устья Колымы из портов Тихого океана. Постановление Совета Министров по этому вопросу, утвержденное царем 12 июня 1908 года, обязывало: «1) возложить на министра торговли и промышленности обязанность озаботиться установлением ежегодных пароходных рейсов из русских портов Тихого океана к устью р. Колымы; 2) предложить иркутскому генерал-губернатору приступить к ближайшей разработке предложений относительно снаряжения сухопутной и морской экспедиции для организации постоянных сообщений с прилегающими к Северо-Ледовитому океану частями иркутского генерал-губернаторства»¹.

Министр торговли и промышленности Шипов и товарищ министра Коновалов возглавили работу особого межведомственного совещания, в результате работы которого было подтверждено, что «установление ныне же постоянных пароходных рейсов через Берингов пролив до устьев Колымы и Лены представляется крайне затруднительным в виду отсутствия необходимых сведений об условиях плавания в данном районе». Поэтому участники совещания высказались за то, чтобы «произвести предварительное обследование как дна, так и береговых линий на вышеуказанном пространстве, охватывающем около 63° по долготе, то есть более 2000 верст по прямому направлению, возложив такое обследование на две самостоятельные экспедиции: сухопутную и морскую». При этом было оговорено, что в случае невозможности организовать сразу две экспедиции, «ограничиться сначала отправкой одной сухопутной в составе трех лиц: геолога, астронома и топографа» и поручить ей обследование побережья.

Много лет описывали одну и ту же береговую черту, а описания постоянно не удовлетворяли требованиям мореплавателей. Происходило это потому, что материалы съемок устаревали гораздо быстрее, чем появлялись новые навигационные инструменты и приборы. Было высказано пожелание, чтобы экспедиция не ограничивалась производством

¹ ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 1377, л. 46.

съемки и астрономическими определениями, а предприняла также «физико-географические и геологические исследования, которые, выясняя условия плавания, в то же время помогут осветить означенный край в горно-промышленном отношении и определить содействие подготовке дальнейших мероприятий по оживлению этой далекой окраины. Меры эти в виду опасности экономического захвата края иностранцами, на что в свое время уже было обращено внимание Совета Министров являются крайне неотложными. Обстоятельство это, в связи с огромным протяжением подлежащего исследованию района, побуждает министерство торговли и промышленности ходатайствовать о предоставлении ему возможности командировать означенную экспедицию нынешнею же весною, разбив ее на две одновременно работающие партии и поручив одной из них пространство от устья Лены до устья Колымы, а другой — далее к востоку до Берингова пролива». На это дело было выделено 65 тысяч рублей.

Рассмотрев все представления, Совет Министров 18 февраля 1909 года решил: «Поручить министру торговли и промышленности озаботиться снаряжением в текущем году научной сухопутной экспедиции для исследования в геологическом и топографическом отношениях Восточно-Сибирского побережья Северного Ледовитого океана в районе от устья р. Лены до Берингова пролива»¹. Председатель Совета Министров В. Коковцев доложил об этом документе царю, и тот 25 февраля 1909 года написал: «Согласен».

Разработкой вопроса о значении Северного морского пути и его освоении занималась комиссия, в которую входили начальник Главного Гидрографического управления А. И. Вилькицкий, Ю. М. Шокальский, А. Н. Крылов, Л. Л. Брейтфус, А. А. Бунге, И. Б. Шпиндлер, Ф. К. Дриженко, И. С. Сергеев, А. И. Варнек, И. П. Толмачев, Н. Н. Коломейцев, Ф. А. Матисен и А. В. Колчак². Эта комиссия в течение двух лет, начиная с 1906 года, независимо от решения правительства подготавливала и организовывала Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана. Наряду с организацией сквозного плавания вдоль всех берегов Сибири в задачи такой экспедиции входило тщательное изучение условий плавания во всем этом огромном районе, а также оборудование его средствами навигационного ограждения. Последнее же было немислимо без исследования береговой черты.

Геолог И. П. Толмачев, разделяя мнение моряков об организации плавания вдоль берегов Сибири, поднял также вопрос об использовании внутренних водных путей Северной Сибири для плавания небольших судов в обход Таймыра, как самого трудного участка Северного морского пути. Он предлагал основным судам экспедиции производить общую опись берега, а береговым партиям с небольших судов заниматься съемкой. «Разделение труда таким образом, — писал он в докладной записке, — чтобы судно производило общую опись берега и занималось

¹ ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 1377, л. 46 об. — 48.

² Там же, оп. 1, д. 6107. л. 1.

гидрографическими исследованиями, а детали изрезанной береговой линии были бы предоставлены береговой партии, значительно бы облегчили общую работу, увеличив в то же время и точность»¹.

Когда обсуждался вопрос об экспедиции, то неизменно выходило так, что существовало несколько мнений относительно судов для нее. Толмачев считал, что ее нужно проводить на ледокольных судах небольших размеров с большим запасом угля. Такие суда могли бы ломать лед до метра толщиной и пробиваться через ледяные перемычки. Его мнение было принято во внимание при постройке ледокольных пароходов «Таймыр» и «Вайгач», которые в течение пяти лет вели гидрографические работы (1910—1915 гг.) в Северном Ледовитом океане, и в конце концов сумели пройти Северным морским путем — с востока на запад, второй раз — после плавания Н. А. Э. Норденшельда на «Веге», плававшего с запада на восток с двумя зимовками.

Толмачев же разработал проект сухопутной Таймырской экспедиции, состоявшей из четырех отрядов, и брался за руководство всей экспедицией. Она должна была описать в 1909—1910 годах все побережье Таймырского полуострова. В конечном счете этот проект не был одобрен и решено было создать два отряда: Западный, который должен был действовать между устьями рек Колымы и Лены, и Восточный, в задачу которого входило изучение побережья от устья Колымы до мыса Дежнева. В Западный отряд входили: К. А. Волоссович — начальник отряда, астроном Е. Ф. Скворцов и штабс-капитан корпуса военных топографов Н. А. Июдин. В Восточный отряд под начальством И. П. Толмачева входили капитан корпуса топографов М. Я. Кожевников и астроном-геодезист Э. Ф. Вебер. Общее руководство действиями обоих отрядов осуществлял И. П. Толмачев.

В общем, конечно, такое решение комиссии было правильным, ибо начинать и следовало с совершенно не изученного в гидрографическом отношении восточного сектора Арктики, ибо все прошлые исследования не достигали уровня точности, возможного в XX веке.

Нам представляется необходимым рассказать еще об одном известном каждому человеку, имя которого тесно связано с Дальним Востоком. Вместе с И. П. Толмачевым 3 марта 1909 года выехал в Иркутск и ехал вместе с экспедицией до Нижнеколымска штабс-капитан Георгий Яковлевич Седов, командированный Главным Гидрографическим управлением для гидрографических работ в устье реки Колымы. Советскому читателю и особенно дальневосточникам небезынтересно знать, что выдающийся русский полярный исследователь к тому времени уже не был новичком в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Во время работы в 1959 году в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока в Томске над фондом «Канцелярия Приамурского генерал-губернатора» мне встретилось дело № 707, озаглавленное так: «Об устройстве пароходного постоянного сообщения между Николаевском и рыбалками, расположенными в Амурском лимане». В деле

¹ ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 1, д. 6107, л. 50.

Г. Я. Седов

оказались никому не известные документы, связанные с пребыванием на Дальнем Востоке Г. Я. Седова (частично эти материалы мною опубликованы.— А. А.)¹. С тех пор обнаружен ряд новых материалов, связанных с деятельностью Г. Я. Седова как в этой экспедиции, так и вообще на Дальнем Востоке.

Г. Я. Седов находился на Дальнем Востоке с апреля 1904 по апрель 1907 года. Он служил в Николаевской-на-Амуре крепости в отряде миноносок в должности командира миноноски № 48 и одновременно исполнял обязанности ревизора миного отряда. Кроме того, еще в 1906 году он стал помощником лоцмейстера базы. 29 сентября 1905 года поручик по адмиралтейству Г. Я. Седов послал на имя приамурского генерал-губернатора прошение о дозволении ему организовать пароходное сообщение между Николаевском и рыбалками, населенными пунктами, расположенными в лимане Амура. Не получив в течение более полугода никакого ответа, Г. Я. Седов, ставший к тому времени штабс-капитаном, 12 июля 1906 года обратился к коменданту Николаевской крепости с прошением, в котором развивал идею организации пароходства в лимане Амура, распространив его не только на материковые рыбалки, но и на Сахалин. Он просил единовременную субсидию в 50 тысяч рублей с обязательством выплатить их в течение десяти лет равными долями. 17 октября 1905 года Николаевская городская дума одобрила предло-

¹ Алексеев А. И. Дело № 707.— Тихоокеанская звезда, № 271, 1959, 18 нояб. Хабаровск; Он же.— В кн.: Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 293—296.

жение Г. Я. Седова, и ему был дан надлежащий ход. Поддержал просьбу и комендант крепости. Седов заявлял, что в обеспечение ссуды он выставляет в Полтаве на Загородной улице дом № 33 с участком, который оценивается в 15 тысяч рублей.

Г. Я. Седов не знал, что его проект-прошение из одного ведомства переходил в другое, а 11 апреля 1906 года военный губернатор Приморской области генерал-майор Флуг написал, что такое дело «могло бы организоваться и по частной инициативе и без субсидий от казны». Иными словами, нужен был капитал. 21 сентября 1906 года Седову ответили, что ходатайство «генерал-губернатором не может быть удовлетворено, вследствие полной неопределенности всего этого дела». Ответ уже не застал Седова в Николаевске. В конце 1906 года он отправился в Хабаровск, а оттуда во Владивосток.

Продолжение дела № 707 мы нашли в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота в Ленинграде. Вот о чем говорят эти документы. Директор Морского кадетского корпуса капитан 1-го ранга Русин в октябре 1908 года обратился к штабс-капитану Седову, занимавшему в то время должность помощника начальника гидрографической экспедиции Каспийского моря, с просьбой «дать ему подробные сведения относительно местности, прилегающей к городу Николаевску, для представления в комиссию, занимающуюся решением вопроса, относящегося до г. Николаевска, как военного порта».

В ответ Седов сообщил, что по приказанию командира Владивостокского порта он в 1907 году произвел опись, съемку и промер Пальвинской протоки и съемку мыса Куегда. Рабочие планшеты были 18 июня 1907 года отправлены в Главное Гидрографическое управление и заведывавшему отрядом миноносок и их командами капитану 2-го ранга Кузьмину-Караваеву. В деле сохраняются рабочий и чистовой планы мыса Куегда с нанесенными пирсами и промером глубин около них, со строениями Николаевского порта¹.

Дальний Восток был хорошо знаком Г. Я. Седову. Предприимчивый и энергичный офицер с большим желанием отправлялся теперь с И. П. Толмачевым на Колыму. На севере он также был не впервые: в 1902 году Г. Я. Седов участвовал в работе Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана под начальством А. И. Варнека, исследуя берега юго-западной части Карского моря и остров Вайгач. Начальник экспедиции высоко оценивал способности молодого офицера: «Всегда, когда надо было найти кого-нибудь для исполнения трудного и ответственного дела, сопряженного иногда с немалой опасностью среди полярных льдов, мой выбор падал на Седова, и он исполнял эти поручения с полной энергией, необходимой осторожностью и знанием дела», — писал он впоследствии².

В экспедицию на Колыму Седов попал с Каспийского моря, где слу-

¹ ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, л. 1344, л. 20—20 об., 25, 29, 30.

² Визе В. Ю. Георгий Яковлевич Седов. — В кн.: Русские мореплаватели. М., 1953, с. 318.

жил под начальством известного гидрографа Ф. К. Дриженко. И вот тут выяснилось, что Г. Я. Седов находился под следствием военно-морского суда. Все это — продолжение дела № 707. Из документов видно, что Седов выехал из Николаевска-на-Амуре 7 октября 1906 года «самовольно, не сдав на законном основании должности своему преемнику, выехал из названного города, состоявшего тогда на военном положении, и 18-го того же октября явился во Владивостоке к командиру Сибирского флотского экипажа».

Как сообщал главному военно-морскому судному управлению главный военно-морской прокурор тайный советник Н. Матвеев, следствие показало, «что на совершение означенного проступка штабс-капитан Седов решился с одной стороны вследствие болезни ушей, требовавшей, по удостоверению врачей, госпитального лечения, чего в Николаевске осуществиться не представлялось возможным, а с другой стороны потому, что вновь назначенный ревизором офицер не принимал денежных расписок, выданных штабс-капитану Седову начальником отряда, капитаном 2 ранга Кузьминым-Караваевым, без признания последним этих расписок действительными; между тем, капитан 2 ранга Кузьмин-Караваев находился в отсутствии и мог прибыть в Николаевск лишь после ухода последнего парохода, с которым выехал штабс-капитан Седов».

За этот проступок по законам военного времени Седов подлежал преданию суду, но следствие было назначено уже после того, как он уехал с Дальнего Востока. Пока все это дошло до столицы, обстоятельства сложились таким образом, что Седову во что бы то ни стало надлежало уехать из Петербурга не позже 3 марта 1909 года. Поэтому по ходатайству А. И. Вилькицкого «в виду приведенных совершенно исключительных обстоятельств, а также удостоверенной начальством отличнo-усердной и полезной службы» дело о Седове было представлено суду с просьбой «предать это дело забвению». Царь 2 марта 1909 года утвердил представление. Однако выговор от А. И. Вилькицкого в приказе от 27 ноября 1910 года Седов все-таки получил, но уже за другую историю, связанную с тем, что Седов и мичман Гюбнер, видимо, весьма активно успокаивали разбушевавшегося пьяного матроса, а также за оскорбление, нанесенное Седовым во Владивостоке «коллежскому регистратору Наумову и вольнонаемному записному нижнему чину Скурихину»¹.

В 1909 году, прибыв в Иркутск, астрономы Вебер и Скворцов занялись своим делом, а Толмачев, Кожевников и Седов прилагали все усилия к скорейшему отправлению в Якутск. В значительной мере помогло то, что Толмачев был иркутянином и знал всех в этом городе. 15 марта выехали Волоссович с Иудиным, затем Седов с боцманматом Жуковым, а вечером Вебер со Скворцовым; Толмачев с Кожевниковым выступили на следующий день. С 30 марта по 2 апреля участники обоих отрядов и партия Седова собрались в Якутске, где стали готовиться к дальнейшему путешествию.

Около сорока нарт потребовалось для размещения отрядов и партии

¹ ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 1, д. 571, л. 2, 4, 4а, 5, 11, 12.

Седова. С 4 по 7 апреля все двинулись в путь: сначала отряд Волоссо-вича, за ним — Толмачева и последней — партия Седова. В середине апреля по старому стилю началась оттепель, а с ней и распутица. С нарт перешли на вьюки. 19 и 20 апреля прибыли в Верхоянск Толмачев и Седов. Здесь Седову удалось определить астрономический пункт.

14 мая утром, переправившись почти по воде через Индигирку, а затем и Алазею, Толмачев с Седовым появились в Среднеколымске. Караван оставался позади в ожидании хорошей дороги. В рапорте от 24 мая Седов докладывал в Главное Гидрографическое управление об условиях путешествия, о распутице, погоде, реках, которые пришлось переходить вброд, о многих других обстоятельствах путешествия. В этом же рапорте есть описание Среднеколымска, некоторые данные о гидрологическом режиме реки Колымы. К нему приложен «План рейда города Среднеколымска». Мензуральная съемка штабс-капитана Седова в 1909 году, 22 мая. Масштаб 100 саж. в дюйме. Глубины поставлены на полную воду¹. Вот выписка из этого рапорта: «Город Среднеколымск стоит на левом берегу реки Колымы, около 650 верст от ея устья, имеет около 200 юрт и домов с церковью св. Николая Чудотворца. Жителей насчитывается около 500 душ, среди которых преобладают колымские казаки, затем идут иногородцы и приписанные мещане. Река Колыма вскрылась в ночь с 14 на 15 мая, т. е. как раз в день моего приезда, вследствие чего я дальше двигаться тот час не мог и принужден был остаться до очистки воднаго пути. Во время ледохода было мною несколько раз измерено течение реки, которое в Среднеколымске определилось 4 версты в час. Толщина приносимого льда равнялась 1½ аршинам. Ширина реки против города по произведенной мною съемке оказалась 1 верста и 40 сажен, а наибольшая глубина на среднюю воду по произведенному промеру равняется 8½ сажен. Грунт — ил с дресвой. По словам жителей, вода должна будет к лету упасть сажени на две, таким образом глубину реки на малую воду можно будет считать около 6½ сажен (наблюдения над водой производятся), а ширину около 400 сажен. План произведенной мной съемки и промер рейда города при сем представляю, который за отсутствием книг и таблиц (идут с кладью) не совсем закончен».

Он писал далее, что одновременно «заялся фундаментальным приготовлением карбасов, которые оказались здесь весьма жидкой конструкции» и вскоре приготовил их, не дожидаясь Жукова с кладью. «Одновременно со мной едет и начальник Чукотской экспедиции Толмачев, который так же, как и я, оставил сзади всю свою кладь с капитаном Кожевниковым и астрономом Вебером, и двигается один налегке»².

Труднее приходилось Кожевникову с караваном, где не было и дня без приключений. Однажды сбились с пути и долго ожидали случайной встречи с местными жителями. Перед Среднеколымском ехали почти по сплошной грязи. А когда прибыли в Среднеколымск, то не застали тут начальника, который выехал 25 мая с Седовым на двух лодках в Нижнеколымск.

¹ ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 1377, л. 170.

² Там же, л. 168—169а.

Плавание для Георгия Яковлевича было делом привычным. Он «насколько мог, настроил свой карбас, повысив несколько набойками его борта и снабдив более удобными веслами, а также и небольшим косым парусом, что вызвало на Колыме полную сенсацию»¹. Зато Толмачеву почти постоянно приходилось отливать воду, пока во время стоянки после упорных поисков удавалось обнаружить невидимые глазу предательские отверстия.

По пути Иннокентий Павлович Толмачев производил геологические изыскания на правом берегу реки. Вскоре миновали место, где скончался известный путешественник — геолог И. Д. Черский. 31 мая побывали на его могиле на станции Колымской, напротив устья Омолона. В ночь на 2 июня Толмачев и Седов добрались до Нижнеколымска. Пока они готовились тут к дальнейшим исследованиям, пошли недобрые слухи о судьбе каравана. К счастью, они оказались неверными. Проводив 7 июня Седова на устье Колымы, Толмачев в ночь с 8-го на 9-е встречал наконец-то Кожевникова и Вебера со всем имуществом.

Толмачев двинулся дальше, к поселку Сухарному. Через сутки туда пошли и Кожевников с Вебером. В Сухарном они некоторое время прождали Толмачева, занимаясь разбором имущества и его отбором по принципу «оставить все, без чего можно обойтись». Вскоре прибыл Толмачев. С помощью купца Соловьева он сумел собрать караван лошадей и оленей.

17 апреля Вебер с казаком Домашонкиным отправился к маяку Лаптева, чтобы определить там астропункт, так как с этого места предлагалось начать съемку маршрута. К 28 июня на лодках, лошадях и пешком, когда Вебер уже закончил определения, к маяку добрались все участники в сопровождении местных жителей — ламутов (шестерых мужчин и одной женщины). В этот день и начали работы, направившись вдоль берега к устью реки Медвежьей. По пути туда Толмачев и Кожевников зашли в бухту Амбарчик к Г. Я. Седову, который уже успел в некоторых местах произвести промеры глубин и выставить береговое навигационное оборудование. На утро следующего дня они прибыли на устье Медвежьей, где простояли несколько суток и куда к ним приезжал Г. Я. Седов.

Обрел самостоятельность и Г. Я. Седов с боцманматом Жуковым и семью рабочими-якутами. Его партия в течение лета успешно выполнила намеченную программу — исследовала устье реки Колымы, чтобы выяснить возможность захода в него морских пароходов. Положения береговой черты было теперь недостаточно. Седов произвел промеры глубин устьевой части реки, выяснил направления морского и речного фарватеров, определил глубины на барах. Ему удалось выяснить, что река каждый год выдвигает бар все дальше и дальше, мористее — за год в среднем на сто метров. Составленные им карты хорошо и надежно послужили мореплавателям.

Сохранилось много рапортов Г. Я. Седова, переписка его с Главным

¹ Толмачев И. П. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб., 1911, с. 33.

Гидрографическим управлением. Нашли мы и план бухты Амбарчик, а также и залива Медвежий, на котором исправлено положение реки Медвежьей. Заслуживает внимания рапорт Седова о собранных им сведениях о наличии якобы на реке Березовой каменного угля. Для входа и выхода в реку Медвежью им были выставлены и определены входные створы¹.

Наряду с промерными работами Георгий Яковлевич определил на устье реки астрономические пункты и произвел магнитные наблюдения, собрал образцы минералов и каменного угля, привез чучела птиц. Русское Географическое общество и Академия наук положительно оценили научно-исследовательскую деятельность Седова. Сам же он, подводя итоги экспедиции, писал: «Надо думать, что русское торговое мореплавание к берегам Колымы не замедлит развиться на общую пользу дела, тем более, что наблюдения за погодой и льдами показали, что плавание в этой части Ледовитого океана для морских судов возможно в течение по крайней мере около двух месяцев»².

Он оказался прав. Еще до революции в устье Колымы пришли грузовые пароходы, а подлинное осуществление заключений Седова стало возможно только в советское время. В 1910 году Седов возвратился из экспедиции в Петербург, а уже на следующий год работал на Новой Земле, где производил съемку Крестовой губы. Прямолинейный его характер привел к тому, что и тут он имел неприятности с Архангельским генерал-губернатором, в результате трений с ним получил еще выговор от А. И. Вилькицкого. Затем он организовал всемирно известную экспедицию к Северному полюсу и погиб на пути туда 5 марта 1914 года на мысе Бророк Земли Франца-Иосифа.

Между тем жизнь экспедиции И. П. Толмачева вошла в походный ритм. Только вот, как отметил Кожевников, «движение мы никак не могли наладить так, чтобы становиться на ночлег вечером, а пораньше утром двигаться дальше. Всегда выходило наоборот. Конечно, при непрерывном дне это особого значения не имело, но получалось какое-то особенное распределение времени»³. Обычно Толмачев и Кожевников двигались по берегу: первый с оленями — верхом, а второй — на нартах, часто шли просто пешком. Вебер же с караваном ехал по наиболее легкому пути. Так, без особых трудностей, если не считать обходы выдающихся в море каменистых мысов-утесов, путешественники 12 июля прибыли на реку Большую Бараниху. Большой Баранов нос на расстоянии десяти верст пришлось огибать по сплошной каменистой осыпи.

По-прежнему плохо было с оленями. Чукчи даже за самые большие деньги неохотно одалживали их в летнее время. Они сами не любили путешествовать летом и очень удивлялись, почему русские не отложат свои дела на зиму, когда ехать и легко, и приятно, и быстро. Толмачев

¹ ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 1377, л. 197а—197в, 214—214 об., 219, 221, 222, 223, 224, 225, 228, 262—262 об., 283.

² Седов Г. Я. Путешествие на Колыму в 1909 г.—Записки по гидрографии. Пг, 1917, т. 41, вып. 2, с. 37.

³ Кожевников М. Я. Чукотская экспедиция 1909—1910 гг. Л., 1934, с. 7—8.

узнал от проводников, что на Чаун есть прямая дорога, более близкая, чем вдоль берега, и что с оленями на острове Айон еще хуже, и что до него гораздо дальше, чем показывает карта, и решил разделить экспедицию на два отряда. Весь караван с оленями и половиной лошадей во главе с Вебером отправился в путь прямо через тундру, к устью реки Чаун, к Чаунской губе, где должны были быть заготовлены продукты и товары для меновой торговли. А Толмачев с Кожевниковым в сопровождении переводчика и казака Шкулева с тремя вьючными лошадьми продолжили путь вдоль берега, производя полуинструментальную съемку и астрономические определения, а также и геологические изыскания.

Толмачев определил астропункты на острове Айон и на западном берегу Чаунской губы. Отклонения от маршрута чаще всего были связаны с невозможностью переправиться через речки, которые иногда приходилось обходить почти на всем их протяжении. Эти многочисленные речки образуют в устьях настолько большие наносы, что бывало затруднительно показать истинную береговую черту и приходилось помечать ее на карте пунктиром, то есть приближенно.

Путешественники почувствовали твердую почву под ногами в конце июля, когда подошли к горе Каин, где горы расположены ближе к берегу, становятся скалистыми, а речки — более мелкими и быстрыми. Пройдя горы, путники встретили чукчей. В одном из стойбищ чукча Еманька с пасынком охотно согласился проводить отряд к устью Чауна. «Благодаря им, речки, впадающие на южном берегу Чаунской губы, были нам совершенно не страшны, как и сам Чаун, впадающий несколькими крупными устьями. Чукчи отыскивали нам броды, где они были, или помогали нам перевозить груз, следили за мной, когда я, осматривая обнажения в крутых берегах, обходил скалистые мысы морем вброд, помогали на таборе при остановке на ночлег и при движении дальше — словом, вели себя, как участники экспедиции и притом совершенно бескорыстно, если не считать, что я их кормил и поил»¹.

К удивлению путешественников, на складе не оказалось обоза, посланного прямым путем. В ожидании его — а ждать пришлось целую неделю — Толмачев и Кожевников готовились к зимнему путешествию. Чукча Еманька согласился сопровождать их на байдаре к Шелагскому мысу. Он же стал подбирать и приобретать байдары. Прибывший Вебер объяснил опоздание саботажем проводников и казака Домашенкина, с которым немедленно здесь же и расстались. Все коллекции и научные наблюдения были погружены на две байдары. На них 19 августа отправился морем Вебер, а Толмачев и Кожевников ехали по берегу на лошадях.

Погода стояла отличная. Кожевников с успехом вел съемку. 2 сентября отряд подошел к мысу Шелагскому. У реки Янрагайвеям Вебер сложил доставленные грузы и отправился на байдаре в обход мыса с моря в надежде прийти к устью реки Верконь или реки Койвеям. Кожев-

¹ Толмачев И. П. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб., 1911, с. 57.

ников же с переводчиком начал съемку мыса, того самого, что доставил столь много хлопот мореходам и исследователям XVII, XVIII и даже XIX веков. Вот как описал Шелагский мыс топограф Кожевников: «Этот мыс, площадью около 30 кв. км, представляет собой полуостров, высотой около 200 м, отделившийся длинным, низким седлом от общего массива. Своим видом полуостров напоминает первый сустав большого пальца руки, расположенный в горизонтальном положении, и лежит несколько севернее 70° с. ш. На всем протяжении океанского берега от р. Колымы до Берингова пролива мыс этот наиболее выдается в океан и служит правым входным мысом в Чаунскую губу. Вся поверхность мыса представляет собою осыпь громадных камней разной формы объемом до 100 куб. м, нагроможденных друг на друга в хаотическом беспорядке. Во многих местах по таким камням ходить было совершенно невозможно, а приходилось карабкаться то вверх, то вниз, а большей частью ползти»¹.

Исследования мыса продолжались до середины сентября, а с 20-го числа уже образовался прочный береговой припай, и по нему можно было передвигаться. Теперь предстояло путешествие на собаках с чукчами, которые никогда и никуда не спешили. В результате с реки Верконь удалось уйти лишь 8 октября, когда замели метели и практически исчезла возможность астрономических определений. Кожевников отморозил пальцы, и съемку маршрута продолжил Вебер.

Когда добрались до мыса Рыркарпий (Северный), то решено было, что Кожевников с двумя провожатыми возвратится. И после того как 27 октября съемка этого мыса была завершена и появились на карте утесы Кожевникова и Вебера, экспедиция разделилась: Кожевников уехал, а Толмачев и Вебер продолжали маршрут. Кожевников же, с которым отправили все коллекции, попал в непогоду, долго отсиживался на Шелагском мысе и лишь в первой половине января 1910 года сумел возвратиться в Нижнеколымск.

А освоивший новую специальность Вебер успевал за сутки снимать и по 30—40 верст. Останавливались только для того, чтобы наблюдать очередной астропункт. 11 ноября Толмачев и Вебер прибыли к мысу Сердце-Камень, проехав мыс Ванкарем, побывав на острове Колючин и заглянув на место зимовки судна А. Э. Н. Норденшельда «Вега». На мысе Сердце-Камень наблюдали лунное затмение. Здесь же узнали, что к мысу Дежнева приходил транспорт «Шилка» за экспедицией, как это и было предусмотрено планом. Не найдя путешественников у этого мыса, транспорт возвратился во Владивосток. Путешественники прибыли к восточной оконечности Азии только 19 ноября, причем чукчи моментально ушли. А Толмачев, Вебер и сопровождавшие их переводчики прожили в гостеприимных русских домиках до 5 декабря: отдохнули, наняли проводников, купили собак и тронулись в обратный путь — надо было или зимовать на мысе Дежнева или возвращаться в Нижнеколымск.

В обратный путь выехали налегке 6 декабря. Наблюдениями занима-

¹ Кожевников М. Я. Чукотская экспедиция 1909—1910 гг., Л., 1934, с. 10.

лись от случая к случаю, выезжали задолго до рассвета, ехали по знакомым местам, встречая чукчей в их стойбищах как хороших знакомых. На мысе Рыркарпий не оказалось собак, которых должен был оставить Кожевников. Подождав некоторое время, Толмачев двинулся один вперед, оставив Вебера в чукотском стойбище с частью груза и пообещав прислать за ним собак с Шелагского мыса. Но так же, как и Кожевников, Толмачев надолго застрял на Шелагском мысе, голодал там, и в конце концов, сообщив обо всем Веберу, рекомендовал ему возвратиться к мысу Дежнева и ждать парохода из Владивостока. А сам он, встретив в феврале в Среднеколымске Кожевникова, проделал с ним путь до Петербурга, куда и прибыли оба 3 апреля 1910 года. Вебер же приехал туда из Владивостока в августе.

Толмачев, как геолог, естественно, больше всего уделял внимания геологическим вопросам, но не оставлял он в стороне и физико-географические особенности Чукотки: «На всем своем протяжении «Чукотская земля», как в свое время называлась часть северо-восточной Сибири к востоку от Колымы, отличается большим однообразием как физико-географических особенностей, так и геологического строения, а равно жизни и населения. Это горная страна, понижающаяся в общем к западу — к Колыме и к северу — к Ледовитому океану, но повышающаяся в глубь страны и к востоку — до высот, достигающих 2000—3000 фут. Горы, однако, редко подходят к самому берегу, а обыкновенно отделяются от океана, наносной более или менее низкой полосой в несколько верст шириною, которая время от времени прерывается каменными выступами-отрогами, отходящими от горной страны к океану то в виде величественных гор, то небольших отдельных утесов, то, наконец, в форме невысоких же скалистых берегов, тянущихся на значительное пространство»¹.

Главными результатами экспедиции стали съемки береговой черты от устья Колымы до мыса Чаплина и от устья Большой реки до устья Чауна, через горы, к западу от Чаунской губы, в масштабе один дюйм — пять верст. Съемка опиралась на 24 астрономических пункта, определенных также участниками экспедиции. Вместе со съемкой определяли магнитное склонение, вели и метеорологические наблюдения, частично — и гидрологические, а также геологические исследования. Экспедиция И. П. Толмачева — одна из немногих, которой удалось пройти все северное побережье Чукотки и нанести его на карту. Известный полярный исследователь Г. Я. Седов причастен к этим событиям.

Экспедиция И. П. Толмачева по Чукотскому побережью была частью общего плана исследовательских работ на востоке страны, связанного с неоднократными рейсами «Таймыра» и «Вайгача» в восточный сектор Арктики, которые входили в программу исследования Северного морского пути. По сути дела гидрографические исследования были решающими при организации сквозного плавания по всей трассе Северного морского пути. При этом исторически сложилось так, что ранее эти ис-

¹ Толмачев И. П. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб., 1911, с. 88.

следования вели в направлении с востока на запад. Вызвано это было тем, что западный участок пути был изучен значительно лучше восточного. В 1893 году «Фрам» Ф. Нансена обогнул мыс Челюскина и дошел до острова Котельного. В 1901 году весь западный участок Северного морского пути прошла яхта «Заря» Э. Толля. О более ранних исследованиях, и в том числе о плаваниях в устье Оби и Енисея Виггинса и Норденшельда по всей трассе Северного морского пути, мы подробно не будем говорить.

К востоку же от Лены и особенно от Колымы места практически оставались неизученными. Немаловажно и то обстоятельство, что еще в ходе русско-японской войны 1904—1905 годов рассматривался вариант отправки на Дальний Восток Второй Тихоокеанской эскадры не южным путем, вокруг Африки, а Северным морским путем. Поражение России, потеря русского флота при Цусиме, заставили царское правительство с еще большим вниманием отнестись к Северному морскому пути, признавая его важное стратегическое и экономическое значение. Д. И. Менделеев весьма образно выразил общественное мнение России того времени: «Если бы хотя десятая доля того, что потеряли при Цусиме, была затрачена на достижение полюса, эскадра наша, вероятно, прошла бы во Владивосток, минуя и Немецкое море, и Цусиму»¹.

Главное Гидрографическое управление, во главе которого вначале стоял А. И. Вилькицкий, а затем М. Е. Жданко, разработало широкий план исследований Северного морского пути. Предполагалось построить 16 гидрометеорологических станций и образовать два отряда из двух судов каждый. Но затем программа была значительно урезана, а вместо двух отрядов был создан один в составе ледокольных пароходов «Таймыр» и «Вайгач», построенных в Англии и перешедших южным путем во Владивосток, избранный базой экспедиции. К уже высказанным соображениям в пользу такого выбора добавлялась необходимость наладить снабжение северных районов Дальнего Востока и одновременно помешать хищническому промыслу иностранцев в русских водах, экономическому проникновению американцев и англичан в районы северо-востока Азии. Начальником экспедиции был назначен полковник корпуса гидрографов Иван Семенович Сергеев, его заместителем стал командир «Таймыра» Борис Владимирович Давыдов.

Командирами кораблей в различные годы были Б. В. Давыдов, Ф. А. Матисен, А. В. Колчак, Б. А. Вилькицкий, К. В. Ломан.

В первый свой рейс корабли вышли 17 августа 1910 года, заходили в Петропавловск-Камчатский, затем в бухте Провидения пополнили запасы угля, который доставил сюда специально для экспедиции пароход «Аргунь». Сразу же за мысом Дежнева, милях в 30 западнее него, в Чукотском море путешественников встретили тяжелые льды. Постоянно мешала пурга, затруднявшая наблюдения. Офицер «Таймыра» Г. Л. Брусилов и в этих условиях сумел построить недалеко от Уэлена навигационный знак и попробовал вести съемку, но безуспешно — мешали снегопады.

¹ Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954, с. 334.

Время шло к осени, полыньи затягивало льдом, и пароходы 21 сентября отправились во Владивосток и прибыли туда 20 октября. Ни о каких научных результатах этого плавания говорить не приходилось. Говорить можно было лишь о рекогносцировке, разведке условий плавания в этих районах.

22 июля 1911 года пароходы вновь вышли в море. По-прежнему в бухте Провидения были пополнены запасы угля и воды. 13 августа прошли Берингов пролив и благополучно шли вдоль побережья до устья реки Колымы, производя опись берега, собирая материалы по лощи, меряя глубины, беря пробы грунта, проводя драгирование. У Шелагского мыса, впервые в этих местах, офицеры «Вайгача» произвели гидрологический разрез в северном направлении. 21 августа оба парохода сели на неизвестную мель, но сумели удачно с нее сойти. 23 августа экспедиция оказалась у устья Колымы — конечного пункта работ, намеченных на 1911 год.

На обратном пути, от мыса Биллингса, «Вайгач» направился к острову Врангеля, а «Таймыр» продолжал идти к мысу Дежнева. Плавание «Вайгача» было на редкость удачным: ему удалось впервые обогнуть остров с севера, подробно описать его, определить на острове недалеко от мыса Блоссом астрономический пункт, сделать гидрологический разрез от острова до материка и от материка до мыса Хоп на американском берегу. Отсюда «Вайгач» направился к мысу Принца Уэльского, а от него — к мысу Дежнева, где его уже поджидал «Таймыр». Было 8 сентября. Во Владивосток суда возвратились 15 октября 1911 года, произведя съемку берега от мыса Дежнева до устья Колымы, сделав опись береговой черты острова Врангеля, определив 11 астрономических пунктов, произведя 2900 измерений глубин, сделав ряд магнитных наблюдений и собрав коллекцию морских животных и животных прибрежной зоны.

Целью плавания пароходов в следующем, 1912 году было описание берега и изучение трассы Северного морского пути до устья реки Лены. Из Владивостока вышли 31 мая. Так как входить в Чукотское море было еще рано, то «Вайгач» занялся описью некоторых участков Командорских островов, а «Таймыр» делал то же самое у берегов Камчатки. Соединившись 2 июля в бухте Провидения и пополнив тут запасы, пароходы направились на запад. В Восточно-Сибирском море была произведена опись Медвежьих островов, которым были даны названия в честь первых исследователей — острова Лысова, Пушкарева, Леонтьева и Андреева. Описали также острова Крестовский и Четырехстолбовой, названные еще Ф. П. Врангелем. В середине августа пароходы прибыли в тогда совершенно пустынную бухту Тикси. Здесь, на берегу, лежала покинутая яхта «Заря».

Программа этого года была успешно выполнена, и пароходы могли уходить во Владивосток, но благополучно складывавшаяся ледовая обстановка позволила продолжить плавание на запад. 15 августа пошли к полуострову Таймыр. Суда достигли 75° северной широты и находились в 150 милях от мыса Челюскин. Девять суток люди боролись с не-

погодой и тяжелыми льдами — очень уж хотелось обойти мыс Челюскин: впереди брезжила возможность пройти по всей трассе Северного морского пути за одну навигацию. Но этого не случилось. Погода не улучшалась, и И. С. Сергеев приказал возвращаться. 10 сентября суда прошли Берингов пролив, а возвратились во Владивосток через месяц, 10 октября.

В течение плавания 1912 года на каждом пароходе проводили описание побережья и делали промер глубин. На одном лишь «Таймыре» взяли 6050 глубин, произвели опись побережья на протяжении двухсот миль, определили 12 астрономических пунктов. Метеорологические наблюдения производили на ходу четыре раза, а на якорь — три раза в сутки; каждый час измеряли температуру воды, а через каждые четыре часа определяли ее удельный вес. Траление и драгирование, произведенные на «Таймыре» в 36, а на «Вайгаче» в 50 пунктах и сбор различных животных на берегу дали возможность составить богатую и редкую коллекцию, которая была отправлена в Зоологический музей Академии наук. В результате работы экспедиции в 1912 году морской путь от Берингова пролива до устья реки Лены был описан и положен на карту. Это стало великой победой русских моряков на севере Дальнего Востока¹.

При подготовке плавания 1913 года произошли некоторые изменения в командном составе экспедиции. Б. В. Давыдов 25 марта 1913 года был назначен начальником Гидрографической экспедиции Дальнего Востока. Заместителем к И. С. Сергееву прислан был сын А. И. Вилькицкого Борис Андреевич Вилькицкий. Транспорты «Таймыр» и «Вайгач» отправились в новое плавание утром 26 июня 1913 года из Владивостока. И. С. Сергеев находился на «Вайгаче», а его заместитель Б. А. Вилькицкий на «Таймыре».

В программу работ экспедиции на этот год кроме исследований в Северном Ледовитом океане первоначально входила опись части восточного побережья Камчатки и некоторые работы в Анадырском лимане. Но поскольку выход транспортов был по техническим причинам задержан во Владивостоке на два месяца, эти задания снимались и имелась в виду единая цель — продолжить исследовательские работы в восточном секторе Арктики и, если возможно, обогнуть мыс Челюскина.

28 июня суда вышли через пролив Лаперуза в Охотское море, а 30-го Четвертым Курильским проливом — в Тихий океан. Вечером 1 июля стали на якорь в Раковой бухте Авачинской гавани, близ Петропавловска-Камчатского. 7 июля отправились дальше и вскоре достигли бухты Эмба, где встретили транспорт «Аргунь» с углем, маслом, водой и тремя быками. Двое суток грузились, по сорок тонн угля приняли на палубы, почистили котлы. 11 июля тяжело заболел генерал-майор корпуса гидрографов И. С. Сергеев — кровоизлияние в мозг и паралич левой половины тела. Пришлось срочно идти в Анадырь и сквозь льды пробираться к селению. 20 июля на запрос Сергеева по телеграфу от начальника

¹ Старокадомский Л. М. Экспедиция на «Таймыре» и «Вайгаче». — В кн.: Русские мореплаватели. М., 1953, с 356.

Б. А. Вилькицкий. Получено от Б. Г. Масленникова

Главного Гидрографического управления ему было приказано возвращаться во Владивосток, а начальником экспедиции становился Б. А. Вилькицкий. Сергеев же перебрался на «Аргунь».

После всего происшедшего транспорты продолжили плавание. 25 июля они находились у мыса Дежнева. Здесь подновили крест в честь отважного морехода и казака, поставленный Приморским генерал-губернатором П. Ф. Унтербергером. Затем суда разошлись: «Таймыр» продолжал путь вдоль берега, а «Вайгач» пытался обогнуть остров Врангеля. Но это ему из-за тяжелых льдов на сей раз не удалось, и он, высвободившись из ледового плена, подошел к острову Четырехстолбовому. «Таймыр» же пришел в Чаунскую губу и впервые сделал в ней промер.

Встреча судов произошла 3 августа, и было решено, что «Таймыр» пойдет на север для гидрологических исследований, а «Вайгач» — на запад, чтобы пополнить промер глубин вдоль берега. Море было почти свободно ото льда. Долго пришлось «Таймыру» искать выход с мелководья у Новосибирских островов, а когда 7 августа это удалось, увидели на горизонте остров, который теперь известен под именем острова Вилькицкого — он был назван в честь А. И. Вилькицкого. Высаженная на остров партия водрузила на вершине русский флаг, а у основания флагштока оставила записку с сообщением о дне открытия острова, его названии и присоединении к России.

8 и 9 августа «Таймыр» проходил мимо предполагаемой Земли Санникова, которую впервые увидел за сто лет до мореплавателей купец Яков Санников, а затем в 1885 году Э. В. Толль. Признаков земли не усмотрели, хотя приблизились к ней больше, чем предшественники. Горизонт был чист, льда не видно. После встречи с «Вайгачом» у острова

Преображения и выполнения еще некоторых работ оба транспорта пошли далее, к мысу Челюскина, производя опись залива Фаддея и северо-восточного берега полуострова Таймыр. Суда снова соединились под вечер 19 августа в сорока милях от мыса Челюскина.

А на следующий день, 20 августа, «стали разбирать на горизонте какая-то крупная ледяная образования, но, подойдя ближе, увидели, что это полоса земли. Сейчас же пошли ее описывать: «Вайгач» с юга, а «Таймыр» с востока и с севера. Удалось снять около 25 миль береговой черты острова...»¹. Так была открыта Северная Земля. 22 августа перед строем участников экспедиции на флагштоке был поднят русский флаг и объявлено о принадлежности этих островов России. Команде было выдано по чарке, устроен праздничный обед.

Обратный путь оказался очень тяжелым. Приходилось неоднократно помогать друг другу обкалывать лед. Но перед тем, как было принято решение возвращаться, пытались еще и еще раз идти вперед. И вскоре оказались в сплошном льду — лишь за кормой виднелась полоска битого льда. И несмотря на то, что на сей раз мыс Челюскина удалось обойти, приходилось возвращаться назад. Путь был трудным. Пробившись к острову Беннетта, разыскали на нем коллекцию минералов и каменного угля, оставленную тут экспедицией Э. В. Толля. Были описаны острова Беннетта и Жаннетты.

Во время гидрологических исследований погиб кочегар Владимир Беляк. Его похоронили на берегу Колючинской губы близ астрономического пункта, определенного еще М. Е. Жданко. Одновременно произвели обследование Колючинской губы. 22 сентября транспортам удалось выбраться из Ледовитого океана и пройти Берингов пролив. Но в это время начался шторм, лопнул штуртрос, и «Таймыр» перестал слушаться руля, качка же доходила до 59°. С трудом удалось перейти на ручное управление, и пароходы разлучились.

К следующей ночи «Таймыр» добрался до бухты острова св. Лаврентия. «Вайгач» подошел туда на следующий день. Решено было отсюда идти в Михайловский редут на Аляске, основанный в 1833 году М. Д. Тебенковым и называвшийся Сен-Михэль, где моряки встретили роту американских войск. В поселке была школа иезуитов-миссионеров, католическая церковь, две больницы. Посреди селения, за оградой, стоял православный храм и два пустых русских домика: один — псаломщика, другой — священника. «Православные эскимосы и потомки русских, — докладывал Б. А. Вилькицкий, — обратились ко мне с просьбой хлопотать о возвращении им священника, который уехал в прошлом году. Американцы подарили экспедиции старую русскую пушку. Мы подновили и покрасили нашу церковь»².

Приняв уголь, почистив котлы, исправив мелкие повреждения и поломки, моряки простились с гостеприимными русскими американцами и 5 октября взяли курс на Петропавловск, куда пришли 14 октября. С Кам-

¹ Отчет Б. А. Вилькицкого, ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 1, д. 691, л. 4.

² Там же, л. 7 об.

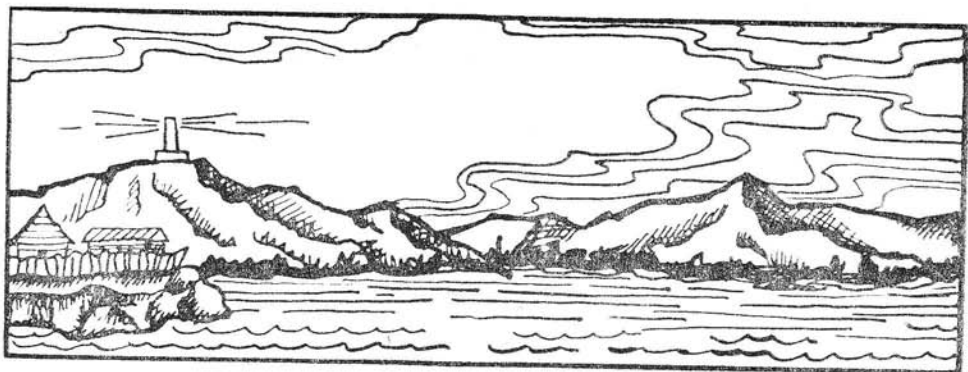

А. Н. Жохов. Получено от С. В. Попова

чатки ушли 4 ноября и завершили путешествие во Владивостоке 12 ноября. За время экспедиции было пройдено 13 000 миль, «непрерывно, кроме специальных описных работ, велись метеорологические и гидрологические наблюдения, где нужно определялись астрономические пункты и вместе с ними склонение магнитной стрелки, делались гидрологические разрезы и биологические станции; при всяком съезде на берег производились сборы насекомых и других животных, а также растений и образцов горных пород. Кроме того, старались коллектировать (коллекционировать.— А. А.) встречающихся млекопитающих и птиц. В международные дни исследования высоких слоев атмосферы старались принять участие и в этом деле»¹.

В 1914—1916 годах «Таймыр» и «Вайгач» сумели совершить сквозное плавание по всей трассе Северного морского пути. Недалеко от острова Вилькицкого был открыт еще один остров, названный именем лейтенанта А. Н. Жохова. Многолетние работы этой крупнейшей экспедиции привели к тому, что уже с 1911 года стали осуществляться Колымские экспедиции, то есть из Владивостока на Колыму поставляли необходимые грузы, а отсюда — товары местного производства (меха, моржовый клык, продукты морских промыслов и т. д.). Все это стало возможным в значительной степени благодаря результатам рассмотренных в этой главе исследований северо-востока Азии. Навигационные и другие карты, составленные по материалам этих экспедиций, надежно и долго служили людям.

¹ Отчет Б. А. Вилькицкого. ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 1, д. 691, л. 7 об.

Глава одиннадцатая

БЕРЕГОВАЯ ЧЕРТА УТОЧНЕНА

Любая дальневосточная экспедиция, чем бы она ни занималась, что бы ни изучала, все равно вносила свой сильный вклад в уточнение карты Дальнего Востока, так как каждая вела съемку маршрута. А когда маршрут шел вдоль берега моря, на маршрутной карте появлялся заново снятый кусочек береговой черты.

Об экспедициях на Сахалине, организованных Геологическим комитетом¹, а также об экспедиции К. И. Богдановича и Н. В. Слюнина², уже есть публикации, поэтому остановимся на тех моментах деятельности К. И. Богдановича, которые не получили широкой известности. Несмотря на то, что целью Охотско-Камчатской горной экспедиции было изучение края в экономическом отношении, в частности изучение его золотоносности, результаты ее переросли рамки инструкции. Этому в значительной мере способствовало участие корпуса флотских штурманов штабс-капитана Николая Николаевича Лелякина, производившего астрономические, геодезические наблюдения и топографическую съемку.

Экспедиция сформировалась в Николаевске-на-Амуре и в Аяне. Богданович с супругой и Лелякин прибыли в Николаевск 1 октября 1895 года. Члены экспедиции должны были до Аяна добираться на собаках и на оленях. Поэтому до середины января 1896 года готовили корм и развозили его в те пункты, куда предполагали направиться. Но в конце концов были оформлены две партии и куплено 87 оленей, а от собак пришлось отказаться.

¹ Алексеев А. И. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX — начало XX в.). М., 1976, с. 83—84.

² Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 279—290.

Пребывание в Николаевске прошло в непрерывных разъездах по краю¹. Лелякин с 11 по 17 октября произвел мензульную съемку левого берега Амура от Николаевска до мыса Табах, затем нивелирование мест, избранных Богдановичем под шурфы, вел многочисленные астрономические наблюдения для определения астропунктов в Николаевске. 23 ноября Богданович и Лелякин на собаках выехали вверх по Амуру на озеро Орель, производя по пути мензульную съемку, и возвратились 5 декабря. С 7 по 23 декабря подобным же образом была совершена поездка к селению Коль.

6 января 1896 года Богданович и Лелякин отправились в Чумикан, откуда намеревались сделать несколько маршрутов и затем идти в пункт сбора экспедиции, в Аян. Езда по глубокому снегу, доходившему до двух сажени, оказалась очень трудной для оленей, и путешественники пожалели, что отказались от собачьих упряжек. Вскоре пришлось надеть лыжи. Морозы стояли трескучие, временами температура доходила до 45 градусов (по Цельсию). На пути в Чумикан делали длительные стоянки на берегу озера Орель в стойбище Кульча, в урочище реки Обкаль на берегу залива св. Николая, в устье реки Джаурека и на урочище в устье реки Ал. Когда пришли 12 февраля к мысу Чумикан на устье реки Уды, то недосчитались 17 оленей.

Удской острог, располагавшийся в 90 верстах от устья, был почти покинут и заброшен, а жители обитали в поселке Чумикан. Его и избрали базой для дальнейших путешествий. Больше недели ушло на отдых и подготовку, обработку маршрутной съемки, а затем снова поездки: с 24 февраля по 4 марта — в Удской острог, с 14 марта по 1 апреля — на реку Нелькан, с 26 апреля по 25 мая — путешествие вверх по Уде до деревни Борисовки, а с 1 июня по 20 июня — плавание на шлюпке вдоль берега Охотского моря до мыса Тыльский.

Не всегда Богданович и Лелякин путешествовали вместе. Несколько раз Богданович с супругой углублялся в горы, побывав на Бурукане, Маймасыне, в отрогах Альского хребта. Во время этих разведок удалось обнаружить лишь пылевые признаки золота, но зато вполне ознакомиться с геологическим строением района. За семнадцать суток в апреле, пройдя пешком более четырехсот верст по горам, путешественники добрались до водораздела — хребта Джугджур и благополучно возвратились 1 мая в Чумикан, успев к тому же принять участие в плавании по Уде и по Охотскому морю.

25 июня караван из 80 оленей (из них 63 вьючных) с хорошими проводниками отправился из Чумикана в Аян. В пути производили топографическую съемку маршрута, вели астрономические наблюдения, наблюдения над погодой и геологические исследования на устье реки Нелуй, на реке Куруль-Урак, на реке Лантар. «Дорога, — записал Лелякин, — была очень трудная, большие заросли кедровника и разных деревьев, приходилось прочищать для оленей дорогу»². Все время шли пешком.

¹ Все маршруты, проходившие с участием Н. Н. Лелякина, излагаются по его справке, сохранившейся в ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 821, л. 15—18 об.

² ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 821, л. 15 об.

В итоге путешествие затянулось, и только 27 июля прибыли в Аян. Тут Богданович и Лелякин встретили Слюнина, горного инженера С. П. Кишенского — заместителя начальника экспедиции, штейгеров, рабочих, которые ожидали их в Аяне целый месяц, прибыв сюда на транспорте «Якут» 27 июня.

До октября экспедиция оставалась в Аяне. Геологи совершали маршруты в отроги хребта. Их часто сопровождал Лелякин. Он же на основании многих наблюдений определил в Аяне астропункт. Слюнин, которому «предоставлено было право самостоятельных разъездов и отдельной зимовки, если это казалось необходимым»¹ для его специальных работ, плавал на лодке и ходил пешком вдоль и по побережью на север до залива Алдома и на юг — до реки Лантар, занимаясь географией, этнографией и наблюдениями за погодой.

В октябре экспедиция морем перебазировалась в Охотск. Отчаявшись дожждаться парохода, предполагали переехать туда берегом на оленях, но не удалось собрать столько оленей — хватило их только на то, чтобы отправить имущество. А сами участники экспедиции долго сидели в Аяне и в буквальном смысле ждали у моря погоды. Никакой оказии не появлялось, и когда пришел немецкий пароход «Клара», то даже баснословная сумма — 2050 рублей, которую запросил капитан за переброску членов экспедиции с багажом в Охотск, не остановила начальника. Все плавание длилось с 7 по 10 октября.

Месяц, проведенный в окрестностях Охотска, был максимально насыщен разъездами по рекам Кухтую, Охоте, Улье, Ине. Лелякин сделал съемку берега от Охотска до Марекана. Не оправдались надежды Богдановича на удачу — признаков золота не обнаружили. В своем труде Слюнин посвятил всю вторую главу географическому очерку Охотского побережья от Удской губы до Пенжины. В ней рассмотрены вопросы общегеографические, изложена история исследования, описаны хребты, плоскогорья, реки, озера, бухты, острова, уделено внимание описанию приливо-отливных явлений, образованию баров в устьях рек и так далее. Сопоставив материалы предшественников с собственными наблюдениями, Слюнин нарисовал орографическую картину побережья Охотского моря от устья реки Уды до Охотска.

Действовавшего по особому плану Слюнина 13 октября проводили в далекий путь на собаках — на Камчатку через Гижигу, а сами пошли на юг, снова в Аян. 24 ноября добрались до Ульи, затем пошли вверх по этой реке: «обстоятельства пути, — отметил Лелякин, — очень неблагоприятные, дул сильный ветер и мороз был от 45° до 52° Ц. Снегу на реке совсем не было, так с оленями было очень трудно справляться, да и самих тоже несло по льду». И все же: «По дороге до Аяна сделана была съемка всего пути и астрономические наблюдения» на левом берегу реки Ульи у речки Малый Углекан, на реке Ниакалн, на реке Кохр, в заливе св. Феодора на мысе Мугдосин².

¹ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. СПб., 1900, т. I, с. VII.

² ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 821, л. 16.

Измученные и обмороженные путешественники не пришли, а прилеплились 6 января 1897 года в Аян. В записях нет упоминания, как и где они встречали Новый год — об этом можно лишь догадываться. В Аяне отдыхали совсем недолго. В записке Лелякина упомянуто, что уже 9 и 14 января он производил астрономические определения, а с 7 по 24 января приводил в порядок материалы съемок, астрономических определений и свои записки.

В очерке Богдановича также можно найти сведения о том, что вскоре начались экскурсии в окрестности поселка, шурфовка на золото в долине реки Лантар (с 14 февраля по 10 марта) со съемкой местности и маршрутов. Была произведена мензульная съемка Аянской бухты (с 4 марта по 10 июня) с зимним промером. Снят участок берега до реки Улькан, а также долина реки Ую и бассейн реки Алдома. Когда подошло лето, стали думать, что делать дальше, распределили обязанности. «Лично моя работа, — писал Богданович, — на этой стороне моря заканчивалась; теперь только разведочная партия должна была выяснить запасы золота на указанных ей местах... Мне же предстояло переехать на Камчатку, чтобы продолжать там геологические исследования и первые поиски золота»⁴.

Для переброски экспедиции на Камчатку из Владивостока 6 июля пришел крейсер «Забияка». И тут последовало неожиданное заявление Кишенского, который должен был завершать разведочные работы в Аяне, о том, что он по семейным обстоятельствам покидает экспедицию. В связи с таким оборотом дела Богдановичу пришлось отказаться от дальнейших работ в районе Аяна, а прибывший для разведочной партии груз оставить в Аяне на попечение местных властей. После разгрузки «Забияка» пошел в Удскую губу, намереваясь побывать на Шантарских островах. Но уже в сорока милях от Аяна встретили сплошной лед. Командир крейсера не мог рисковать, и Богдановичу пришлось отказаться от работы на Шантарских островах и идти в Сигланскую бухту, где и была проведена шурфовка и выполнена мензульная съемка. 20 июля Богданович, его супруга, Лелякин и сопровождающие их казаки ступили на землю Камчатки, высадившись в устье реки Тигиль. «Забияка» сразу же ушел в Петропавловск за топливом.

Вскоре в Тигиль приехал и доктор Слюнин. Он совершил с 15 ноября 1896 года по 5 апреля 1897 года трудное путешествие по берегу Охотского моря — от Охотска до Петропавловска, делая разезды в сторону, в глубь материка и Камчатки, переваливал трижды через Камчатский хребет. В апреле — мае Слюнин изучал рыбные промыслы в Авачинской губе, в июне перебрался в Усть-Камчатск, оттуда на долбленной лодке — бате по рекам Камчатке и Еловке доплыл до селения Еловского, на лошадах прошел через Столбовую тундру, перевалил через Камчатский хребет и из селения Седанка на пароме спустился к устью реки Тигиль.

Воспользовавшись прибытием в Тигиль парохода Русского товарищества котиковых промыслов «Котик», Богданович и Слюнин отправи-

⁴ Богданович К. И. Очерки деятельности... с. 577.

К. И. Богданович

лись на нем в Гижигу для проверки привезенных Слюниным слухов о находках в тех местах якобы признаков золота и киновари. Из Гижиги они совершили несколько экскурсий по тундре, но слухи не подтвердились. На этом же пароходе ученые заходили в Пенжинскую губу для проверки известий о залежах каменного угля. Богданович отметил, что здесь действительно имеются залежи бурого угля, которые «по своей обширности и значительному числу слоев могут со временем получить значение»¹.

30 августа «Котик» возвратился к устью Тигиля. Лелякин в это время производил астрономические и магнитные наблюдения на западном берегу Камчатки, к северу от Тигиля. Вел он и глазомерную (компасную) съемку берега. В это же время тяжело заболел Слюнин, и ему пришлось на «Котике» уйти в Петропавловск. Оправившись от болезни лишь в январе 1898 года, он продолжил исследования на Камчатке: из Петропавловска через хребет пошел к Большерецку, оттуда — в село Облуковина, где присоединился к остальным участникам экспедиции. Из Облуковины, по западному берегу, Слюнин дошел до селения Явина, снова перевалил через хребет — к вершине реки Камчатки. Отсюда он возвратился в Петропавловск, а 20 мая на пароходе «Хабаровск» ушел во Владивосток. За время своих путешествий Слюнин по сухопутью прошел и проехал около 4,5 тысячи верст, морем на пароходе и шлюпках проплыл около 3,5 тысячи верст, посетил 85 селений.

Географическому описанию Камчатки Слюнин посвятил третью главу своего труда. В описании он стремился дать «по возможности полную общую картину как физической природы, так экономической, бытовой и умственно-религиозной жизни здешних инородцев»². В главе рассмот-

¹ Богданович К. И. Очерки деятельности... с 579.

² Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край... с. VIII.

рены границы, история и характер исследований, геология полуострова, описаны вулканы, горячие ключи, реки и озера, бухты, острова. Поддерживая Г. Майделя в том, что Камчатские хребты ничего общего не имеют с Колымскими, Слюнин утверждает, что Камчатский хребет до Ганальской тундры идет одной цепью, а после этого места распадается на две цепи: Камчатский, или Срединный хребет, и Восточную Камчатскую цепь.

После отъезда Слюнина Богданович занялся исследованием гор, откуда стекают западные реки Камчатки, стал готовить базу для зимних разведочных работ. Путешествие его началось 4 сентября 1897 года в верховьях реки Тигиль, проходило в горах Срединного хребта и завершилось в верховьях реки Облуковины, откуда он 9 октября пришел в Тигиль.

Здесь он застал Лелякина, возвратившегося со съемки берега к северу от Тигиля до речки Мото выше Паланского озера. С установлением санного пути Лелякин начал разъезды по полуострову вместе с Богдановичем. Они осмотрели подножье и склоны вулкана Шивелуч, побывали в селении Еловка, доехали до селения Озерновского, дважды через Седанский перевал перебираясь в верховье реки Воямполки. Измученные, а с ними была и супруга Богдановича, путники 9 декабря возвратились в Тигиль. В записке Лелякина есть такие строки об этом путешествии: «На перевале с восточного берега на западный берег Камчатки на высоте 6½ тысяч фут попали в пургу, которая продолжалась пять дней. Благодаря хорошо устроенным нашим палаткам мы избегли неминуемой смерти»¹.

23 декабря они снова в пути. На сей раз Лелякин поехал в обход Камчатки, берегом моря, а Богданович с заболевшей супругой обычным путем, через перевал, с большим трудом сумел добраться до Петропавловска. Лелякин же поехал вокруг мыса Лопатка, производя, как обычно, съемку и астрономические наблюдения. До Облуковины он ехал с Богдановичами. Тут встретили 1898 год и провели совместные работы в горах, где с осени были оставлены люди для разведки на золото, сняли на карту место горячих ключей, озеро и реку Озерную. 21 февраля все возвратились в Облуковину, откуда пути Богдановичей и Лелякина разошлись.

По берегу Лелякин дошел до селения Утколокского, где его застала сильная пурга: «пришлось выбирать время, когда можно что-то видеть и только тогда можно было двигаться»². Из селения Явина он поехал на мыс Лопатка, но едва поднялся на хребет, как началась пурга. Пришлось двое суток переждать непогоду и с мыса Камбального возвращаться в Большерецк. 4 апреля Лелякин прибыл в Петропавловск. Во время путешествия он простудился и недели две тяжело болел.

Лето 1898 года прошло в разъездах по Камчатке. Путешественники проплыли по всей реке Камчатке и от ее устья возвратились на немец-

¹ ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 821, л. 34 об.

² Там же, л. 35.

ком пароходе в Петропавловск, откуда на том же пароходе Лелякин отправился во Владивосток. 24 сентября 1898 года из Владивостока Лелякин уехал в Петербург. Богдановичи же сначала на казенном пароходе направились на Чукотку, в Анадырь, а уж оттуда — во Владивосток. Из Владивостока Богданович был направлен в Порт-Артур, где некоторое время вел изыскательские работы при постройке железной дороги. Экспедиция была завершена.

Исключительная по объему работ, по насыщенности научными изысканиями, она дала превосходные результаты. Основным итогом Богданович считал «открытие золотоносных пластов и определение в них содержания золота»¹. Геологический очерк Камчатки, написанный им и опубликованный в 1904 году, заложил «основу наших знаний о геологии Камчатки и вместе с тем явился первым замечательным русским исследованием действующих вулканов на нашей территории»². Поистине огромное значение для изучения Камчатки и всего Охотско-Камчатского края имело географическое описание, сделанное Н. В. Слюниным. Н. Н. Лелякин определил 38 астрономических пунктов, в 8 из которых он определил магнитное склонение по полной программе³. Постоянно велись метеорологические наблюдения. Им и Богдановичем составлено несколько карт, и среди них «Карта побережья Охотского моря между Николаевском на Амуре и Охотском» и «Карта Камчатки». Обе они составлены в проекции Гаусса в масштабе 20 верст в дюйме, основаны на 33 (первая) и 31 (вторая) астрономических пунктах. Изданы Горным департаментом в 1901 году⁴.

Несколько слов о дальнейшей жизни основных участников экспедиции (жизнь их и дальше была связана с Дальним Востоком). Н. В. Слюнин, награжденный орденом и повышенный в чине, был переведен на Балтику, но после русско-японской войны оказался снова на Дальнем Востоке. Изучая экономику края, он объехал Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области, побывал в Уссурийском крае, лимане реки Амур и в ряде других мест⁵. В результате этой поездки в 1908 году была издана работа «Современное положение нашего Дальнего Востока». В ней рассматривались злободневные вопросы жизни края и делались выводы. По мнению автора, «необходима реорганизация всего, начиная с административного строя и кончая торговлей и земледельческой культурой»⁶. Умер Н. В. Слюнин в родном Белгороде в 1925 или 1926 году.

Едва закончив отчеты по проведенной экспедиции и по исследовани-

¹ Богданович К. И. Предварительный отчет о результатах поисковых и разведочных на золото работ, произведенных Охотско-Камчатской экспедицией на северо-западном берегу Охотского моря.—Горный журнал, 1899. СПб., т. III, с. 58.

² Очерки по истории геологических знаний, вып. 5. М., 1956, с. 190.

³ ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, л. 821, л. 22—22 об.

⁴ ЦГВИА, коллекция 419, № 187 и коллекция 416, № 602.

⁵ Отчет Н. В. Слюнина с фотографиями о его экспедиции в Амурский край по исследованию золота («Отчет о поездке на Зейские и Амгуньские золотые прииски» хранится в ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 798, л. 422—467).

⁶ Слюнин Н. В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908, с. 1.

ям в районе Порт-Артура, К. И. Богданович получил предложение возглавить экспедицию по изучению золотоносности Чукотки. История ее вкратце такова. Узнав об открытии золота на Клондайке, Богданович сделал вывод о возможности продолжения на Чукотке золотоносных образований северной части Аляски¹. С этой целью он уже в 1898 году предпринял поездку в Анадырь. В Петербурге Богданович детально ознакомился со всей литературой по этому вопросу, в частности, прочитал и об открытии золота на Аляске у мыса Ном.

Известный русский предприниматель В. М. Вонлярлярский сумел добиться организации экспедиции для поисков и добычи полезных ископаемых на Чукотке. Экспедицию было предложено возглавить Богдановичу. Спешка, с которой производилась подготовка экспедиции, подогревалась слухами, получившими и официальное подтверждение «о намерении сотен и тысяч американцев перейти при первой возможности Берингов пролив и приступить к поискам на нашей стороне»². Для ускорения подготовки экспедиции Вонлярлярскому пришлось воспользоваться услугами американского парохода «Самоа», который покинул Сан-Франциско 9 июня 1900 года.

В рапорте русскому послу в США А. П. Кассини 22 ноября 1900 года Богданович подробно изложил обстоятельства плавания «Самоа», во время которого американской командой и прежде всего капитаном чинились экспедиции всяческие препятствия: «Испытав уже, что с самыми безрассудными выходками кап. Янсена я не в силах бороться в Америке, я принужден был снять с «Самоа» в бухте Провидения всю экспедицию и принадлежавшее ей имущество и выехал обратно в С. Франциско через Петропавловск (сначала на «Якуте») и Японию»,— свидетельствовал в конце рапорта Богданович³.

Американские моряки во главе с капитаном отказались от работы именно в то время, когда нужно было переходить от поисковых работ к разведочным. «Трудно передать словами, сколько горечи, терпения и усилий воли связано было для меня с «Самоа». Какой ложью, обманом и наглостью я был окружен на нем, вместо энергии и усилий к совместной работе, которая могла бы дать при других условиях превосходные научные и практические результаты»,— с горечью заметил начальник экспедиции⁴.

И тем не менее результаты экспедиции оказались полезными: «В течение времени с 25 июня по 19 августа экспедиция подробно исследовала побережье Чукотского полуострова на пространстве между бухтой Провидения и Колючинской губой в Ледовитом океане. На этом пространстве обнаружен золотоносный берег между мысами Литке и Восточным; хотя содержание золота на берегу незначительно и не превосходит 40 долей на 100 пудов, но по речкам, впадающим в море на этом пространстве, можно ожидать открытия золотоносных россыпей; расчи-

¹ Богданович К. И. Очерки Чукотского полуострова. СПб., 1901, с. 1.

² Там же, с. 1—2.

³ АВПр, ф. «Посольство в Вашингтоне», оп. 512/1, д. 147, л. 10.

⁴ Богданович К. И. Очерки Чукотского полуострова. СПб., 1901, с. 80.

тывать на это позволяет полное тождество развитых там пород с серией золотоносных пород Нома. Часть концессии полковника Вонлярлярского от бухты Провидения до Анадырского лимана осталась вовсе неизследованной. В Мечигменской губе открыто присутствие буроугольных пород хорошего качества. Нигде не было встречено следов работы американских хищников, которые до сих пор на нашем побережье не появлялись. Наше побережье усиленно посещается китобоями для менового торга на пути в Ледовитый океан и обратно и раз в лето судном, вывозящим оленей. Слухи о богатстве золотом нашего побережья произошли из рассказов китобоев и оленных пастухов, бывших на Чукотском полуострове, и поддерживаются ими по настоящее время, но фактических оснований до сих пор эти слухи не имели. Научные соображения заставляют думать, что золотоносные россыпи серьезного характера действительно могут быть здесь открыты; к сожалению, крайне неудачная организация экспедиции не позволила предпринять более продолжительные работы именно тогда, когда золотоносность части побережья была уже доказана¹.

К сказанному самим Богдановичем можно и нужно добавить, что, произведя исследование на золотоносность в различных местах Чукотского полуострова (мыс Чаплина, бухта Провидения, Мечигменская губа, район мыса Дежнева, селение Уэлен, мыс Сердце-Камень, Колочинская губа), он доказал присутствие золота на Чукотке. Собранные по геологии материалы легли в основу изучения золотоносности Чукотки. Позднейшими исследованиями было подтверждено наличие золота на Колыме и в некоторых местах Чукотки. Богданович написал также географический очерк Чукотки, собрал сведения по экономике и этнографии чукчей, составил карту своего маршрута, представил материалы о климате и гидрологии прибрежных мест Чукотки.

В последующие годы К. И. Богданович был профессором в Горном институте, директором Геологического комитета. В 1919 году уехал в Польшу, где стал директором Геологического учреждения, членом польской Академии наук. Скончался он 5 июня 1947 года.

Трагической оказалась судьба Н. Н. Лелякина. Из свидетельства о состоянии его здоровья, выданного 9 декабря 1902 года в Варшаве, явствует, что ему было 39 лет и что он находился в тяжелом состоянии. В архивном деле хранится также «Опись материалов, собранных капитаном Лелякиным в качестве производителя топографических работ Охотско-Камчатской горной экспедиции», но составленная уже не им².

Значение этой экспедиции состоит в том, что было научно обосновано наличие на северо-востоке Азии месторождения золота, имевшего впоследствии широкое промышленное применение. Вместе с тем участие в ней естествоиспытателя и астронома-геодезиста позволило провести широкий круг астрономических и географических исследований. Благодаря удачному распределению обязанностей и маршрутов, были изучены большие районы Охотско-Чукотско-Камчатского края, на отдельные из них (например, Камчатку) были составлены географические карты.

¹ АВПР, ф. «Посольство в Вашингтоне», оп. 512/1, д. 147, л. 9 об.— 10.

² ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 821, л. 24—25.

В. К. Арсеньев

Естественно, что уточнением береговой черты на карте занимались исследователи и путешественники, целью которых были исследования, далекие от геодезии, астрономии, гидрографии и топографии. Так, будущий президент Академии наук СССР Владимир Леонтьевич Комаров уже во время первого своего путешествия в 1895 году по Амуру написал работу «Условия колонизации Амура», вышедшую в 1896 году. В ней обобщены многие статистические сведения о населении в разные годы и сделан анализ влияния на колонизацию таких естественных факторов, как климат, рельеф, почва и другие физико-географические особенности в различных районах Амурской области. Результатом путешествия В. Л. Комарова по Маньчжурии явилось трехтомное исследование «Флора Маньчжурии». В 1908—1909 годах В. Л. Комаров путешествовал по Камчатке, проводя в основном ботанические исследования. В результате двухлетнего путешествия увидела свет трехтомная монография «Флора полуострова Камчатка», изданная в 1927—1930 годах. Ученый описал в этом труде 825 видов растений, из которых 74 описаны заново, выделил основные районы растительности Камчатки. В 1913 году В. Л. Комаров совершил путешествие в Южно-Уссурийский край, изучая там природу, особенно растительность. С большой партией помощников он исследовал почти все районы края, сам путешествовал в районе озера Ханка, посетил долины рек Супутинка, Артемовка, Илистая, Арсеньевка, Партизанка и морское побережье от Шкотово до устья реки Партизанки. После этого появились «Труды по Сибири и Дальнему Востоку (Приморская

область, Южно-Уссурийский край)». Во время всех путешествий В. Л. Комаров вел глазомерную съемку маршрутов.

Очень много полезного для уточнения береговой черты Татарского пролива сделал выдающийся путешественник и известный писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев. Его книгами зачитывается не одно поколение молодежи. Появившись на Дальнем Востоке в 1899 году, он остался верным ему до конца своих дней. Став начальником охотничьей команды, Арсеньев все время проводил в тайге. «В 1900—1901 гг. я производил ряд разведок в Южно-Уссурийском крае около Шкотова и Посыета. Эти поездки предпринимались по собственной инициативе на личные средства, часто в одиночку или с одним или двумя стрелками», — писал он¹. Занимался он и переписью населения и наведением порядка в Южно-Уссурийском крае, где хунхузы терроризировали население. Он многому учился у местных ученых-краеведов; был знаком с лесничим, ботаником и краеведом Н. А. Пальчевским, с известными путешественниками Н. В. Слюниным и В. П. Маргаритовым. В 1902 году Арсеньев совершил первое путешествие от Владивостока до озера Ханка. В этом же году, осенью, произошла его встреча с гольдом Дерсу Узала, который стал его неизменным спутником в последующих путешествиях и которого с такой любовью описывал он в своих книгах.

Приморский отдел Русского Географического общества поставил В. К. Арсеньева во главе большой экспедиции в горную область Сихотэ-Алинь, осуществленной им в 1906 году совместно с А. И. Мерзляковым, Грантманом, Н. А. Пальчевским и П. К. Рутковским; Арсеньев с первыми двумя спутниками и сопровождавшими их казаками-стрелками пошел через Сихотэ-Алинь в том месте, где шел М. И. Венюков. Пальчевский и Рутковский отправились в путешествие по берегу и встретились с Арсеньевым в бухте Ольга, где к нему присоединился Дерсу Узала, а Пальчевский и Рутковский покинули экспедицию. Арсеньев пошел к заливу Пластун, откуда через перевал вышел к Дальнереченску и возвратился во Владивосток. Первая экспедиция Арсеньева длилась 190 суток. Были получены новые сведения по этнографии, истории и географии, был собран материал по памятникам старины, изучена горная система Сихотэ-Алиня, составлена карта маршрутов и сделано описание посещенных мест. Оба путешествия были описаны в книге «По Уссурийской тайге», ставшей сразу же очень популярной.

В путешествии 1907 года спутниками Арсеньева были братья А. И. и Г. И. Мерзляковы, студент П. П. Бордаков и ботаник Н. А. Десулави, а также Дерсу Узала. На военном судне экспедиция была доставлена в залив Пластун, откуда путешественники шли до реки Крепостная. Арсеньев и его спутники во время этой экспедиции продолжали исследовать центральную часть Сихотэ-Алиня и северные районы Приморского края. Научные результаты экспедиций 1906 и 1907 годов изложены автором в работе «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края», изданной в 1911 году.

¹ Арсеньев В. К. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957, с. 234.

В 1908—1910 годах В. К. Арсеньев со спутниками Н. А. Десулави, С. Ф. Гусевым, И. А. Дзюль, казаками И. Крыловым и Г. Димовым, но без Дерсу Узала, который был убит хунхузами в самом начале путешествия, трижды перевалил через Сихотэ-Алинь. Конечными пунктами его выходов к морю были Самарга, Коппи и Датта. Каждое путешествие сопровождалось съемкой местности, многочисленными красочными описаниями природы и быта жителей, зарисовками понравившихся мест. В путешествии 1908—1909 годов Арсеньев уделил много времени описанию жизни орочей, проживавших в районе реки Тумнин, реки Коппи и Императорской (ныне Советской) гавани. В его записках есть любопытные места.

Так, он приводит характерные сведения о последствиях русского влияния на местных жителей: «Не более 20 лет назад орочи не имели никакого понятия ни о муке, ни о чумизе. И только с тех пор, как в посту Константиновском (в Советской гавани.— А. А.) был основан пост — орочи впервые познакомились с мукой. Первый раз они не знали, что с нею делать и не решались ее есть, пока более храбрые не рискнули поесть хлеба на посту, у солдат, там оставленных».

Очень интересны воспоминания орочей о том, как по приказу адмирала В. С. Завойко участник экспедиции Г. И. Невельского мичман Г. Д. Разградский потопил в бухте Постовой (Советская гавань) фрегат «Палладу», чтобы он не достался англичанам: «Орочи рассказывают, как русские потопили фрегат Палладу. Орочи очень боялись выйти. Зимой русские обрубили лед вокруг судна, сломали мачты, сожгли их на палубе и утопили судно. Затем сами на нартах по льду р. Тумнина ушли на Амур, к Хабаровску (тогда Хабаровска еще не было.— А. А.). Весной, когда взломался лед, пришли англичане, около 10—11 судов. Они вошли в бухту Константиновскую и сожгли казарму, а затем ушли»¹.

Арсеньев сообщил весьма интересный перевод слова Сихотэ-Алинь, указывающий на правильное представление местных жителей об орографии района: «Реки, впадающие в Японское море, в сравнении с реками, составляющими систему реки Уссури, невелики. Отсюда и название хребта Сихотэ-Алинь, что значит в буквальном переводе на русский язык «западных больших рек хребет». И действительно, к западу от него текут такие реки, как Павловка, Ното, Уссурка, Бикин, Хор и другие»².

В записках В. К. Арсеньева можно встретить и исторические подробности, например о генерал-губернаторе Восточной Сибири 1847—1861 годов Н. Н. Муравьеве-Амурском: «Муравьев приказал построить себе дом у входа в озеро Кизи на нагорном правом берегу р. Амура (имеется в виду селение Марининское.— А. А.). Сюда он приезжал три раза и жил по нескольку дней. Собирал к себе казаков и казачек и вел подолгу с ними беседу. Казачки насажали около его дома цветов. Около дома был разбит большой сквер с аллеями, дорожками и с просеками. Где ныне Старо-Марининск, там в то время стоял 5-й линейный батальон. Были

¹ Архив Географического общества СССР (АГО СССР), ф. 108, оп. 1, д. 10, л. 5 об.—6.

² Арсеньев В. К. Сочинения. Владивосток, 1949, т. V, с. 13.

казармы и построена была церковь, сохранившаяся и по сие время: пошатнувшаяся, подгнившая, заброшенная, запущенная. Кресты обломались, рам и стекол нету, образа сняты. Кругом все заросло молодым лесом». Есть в его записках и сведения об обстреле Де-Кастри английским флотом, указано, что в доме Муравьева затем жил Завойко. Говорится и о том, что «два года пленные (англичане) жили среди казаков. Англичане очень интересовались русскими вечеринками»¹. В конце дневника есть схема «Памятники старины в Уссурийском крае на берегу моря» (от мыса Гиляк до бухты Ольга), на которой нанесены следы древних жилищ, дорог, укреплений, террасообразные городища, писанные камни.

В 1910—1914 годах произошли важные события в жизни В. К. Арсеньева. Он побывал в Петербурге, где сделанные им доклады получили признание членов Географического общества и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, которые удостоили его золотых медалей. Он познакомился с такими учеными, как П. П. Семенов-Тянь-Шанский, П. К. Козлов, Ю. М. Шокальский, Д. Н. Анучин и другими. В 1910 году его избрали директором Хабаровского краеведческого музея, который ныне носит его имя. В 1911 году он получил отставку с чином подполковника и был прикомандирован к Переселенческому управлению Министерства земледелия. В 1912 году он совершил еще одну экспедицию по обследованию памятников старины в Уссурийском крае, а в 1913-м обрабатывал результаты своих наблюдений, готовил новую экспедицию по изучению орочей и удэ-хэ, принимал полярного путешественника Ф. Нансена, с которым совершил несколько кратковременных поездок по Амуру и Уссурийскому краю. Но новая его экспедиция по ряду причин не состоялась.

После революции В. К. Арсеньев совершил еще несколько путешествий по Дальнему Востоку: по Камчатке, по реке Гижиге, по маршруту Хабаровск—Советская гавань. Сочинения Арсеньева открыли многое в природе Уссурийского края. Им была изучена орография края и дана блестящая характеристика населения Приморья. Все его высказывания о малых народах проникнуты искренним и теплым чувством. Весьма примечателен вывод, к которому пришел Арсеньев о якобы китайском населении Уссурийского края, всего Приморья: «Вопреки весьма распространенному, но ни на чем не основанному мнению, что китайцы будто бы владели Уссурийским краем с незапамятных времен,— писал он,— совершенно ясно можно доказать противное: китайцы в Уссурийском крае появились весьма недавно. Это важное обстоятельство надо иметь в виду, когда приходится говорить о прошлом и будущем нашей далекой окраины»².

Перед самой кончиной, 4 сентября 1930 года, В. К. Арсеньев возглавил комплексную экспедицию по изучению Дальневосточного края. Похоронен он во Владивостоке на Морском кладбище. Его именем названа бывшая Производственная улица, где на доме № 7 установлена мемо-

¹ АГО СССР, ф. 108, оп. 1, д. 10, л. 16 об.

² Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914. Предисловие автора (без нумерации страниц).

риальная доска, создается музей. Во многих городах Дальнего Востока улицы, названные его именем, названы его именем и пароходы, но лучшим памятником ему стал город Арсеньев.

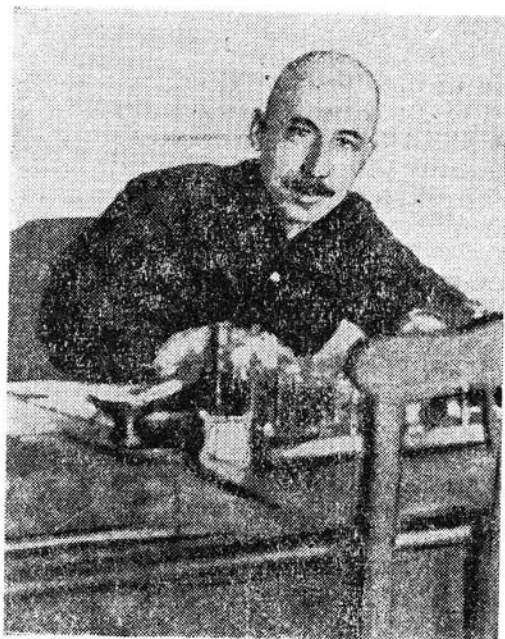
В. К. Арсеньев принимал самое горячее участие в общественной жизни Дальнего Востока. Он знал Сергея Лазо и Константина Суханова, был знаком с юным Фадеевым, вел занятия в Народном университете, читал рабочим лекции о родном крае, был председателем Бюро по подготовке Первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока, состоявшейся в 1925 году. В Москве, во Всесоюзном совете народного хозяйства, Арсеньев работал над вопросами, связанными с использованием рыбных богатств Камчатки. Он был одним из организаторов Акционерного Камчатского общества, много лет руководил морским зверобойным промыслом на Дальнем Востоке. Будущее, о котором мечтал и за которое боролся В. К. Арсеньев, чудесный певец дальневосточной тайги, талантливый ученый и замечательный путешественник, стало настоящим советского Дальнего Востока.

Весной 1913 года руководство Гидрографической экспедицией Восточного океана принял Борис Владимирович Давыдов, талантливый организатор, выдающийся гидрограф-геодезист¹. Родился он в 1883 году и, следовательно, при назначении на высокий пост ему не исполнилось и тридцати лет. Учился в Морском кадетском корпусе, где когда-то, в начале XIX века, начальствовал его дед, Алексей Кузьмич Давыдов, находившийся в большой дружбе с известным гидрографом Гавриилом Андреевичем Сарычевым. Отец его тоже был моряком — штурманом дальнего плавания. По окончании Морского кадетского корпуса Давыдов совсем недолго плавал на боевых кораблях, а затем получил назначение на минный заградитель «Амурец». Став в 1903 году старшим офицером «Амурца», он в составе I Тихоокеанской эскадры познал всю горечь русско-японской войны, стал свидетелем гибели адмирала С. О. Макарова, пошел в плен, чтобы разделить участь своих подчиненных.

По возвращении из плена в середине февраля 1906 года Борис Владимирович был назначен старшим штурманским офицером на учебном судне «Рында» Отряда морских судов Морского кадетского корпуса. В конце того же года он, как участник войны, был уволен в шестимесячный отпуск, который Давыдов использовал для подготовки к поступлению в Морскую академию на гидрографический отдел. 30 октября 1908 года по окончании курса он был прикомандирован к Пулковской обсерватории для специализации в астрономии и геодезии, а по завершении образования назначен командиром гидрографического судна «Таймыр».

По окончании северной эпопеи Б. В. Давыдов принял дела у М. Е. Жданко и с успехом продолжил их. Он правильно понял свои задачи: «Только тогда карты будут полны и надежны, — говорил он, — только тогда материалы по изучению всякого водного района будут возмож-

¹ Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 323—341. См. также: Шенталинский В. А. Ледовый капитан. Магадан, 1980; Он же: Конец Новой Колумбии.— Полярный круг. М., 1980, с. 135—153.

Б. В. Давыдов

но исчерпывающи, когда опись будут вести без каких бы то ни было пропусков¹.

И такие работы продолжались вплоть до 1920 года. В 1913 году на судне «Охотск» велась опись северной части Татарского пролива и был завершен промер лимана реки Амур. Продолжались работы и в Охотском море, где велся судовой промер между Тауйской губой и селением Наяхан, а также на переходах. Шлюпочным промером подробно обследованы рейд Ола, бухта Мелководная в заливе Одян, бухта Рассвет на острове Завьялова, якорная стоянка у селения Наяхан. Шлюпочным промером в эту навигацию были обследованы также риф у мыса Голого в Уссурийском заливе, якорная стоянка рейда Адими в Татарском проливе, риф и островок Устрица в Императорской гавани. Везде производилась и съемка береговой черты.

В 1914 году Б. В. Давыдов возглавил работы на «Охотске» в Охотском море. Здесь морской съемкой были охвачены районы северо-восточной части моря от селения Наяхан по побережьям Вархаламской и Гижигинской губ до мыса Тайгонос. Пропустив Пенжинскую губу, работы продолжались от губы Рекинской до мыса Лопатка включительно. Судовой промер производили на переходах. Вместе со съемкой вели астрономические, гидрологические и магнитные наблюдения, а также подробный шлюпочный промер. Приданные суда «Лебедь» и «Альфа» были заняты как на основных работах в Охотском море, так и на триангуляции,

¹ Давыдов Б. В. Гидрографические работы на Дальнем Востоке.— Красный Флот, 1923, № 4—5, с. 93.

которую вели на западном берегу Татарского пролива от мыса Клостер-Камп (теперь мыс Орлова) до мыса Сюркум.

В 1915 году по-прежнему на «Охотске» и на «Альфе» вели работы в Охотском море и была завершена опись Пенжинской губы. Эти работы принесли поучительные результаты: береговая черта, нанесенная на новой карте, отличалась от положенной по старым картам на 50—60 миль. В это же время вели морскую съемку части восточного берега Сахалина в районе мысов Марии и Елизаветы. 6 декабря 1915 года Давыдов стал полковником корпуса гидрографов. Работы в Охотском море продолжались и в следующем году, причем морской съемкой было снято побережье от Охотска до мыса Малый Дуганджа и острова: Феклистова, Большой Шантар, Медвежий, Рогатка, Сахарная голова и Сивучьи камни. Вместе с тем проводили гидрологические, астрономические и магнитные наблюдения.

В последующие годы были закончены работы в южной части Охотского моря, в районе Шантарских островов; затем, уже в 1919 и 1920 годах, они были вынесены на побережье Камчатки и приостановлены в районе бухты Карага с охватом острова Карагинский. В 1920 году гидрографические полевые работы были вообще прекращены, главным образом потому, что белобандиты увели во Владивосток «Охотск» — основную плавбазу экспедиции. Незадолго перед этим транспорт был переделан по проекту Б. В. Давыдова.

Сохранились документы, рассказывающие о действиях экспедиции в 1917 году. На 1 января исторического года в составе ее значилось 60 человек вольнонаемной команды «Охотска», командиром судна был капитан дальнего плавания Николай Александрович Добржанский, механиком — Матвей Иванович Игнатьев. Помощником у Б. В. Давыдова был корпуса гидрографов полковник Александр Федорович Машковцев, которого в конце года сменил поручик по адмиралтейству Новицкий. Начальниками партий (они же и помощники начальника экспедиции) являлись капитаны дальнего плавания Павел Иванович Чеботаев, Петр Степанович Симон, Иван Иванович Ивановский, Павел Александрович Виноградов, Матвей Евгеньевич Мацевич, Иван Николаевич Вишкарев, Виктор Адольфович Грагайтис, Александр Амосович Ивлев и Михаил Степанович Сутырин. Врачом экспедиции был коллежский советник Гергард Рихардович Медер. Кроме того, в состав экспедиции входили писарь, содержатель казенного имущества, фельдшер береговых партий и три сторожа для двух чертежных экспедиций.

Большую часть первой половины 1917 года личный состав экспедиции занимался судовыми работами по переустройству жилых и палубных построек «Охотска» с тем, чтобы как можно лучше приспособить его к исполнению гидрографических работ. Из представления Б. В. Давыдова в Главное Гидрографическое управление от 30 июня 1917 года следует, что и до Дальнего Востока докатилась весть о февральской революции: Б. В. Давыдов докладывал, что поскольку «во всех учреждениях Морского Ведомства во Владивостоке внесены постановления о проведении в жизнь восьмичасового рабочего дня, каковой фактически

и проводится в жизнь, — прошу распоряжения Главного Гидрографического управления об утверждении прилагаемого при сем протокола общего собрания команды»¹.

А в докладе от 5 июля представлен отчет о действиях экспедиции с 1 марта, когда ей предписывалось начать навигацию, и до 1 июля. Из него видно, что помимо основных работ по переустройству транспорта гидрографическая партия под руководством Машковцева проводила съемку и промер бухты Золотой Рог, побережья полуострова Эгершельд и продолжения восточного берега Амурского залива до Второй речки включительно. Что касается дальних районов, то есть Охотского моря, то ввиду опоздания с выходом «Охотска» (5 июля) программа исследований, как докладывал Давыдов, там будет также пересмотрена.

Сложная политическая обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке в 1917—1922 годах, не помешала Гидрографической экспедиции проводить свою работу. «Революционные события на Дальнем Востоке, — отмечал Б. В. Давыдов, — нисколько не помешали работам, их удалось продолжить»². Царский полковник Б. В. Давыдов нашел свое место в такое трудное время. Он отдал себя и возглавляемую им экспедицию в распоряжение Советской власти. «Исключительные качества Б. В. Давыдова, — отмечалось впоследствии в «Морском сборнике», — были известны за границей и в годы пребывания иностранных оккупантов на Дальнем Востоке. Борису Владимировичу, сильно в то время нуждавшемуся в материальном отношении, американцы и японцы предлагали обеспеченные и большие места у себя на службе, но он всегда отвечал решительным отказом»³.

В такой обстановке, после увода «Охотска» из Владивостока, там, на Шефнеровской улице, Б. В. Давыдов организовал обработку многочисленного накопленного материала. «Два последние года (имеются в виду 1921 и 1922 годы. — А. А.), — вспоминал Б. В. Давыдов, — экспедиция уже не ходила в море; причиной тому были обстоятельства и события, совершенно от нее не зависевшие. Все работники остались, однако, на местах, и время вынужденного бездействия было употреблено на подготовку к печати всего неизданного картографического материала и составлению необходимых мореплаванью лоций»⁴.

Результатом работы стал капитальный труд, изданный в 1923 году под названием «Лоция побережий РСФСР Охотского моря и восточного берега полуострова Камчатки с островом Карагинским включительно» во Владивостоке. В этом огромном (1498 страниц) труде собраны воедино все (кроме карт, которые издавались отдельно) сведения по гидрографии названных районов Дальнего Востока по состоянию на 1 июля 1922 года. Лоция охватывает побережье в шесть тысяч миль (более десяти тысяч километров) на котором определено сто одиннадцать астрономических пунктов, из которых сто шесть определено лично Б. В. Давы-

¹ ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 2138, л. 75.

² Давыдов Б. В. Гидрографические работы... Пг., 1923, с. 93.

³ Морской сборник. Л., 1925, № 10, с. 16.

⁴ Давыдов Б. В. Гидрографические работы... Пг., 1923, с. 93.

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран соединитесь!

ЛОЦИЯ ПОБЕРЕЖИЙ Р. С. Ф. С. Р. ОХОТСКОГО МОРЯ

и
восточного берега полуострова Камчатки
с островом Карагинским включительно.

По поручению Главного Гидрографического Управления
составил Гидрограф-Геодезист Давыдов.

Издание Управления по Обеспечению Безопасности
Кораблевождения Дальнего Востока.

г. Владивосток.
Техно-литограф. Искра. Морской.
1923 год.

Лоция побережий РСФСР
Охотского моря... Б. В. Да-
выдова

довым. На основе этих пунктов составлены карты и планы на весь район Охотского моря и побережья Камчатки. Лоцией, которую с полным основанием можно называть Лоцией Давыдова, подводится итог всей деятельности русских гидрографов на Дальнем Востоке. С 1923 года там начались работы уже по планам Советского правительства, а Гидрографическая экспедиция Восточного океана была преобразована в Гидрографический отряд, который был влит в Управление по обеспечению безопасности кораблевождения на Дальнем Востоке (Убекодалвест), начальником которого стал Б. В. Давыдов. 15 мая 1924 года Географическое общество СССР наградило Б. В. Давыдова Золотой медалью им. Ф. П. Литке за исключительно ценные труды по гидрографическому обследованию морей Дальнего Востока.

Последние годы его жизни, а точнее один год с небольшим, связаны с островом Врангеля. История вопроса такова. Англичанам и аме-

риканцам вздумалось считать этот остров свободным. Их не смущало то обстоятельство, что остров Врангеля открыт русскими, что он был известен русским давно, задолго (например, свидетельство Т. И. Шмалева) до того, как получил имя русского мореплавателя Фердинанда Петровича Врангеля, что он нанесен на все русские карты, что он расположен во владениях России и всегда считался частью Русского государства.

Англичане основывали свои претензии на том, что они в 1849 году видели этот остров с острова Геральд во время поисков полярной экспедиции Д. Франклина. В 1881 году пароход «Корвин», принадлежавший Северо-Американским Штатам, отправившийся искать экспедицию на «Жаннетте» под командованием Дж. В. де Лонга, подошел к острову Врангеля, поднял на нем американский флаг и переименовал остров в Новую Колумбию. За ним пришло судно «Роджерс» с капитаном Берри, участники плавания на котором, обследуя остров, дали несколько своих названий.

В 1911 году, как уже говорилось, была произведена первая опись острова Врангеля офицерами транспорта «Вайгач». На нем были проведены астрономические и магнитные наблюдения. В 1915 году, когда вся трасса Северного морского пути была пройдена «Таймыром» и «Вайгачом» с востока на запад, русское правительство в специальной ноте подчеркнуло, что «оно считает следующие острова, составляющими неделимое целое с Империей: о-в Генриетта, о-в Беннетта, о-в Жаннетта, о-в Геральд и о-в Уединения, которые вместе с Ново-Сибирскими островами, островом Врангеля и другими, расположенными близ азиатского берега Империи, образуют продолжение материка Сибири в северном направлении»¹. Заявление не встретило возражений всех государств.

Но еще до этого заявления Канада, которая являлась доминионом Великобритании, организовала Канадскую арктическую экспедицию, во главе которой встал Вильялмур Стефансон. Экспедиция рассчитывала на длительное пребывание в Арктике. Кроме научных задач экспедиция должна была присоединить к Канаде, а, следовательно и к Англии, все вновь открываемые и открытые на севере острова — ни больше, ни меньше. Экспедиция вышла в море на барке «Карлук» в 1913 году, а летом следующего года барк погиб, из 25 членов команды спаслось 14, которые сумели добраться до острова Врангеля².

В сентябре 1914 года по просьбе канадского правительства русское правительство организовало поиски и спасло оставшихся в живых и добравшихся до острова Врангеля канадских полярников. Считая, видимо, что этого достаточно для обоснования притязаний на остров Врангеля, Стефансон от имени Канады отправил в 1921 году экспедицию для его оккупации под начальством А. Крауфорда, трех сотрудников и кухарки-эскимоски. Канадцы после заявления Советского правительства подняли на острове английский флаг и составили декларацию о присоединении

¹ Давыдов Б. В. В тисках льда. Л., 1925, с 8—9.

² Ольхина Е. А. Вильялмур Стефансон. М., 1970, с. 36.

его к Англии. Экспедиция закончилась трагически: во время зимовки на острове Врангеля умерли все кроме эскимоски. В 1922 году премьер-министр Канады Макензи Кинг, выступая в парламенте, заявил о принадлежности острова Канаде. А в 1923 году американцы спешно направили туда экспедицию, чтобы объявить остров Врангеля собственностью Соединенных Штатов Америки.

В сложившихся условиях Советское правительство 3 июня 1924 года приняло решение отправить на остров Врангеля специальную экспедицию, которой поручалось поднять там флаг Страны Советов и изгнать оттуда иностранцев, если таковые там окажутся. Начальником экспедиции правительство назначило Б. В. Давыдова. Для экспедиции выделили канонерскую лодку «Красный Октябрь» (бывший ледокол «Надежный»). В составе экспедиции был 81 человек, в основном коммунисты и комсомольцы, сражавшиеся на фронтах гражданской войны, были и опытные полярники, ранее плававшие со своим капитаном.

На подготовку экспедиции отводился всего месяц. За это время «Красный Октябрь» перешел из лимана Амура, где он выставял навигационное ограждение, во Владивосток, где принял оборудование, воду, продовольствие и часть угля. 20 июля он ушел в плавание, 26-го прибыл в Петропавловск, где за два дня произвели погрузку угля, и 29 июля снова отправился в путь. 3 августа пришли в бухту Провидения, где пополнили запасы пресной воды, а также угля настолько, насколько позволяли цистерны и трюмы, углем загрузили вообще все свободные места.

9 августа «Красный Октябрь» снова в океане. По пути зашли в залив св. Лаврентия за чукчами. На случай разъездов по берегу и во льдах взяли 24 собаки. 10 августа прошли Берингов пролив и взяли курс на остров Геральд. Воспользовавшись отсутствием льда, Давыдов проводил глубоководные гидрологические наблюдения, траление и сбор планктона. Лед появился лишь при перемене курса с острова Геральда к острову Врангеля. Постепенно лед больше и больше покрывал почти все видимое пространство.

Б. В. Давыдов решил несколько дней подождать в надежде, что лед разойдется, но этого не произошло. «Медлить было нельзя: достичь острова Врангеля в эту навигацию надо было во что бы то ни стало, а потому, после полудня 17 августа, вошли в лед и начали пробиваться в нем на запад, расположив плавание близ и южнее острова Геральд и далее к острову Врангеля. Лед, вообще говоря, был очень тяжелый», — писал начальник экспедиции¹.

Почти двое суток экипаж вел борьбу с тяжелыми льдами. И все-таки утром 19 августа «Красный Октябрь» пробился к гавани Роджерса и стал там на якорь. Высадившаяся на остров партия моряков работала день и ночь, соорудив мачту для подъема флага. Одновременно моряки срубили стоявшую тут мачту и к ее обрубку прикрепили записку на русском и английском языках об экспедиции на «Красном Октябре» и о при-

¹ Давыдов Б. В. В тисках льда. Л., 1925, с. 20.

надлежности острова Советской России. На следующее утро был торжественно поднят над островом Советский Государственный флаг, выстроенная команда произвела салют. Б. В. Давыдов сделал заявление о принадлежности острова нашей стране, после чего ледокол направился вдоль южного берега острова. Оказалось, что на острове проживало всего 14 человек, из коих один был американец. «Никаких документов, узаконяющих их пребывание на острове, у них, конечно, не оказалось. Поэтому им было объявлено, что они рассматриваются нами, как хищники, со всеми вытекающими отсюда последствиями: конфискация всего ими упромышленного и орудий промысла»¹.

Обратный путь оказался еще более тяжелым, настолько тяжелым, что Б. В. Давыдов решил на зимовку, направив ледокол к мысу Биллингса, чтобы устроиться где-нибудь за мысом Северным. Это было 23 августа. К 25 сентября все было готово к зимовке, прекращены пары, для эскимосов построен на берегу домик, заготовлено для экипажа около 250 пудов свежего оленьего мяса, — и вдруг ветер резко переменялся, в результате чего ледокол оказался на плаву. Б. В. Давыдов отчаянно рискнул, и морское чутье его не подвело. Срочно подняли пары — и через двое суток, 27 сентября, снялись с якоря. Льда не было, но зато сильный норд-остовый ветер, перешедший в шторм, клал ледокол с борта на борт до 45°, горячую пищу не готовили, и так продолжалось трое суток. А когда шторм утих, то ледокол оказался в Беринговом проливе. Уголь иссяк, в ход пошли доски, бревна, все, что могло гореть. А наутро выяснилось, что «Красный Октябрь» находится снова среди льда. Несколько суток его дрейфовало вместе со льдом во всех направлениях, пока, наконец, 4 октября не отпустило в Беринговом проливе, как раз напротив селения на мысе Дежнева.

На берегу нашлось немного угля, воспользовавшись которым ледокол смог добраться до бухты Провидения. Там пополнили запасы, а в Петропавловске все полярные приключения закончились. 29 октября канонерская лодка «Красный Октябрь» возвратилась во Владивосток, где экипажу устроили торжественную встречу. Всем участникам экспедиции были вручены нагрудные знаки с изображением северной части Тихого океана и маршрутом канонерской лодки «Красный Октябрь». На красной эмали в верхней части знака — красная звезда и надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! За экспедицию на остров Врангеля». Посвяительства иностранцев с этого времени прекратились. Представитель Англии на русско-британской конференции г-н Понсонби заявил 6 августа 1924 года, что «правительство его британского величества не имеет никаких претензий на остров Врангеля»².

Находясь в Ленинграде с отчетом об экспедиции, Б. В. Давыдов во время доклада в Географическом обществе простудился и 30 сентября 1925 года скончался от воспаления легких. Неожиданная кончина вызвала множество откликов. В одном из некрологов говорилось: «Жизнь

¹ Давыдов Б. В. В тисках льда. Л., 1925, с. 20.

² Красное знамя, Владивосток, 1924, 15 окт.

Б. В. была не длинна, но тем не менее, мало кому удалось оставить после себя такую прочную память. Его карты и лоция на долгие годы сохраняют имя Б. В. Давыдова среди почетных имен русской гидрографии, а личные качества, умение спаять своей отзывчивостью, бодростью и весельем сотрудников на общей работе оставили в них на всю жизнь самые теплые воспоминания о нем, как о человеке¹. Именем замечательного моряка и большого патриота названы: бухта на острове Врангеля, мыс на острове Большевик, мыс при входе в залив Чихачева в Татарском проливе.

Русская гидрография на Дальнем Востоке передала в наследство советской гидрографии достаточное количество пособий для мореплавателей. На 1 января 1913 года на Японское море имелось 32 карты, которые распределялись следующим образом: залив Петра Великого — 17, лиман, устье Амура и пролив Невельского — 11, Татарский пролив от пролива Невельского до мыса Поворотного — 4. Также 32 карты имелось на Охотское и Берингово моря, вместе взятые: Берингово море — 21 карта, Охотское море с Курильскими островами — 11. Естественно, что при этом подсчете не учитывались карты, составленные Б. В. Давыдовым.

Из пособий для плавания отметим уже упоминавшиеся лоции де Ливрона и Давыдова, а также «Физико-географический очерк Китайского и Желтого морей», составленный Э. В. Майделем и изданный в 1904 году; «Атлас карт ветров и течение Японского моря», изданный в 1903 году в дополнение к лоции де Ливрона; «Руководство для плавания в лимане и устье реки Амур по фарватеру между заливом Де-Кастри и городом Николаевском и по Сахалинскому каналу до выхода в Охотское море», изданное в Петербурге в 1899 году; многочисленные и разнообразные навигационные пособия и астрономические таблицы. К этому следует добавить статьи, посвященные гидрографическим работам на Дальнем Востоке, помещенные в специальных изданиях, преимущественно в «Записках по гидрографии» и в «Морском сборнике». Регулярно издавалось (переиздавалось с учетом корректуры) «Описание морских предостерегательных знаков по русскому побережью Японского моря с Татарским проливом и в лимане и устье реки Амур», а также «Извещения мореплавателям», служащие основанием для корректуры морских карт и лоций.

Одновременно с учреждением Гидрографической экспедиции Восточного океана была образована и Дирекция маяков и лоции Восточного океана, пришедшая на смену службе, во главе которой стоял заведующий маяками и лоциями в портах Восточного океана. В ее задачи входило обеспечение безопасности плавания вблизи побережья и совершенствование системы средств навигационного оборудования (маяки, огни, знаки, буи, вехи, створные знаки). Трудному для плавания лиману Амура постоянно уделялось повышенное внимание.

На 1 января 1915 года на Дальнем Востоке существовали следующие

¹ Ахматов В. В. Б. В. Давыдов.— Записки по гидрографии. Л., 1926, т. 51, с. 8.

маяки и огни (освещаемые знаки)¹. Маяки: Назимовский, 5-го разряда, учрежден в 1898 году в заливе Посьет, бело-красный, постоянный; Гамовский, 2-го разряда, учрежден в 1906 году в заливе Петра Великого, белый, группо-проблесковый; Брюса, или Славянский, 4-го разряда, учрежден в 1911—1913 годах, зеленый и красный, затмевающийся; Речной, 4-го разряда, учрежден в 1885 году в Амурском заливе, белый, постоянный; Токаревский, 4-го разряда, учрежден в 1913 году, белый и красный, постоянный; Скрыплевский, 4-го разряда, учрежден в 1876 году, переоборудован в 1890-м, белый, группо-проблесковый; Аскольд, 1-го разряда, учрежден в 1879—1881 годах, белый, постоянный; Поворотный, 1-го разряда, учрежден в 1892 году, белый, постоянный; Низменный, 2-го разряда, учрежден в 1903 году, белый, группо-проблесковый; Чихачева, в заливе Ольга (строился); Николаевский (ныне Красный Партизан), 2-го разряда, учрежден в 1897 году, белый, группо-проблесковый; Милютина, 4-го разряда, учрежден в 1914 году, красный и белый, постоянный; Клостер-Кампский, 2-го разряда, учрежден в 1860 году, переоборудован в 1897 году, белый, группо-проблесковый; Жонкиер, 2-го разряда, учрежден в 1886 году, переоборудован в 1897 году, белый и красный, проблесковый; Петропавловский, 3-го разряда, учрежден в 1850 году, переоборудован в 1886 и 1897 годах, белый, постоянный — всего 15 маяков. Знаки освещаемые, или огни: Галдобинские, учреждены в 1879 году и переоборудованы в 1891 году; Входные во Владивосток, учреждены в 1900 году; огни на Адмиралтейской пристани Владивостока, учреждены в 1881 году и переоборудованы в 1888 году; Поспеловские, учреждены в 1884 году и переоборудованы в 1891 году; Скрыплевский, учрежден в 1884 году; Ольгинские, учреждены в 1913 году; Входные в Тихую Пристань, учреждены в 1913 году; Входные в залив Де-Кастри (ныне залив Чихачева), учреждены в 1864 году и переоборудованы в 1906 году; Входные в Николаевскую речную гавань, учреждены в 1914 году; Огонь в Петропавловской гавани, учрежден в 1886 году и переоборудован в 1909 году; Освещаемые знаки Петропавловской гавани, учреждены в 1908 году и переоборудованы в 1910 году.

Кроме маяков и освещаемых знаков, или огней, было большое количество неосвещаемых башен и знаков по всему побережью Японского моря, были они на берегу Охотского и Берингова морей и, в частности, в лимане реки Анадырь. Некоторые маяки и знаки на современных картах тогда только проектировались или строились, как, например, маяк на мысе Сюркум. Многие маяки построены гораздо позднее, в советское время, в 50—60-х годах, как например, маяк на мысе Северном острова Большой Шантар, входные створные знаки в залив Аян, входной огонь в Охотск и другие. Но мы ограничиваем повествование досоветским временем, а потому и не развиваем дальше эту тему.

Гидрографические исследования Берингова, Охотского и Японского

¹ Сведения приводятся по «Описанию маяков, башен и знаков Российской империи по берегам Восточного океана. Исправлено на 1 января 1915 года». Пг., 1915. Разряд — по оптике, высший — первый разряд.

морей проводились в связи с практическими нуждами страны. Несмотря на отдаленность этих морей от центральных районов государства, гидрографические исследования на них начались в одно время с исследованиями на других морях. И все же отдаленность сказывалась на всем ходе гидрографических работ. Трудности в снабжении приводили к тому, что гидрографические исследования, которые, например, на Балтийском море, могли бы быть исполнены за одну-две навигации, растягивались на Дальнем Востоке на несколько лет. Вместе с тем и протяженность береговой черты (только Охотское и Берингово моря — около 9 тысяч миль или 17 тысяч километров) не способствовала быстрому развитию, наращиванию здесь гидрографических исследований. Наоборот, эти причины вместе с суровыми физико-географическими условиями тормозили гидрографические работы на Дальнем Востоке, подолгу задерживали систематическое изучение тихоокеанского побережья России.

Но отдаленность дальневосточных морей от центральных районов страны сыграла и свою положительную роль в развитии русской гидрографической науки. Мореплаватель, исследователь, оказавшийся в этих местах, чаще всего был предоставлен самому себе. Он не мог рассчитывать на помощь, на научную консультацию. Как нигде на других морях, здесь осуществлялась связь теории с практикой. В таких трудных условиях часто рождались новые способы гидрографических исследований, оказавшие влияние на развитие всей русской гидрографии. Дальневосточные моря явились прекрасной школой для моряков-гидрографов. Именно работа там принесла признание и славу многим замечательным русским морякам и гидрографам. Советские гидрографические исследования и советская гидрографическая служба на Дальнем Востоке получили в наследство от дореволюционных гидрографических исследований и гидрографической службы достаточную, полноценную и современную базу, которая позволила уже в 30-х годах перейти к планомерной систематической описи всего побережья Берингова, Охотского и Японского морей.

Таким образом, береговая черта Японского моря и части Корейского, подвергалась систематической гидрографической описи, в результате которой созданы надежные морские карты и пособия для мореплавания. Побережье Охотского моря и значительная часть Камчатского побережья обследованы описью по методу морской съемки. Несмотря на не совсем высокую точность, она позволила создать карты этих морей, прослужившие почти без всяких изменений до 50-х годов XX века. Основой для таких карт были морские съемки Б. В. Давыдова 1913—1919 годов. Берингово же море положено на карту по данным 1929—1933 годов экспедиции Л. А. Демина, явившейся продолжением работ экспедиции Б. В. Давыдова.

Итак, в XVII столетии русские люди вышли к краю земли Сибирской, познакомились в нескольких местах с берегами дальневосточных морей, составили первые чертежи и представили первые «скаска» — описания посещенных мест. XVIII век принес общее представление о береговой черте дальневосточных морей. Было еще много белых пятен в изо-

бражении этой черты, но зато на картах появилась Северная Америка, отделенная от Азии проливом, Алеутские и Курильские острова — береговая черта, подлежащая съемке, описи и изучению значительно увеличилась. И русские люди устремились на вновь открытые земли. До середины XIX века длилась американская эпопея. Затем русские возвратились в свои исконные земли на юге, а северные все более и более забывались. Вернулись к ним после утраты Русской Америки, когда в конце XIX и в начале XX века береговая черта Дальнего Востока получила современные очертания.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969.
- Александров Б. В. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР.— В кн.: В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII в. М.; Л., 1946.
- Алексеев А. И. Братья Шмалевы. Магадан, 1958.
- Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958.
- Алексеев А. И. Адмирал Нагаев. Магадан, 1959.
- Алексеев А. И. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961.
- Алексеев А. И. Русская гидрографическая наука в XVIII веке.— Труды Института истории, естествознания и техники АН СССР. М., 1961, т. 37, вып. 2.
- Алексеев А. И. Русская морская гидрографическая наука в XIX — начале XX века.— Труды Института истории, естествознания и техники АН СССР, 1962, т. 42, вып. 3.
- Алексеев А. И. Исследование морей, омывающих Россию.— В кн.: Есаков В. А., Плахотник А. Ф., Алексеев А. И. Русские океанические и морские исследования в XIX — начале XX в. М., 1964.
- Алексеев А. И. Карта Южного Сахалина.— Природа, 1966, № 2.
- Алексеев А. И. Колумбы Росские. Магадан, 1966.
- Алексеев А. И. Федор Петрович Литке. М., 1970.
- Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966.
- Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970.
- Алексеев А. И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974.
- Алексеев А. И. Дело всей жизни. Хабаровск, 1972.
- Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975.
- Алексеев А. И. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX — начало XX в.). М., 1976.
- Алексеев А. И. Илья Гаврилович Вознесенский. М., 1977.

- Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX века). М., 1982.
- Алексеев А. И. Геннадий Иванович Невельской. М., 1984.
- Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932—1936.
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1938.
- Андреев А. И. Жизнь и научные труды С. П. Крашенинникова.— Советский Север, 1939, № 2.
- Андреев А. И. Заметки по исторической географии Сибири XVI—XVIII вв. ИВГО, 1940, т. 72, вып. 2.
- Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, XVII в. Л., 1940.
- Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. М., 1960.
- Андреев А. И. Роль русского военно-морского флота в географических открытиях в XIX—XX веках.— Морской сборник, 1947, № 7.
- Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII века. ИВГО, 1943, т. 75, вып. 3.
- Андреев А. И. Топографические описания и карты сибирских наместников 1783—1794 гг. и работы, связанные с ними.— Вопросы географии, сб. 17. М., 1950.
- Андреев А. И. Труды М. В. Ломоносова по географии России. Сборник «Ломоносов». М.; Л., 1946.
- Андреев А. И. Труды Миллера о Сибири.— В кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. М.; Л., 1937, ч. I.
- Андреев А. И. Экспедиция Беринга. ИВГО, 1943, т. 75, вып. 2.
- Андреев А. И. Экспедиция на восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII века).— Труды Историко-архивного института. М., 1946, т. 2.
- Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв. Под редакцией А. В. Ефимова. М., 1964.
- Ахматов В. В. Борис Владимирович Давыдов.— Записки по гидрографии. Л., 1926, т. 51.
- Бабкин В. М. Известие о гидрографических работах у берегов Японского моря.— Морской сборник, 1863, т. 64, № 2.
- Багров Л. С. История географической карты. Пг., 1917.
- Багров Л. С. Карты Азиатской России. Пг., 1914.
- Баскин С. И. Большой чертеж Камчатальной земли. ИВГО, 1949, т. 81, вып. 2.
- Баскин С. И. Путешествие Евреинова и Лужина в Курильский архипелаг (1719—1722). ИВГО, 1952, т. 84, вып. 4.
- Бахрушин С. В. Военно-промышленные экспедиции торговых людей Восточной Сибири в XVII веке.— Исторические записки, 1941, вып. 10.
- Бахрушин С. В. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI—XVII вв.— Научные труды, т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI—VII вв., 1955, ч. I.
- Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии.— Сб. Якутия. Л., 1927.
- Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927—1928.
- Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956, т. I.
- Белов М. И. Подвиг Семена Дежнева. М., 1973.
- Белов М. И. О составлении Генеральной карты Второй Камчатской экспедиции 1746 г.— Географический сборник. М.; Л., 1954, т. 3.

- Белов М. И. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку.— *Летопись Севера*. М., 1957, т. 2.
- Белов М. И. Дания и Витус Беринг.— В кн.: *Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках*. М., 1965.
- Белов М. И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. док. Л.; М., 1952.
- Белов М., Плансон К., Клыков М. Краткий исторический очерк гидрографии русских морей. СПб., 1896—1916.
- Берг Л. С. Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука.— *Записки по гидрографии*, 1920, т. II, вып. 2.
- Берг Л. С. История географического ознакомления с Якутским краем. Якутск, 1927.
- Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.; Л., 1946.
- Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1949.
- Берг Л. С. Первые карты Камчатки. ИВГО, 1943, т. 75, вып. 4.
- Берх В. Н. Донесение флота капитана Беринга об экспедиции его к восточным берегам Сибири.— *Записки Военно-Топографического депо*. СПб., 1847, ч. X.
- Берх В. Н. Первое морское путешествие россиян. СПб., 1823.
- Берх В. Н. Путешествие лейтенанта Синдта.— *Сын Отечества*. СПб., 1819, ч. 57, № 43.
- Берх В. Н. Разные известия и показания о Чукотской земле.— *Северный Архив*, СПб., 1825, ч. XVIII.
- Берх В. Н. Путешествие головы Афанасия Шестакова и поход майора Павлутского в 1729 и 1730 годах.— *Сын Отечества*. СПб., 1819, № XX.
- Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского купечества. СПб., 1823.
- Биллярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.
- Блинов С. П. О праздновании столетия Гидрографического управления.— *Записки по гидрографии*. Л., 1928, т. 54.
- Блинов С. П., Мессер П. В. Столетие Гидрографического управления.— *Записки по гидрографии*. Л., 1927, т. 53.
- Блюх М. М. Очерк развития отечественного производства штурманских приборов.— *Записки по гидрографии*. Л., 1949, № 1.
- Богословский П. О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. СПб., 1859.
- Боднарский М. С. Очерки по истории русского землеведения. М., 1947.
- Боднарский М. С. Первые русские географические атласы.— *Землеведение*. М., 1932, т. 29, вып. 1—2.
- Богданович К. И. Очерки Чукотского полуострова. СПб., 1901.
- Бухтеев А. М. Очерк последовательного хода и современного состояния описи русских морей.— *Записки по гидрографии*. СПб., 1909, вып. 30.
- Бянкин В. П. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке. Владивосток, 1979.
- Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.; Л., 1940.
- Вахтин В. В. Краткий морской словарь для любителей морского дела. СПб., 1874.
- Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965.
- Вдовин И. С. Чертежи Чукотки 1742 и 1746 гг.— ИВГО, 1943, т. 75, вып. 4.
- Визе В. Ю. Моря Советской Арктики. М.; Л., 1948.

- Висковатов А. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII в. СПб., 1864.
- Воскобойников В. И. Слово на карте. Петропавловск-Камчатский, 1962.
- Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедициею, состоящею под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон Врангеля. СПб., 1841.
- Глушанков И. В. Навстречу неизведанному. Л., 1980.
- Глушанков И. В. Секретная экспедиция. Магадан, 1972.
- Головизнин К. В. Вступление и краткий исторический очерк русских гидрографических работ.—Отчет директора Гидрографического департамента за 1881 год. СПб., 1883.
- Головизнин К. В. Исторические сведения о русских маяках.—Отчет директора Гидрографического департамента за 1882 год. СПб., 1884.
- Головнин В. М. Сочинения. М.; Л., 1949.
- Гольденберг Л. А. Катержанин — сибирский губернатор. Жизнь и труды Ф. И. Соймонова. Магадан, 1979.
- Гольденберг Л. А. Между двумя экспедициями Беринга. Магадан, 1984.
- Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соймонов. М., 1966.
- Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов. М., 1965.
- Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований 1725—1765 гг. М., 1960.
- Давыдов А. Л. Астрономические определения по побережью Японского моря в 1915—1916 гг.—Записки Военно-Топограф. упр-ния Штаба РККА, 1924, т. 73, ч. 2.
- Давыдов Б. В. Гидрографические работы на Дальнем Востоке.—Красный Флот, 1923, № 4—5.
- Давыдов Б. В. Лоция побережий РСФСР, Охотского моря и восточного берега полуострова Камчатки с островом Карагинским включительно. Владивосток, 1923.
- Давыдов Б. В. В тисках льда. Л., 1925.
- Дерюгин К. М. Исследования Дальневосточных морей.—Природа, 1933, № 10.
- Дивин В. А. Русские мореплаванья на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971.
- Дивин В. А. К берегам Америки. М., 1956.
- Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953.
- Евтеев О. А. Первые русские геодезисты в Тихом океане. М., 1950.
- Егерман Э. Путь до Япон.—Записки по гидрографии, 1914, т. 38, вып. 8. Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. Все выпуски.
- Елисеев С. В. Краткий очерк геодезического инструментостроения в дореволюционной России.—Сб. научно-техн. статей ГУГК. М., 1949, вып. 27.
- Есаков В. А., Плахотник А. Ф., Алексеев А. И. Русские океанические и морские исследования XIX — начала XX веков. М., 1964.
- Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971.
- Ефимов А. В. Из истории картографии Дальнего Востока.—Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.
- Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII — первая половина XVIII в. М., 1950.
- Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. М., 1948.
- Ефимов А. В. О картах, относящихся к великим русским географическим открыти-

- ям XVII и первой половины XVIII вв.— В кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М., 1949.
- Ефимов А. В. Открытие Америки со стороны России.— Ученые записки Молотовского гос. ун-та им. Горького. Молотов, 1947, т. V, вып. 2.
- Жданко М. Е. Гидрографические работы в Восточном океане с 1898 по 1904 г.— Морской сборник, 1904, № 9, 10, 11, 1907, № 11.
- Жданко М. Е. Заметки по лодии Восточного океана.— Записки по гидрографии. СПб., 1908, вып. 29.
- Жданко М. Е. Исследование побережий Берингова и Охотского морей и нужды их по улучшению сообщений.— Журнал министерства путей сообщения. СПб., 1908, кн. 6.
- Жданко М. Е. Работы русских моряков в Охотском море.— Записки по гидрографии. Пг., 1916, вып. 5, т. 60.
- Жданко М. Е. Работы русских моряков по описи Охотского моря и лимана реки Амура.— ИРГО. Пг., 1916, т. 3, вып. 10.
- Замысловский Е. Е. Чертежи сибирских земель XVI—XVII вв.— Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1891, № 6.
- Записки Гидрографического департамента, части I—X, до 1852 года.
- Записки Государственного Адмиралтейского департамента, части 1—13. СПб., 1807—1827.
- Записки по гидрографии — с начала издания, с 1887 года.
- Записки по гидрографии, 1967, № 4. Юбилейный выпуск, посвященный 140-летию Гидрографического управления (1827—1967), № 175.
- Записки по гидрографии, 1977, № 198—199. Юбилейный выпуск, посвященный 150-летию Гидрографической службы Военно-Морского Флота.
- Записки Ученого Комитета Морского Штаба, части 1—12, 1828—1836 и Морского Министерства, части 13—16, 1837—1842 гг.
- Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954.
- Иванов П. И. Обзорение геодезических работ в России, со времени императора Петра Великого до сочинения генеральной ландкарты Российской империи в 1746 году.— Записки РГО. СПб., 1853, кн. 9.
- Ивановский И. И. Гидрографическое обследование побережий Дальнего Востока.— Производительные силы Дальнего Востока, вып. 2. Хабаровск — Владивосток, 1927.
- Ивашиных Н. А. Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 год. СПб., 1872.
- История Военно-Топографического депо и геодезических работ Генерального штаба с 1835 по 1847 год.— Записки Военно-Топограф. депо. СПб., 1847, ч. X.
- Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822—1872. СПб., 1872.
- История реки Амура, составленная по обнаруженным источникам. СПб., 1879.
- Кабанов П. И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959.
- Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.
- Книга Большому Чертежу. Под ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950.
- Котельников Л. Ф. Русская гидрография в ее государственном и международном значении.— Красный Флот, 1923, № 9.

- Картографическое производство Военно-Морского Флота. Исторический очерк. Л., 1977.
- Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1786.
- Козакевич П. В. Гидрографические работы, произведенные в настоящее царствование.— Морской сборник. СПб., 1854, № 7.
- Кушнарев Е. Г. В поисках пролива. Л., 1976.
- Лапушкин Я. Я. Гидрографическая изученность морей Советского Союза и их картографирование.— Труды 2-го Всесоюзного географического съезда. М., 1948, т. 1.
- Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования. М., 1971.
- Лебедев Д. М. Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки. М., 1951.
- Ломоносов М. В. Рассуждение о большой точности морского пути. СПб., 1759.
- Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию.— Полное собр. соч. М.; Л., 1952, т. 6.
- Майдель Э. В. Гидрографические работы в Амурском лимане и берегах Японского моря.— Морской сборник, 1879.
- Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. М., 1968.
- Макаров С. О. О трудах русских моряков по исследованию вод Северного Тихого океана.— Морской сборник, часть неоф. СПб., 1892, № 5.
- Маркин Н. Н. Краткий исторический очерк развития гидрографии. М.; Л., 1940.
- Масленников Б. Г. Морская карта рассказывает. М., 1973.
- Масленников Б. Г. Морская карта рассказывает. М., 1986.
- Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895. М., 1956.
- Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. СПб., 1878.
- Оглоблин Н. Восточносибирские полярные мореходы XVII века.— Журнал министерства народного просвещения, 1903, т. CCCXLVII.
- Оглоблин Н. Источники «Чертежной книги» Семена Ремезова. СПб., 1891.
- Огрызко И. И. Открытие Курильских островов.— Ученые записки ЛГУ, 1953, вып. 2, № 115.
- Окладников А. П. Русские полярные мореходы XVIII в. у берегов Таймыра. М.; Л., 1948.
- Окладников А. П. Открытие Сибири. М., 1979.
- Ольхина Е. Д. В. Стефансон. М., 1970.
- Онацевич М. Л. Заметки во время плавания около берегов Чукотской земли и в Ледовитом океане в 1876 году.— Морской сборник. СПб., 1877, № 7, 9.
- Описание маяков, башен Российской империи по берегам Восточного океана. Пг., 1915.
- Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII и XVIII веков и первой половины XIX века, хранящихся в Архиве Центрального картографического производства ВМФ. Л., 1958.
- Островский Б. Г. Беринг. Л., 1939.
- Отчеты Гидрографического департамента (Главного Управления) за 1868—1918 годы.
- Паллас П. С. О российских открытиях на морях между Азией и Америкой. Месяцеслов исторический и географический на 1781 год.
- Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882—1885, кн. I, II.

- Пасецкий В. М. Арктические путешествия россиян. М., 1974.
- Пасецкий В. М. Витус Беринг. М., 1982.
- Пасецкий В. М. Фридьоф Нансен. М., 1986.
- Пасецкий В. М. Ф. П. Врангель. М., 1975.
- Пасецкий В. М. И. Ф. Крузенштерн. М., 1974.
- Пасецкий В. М. Н. А. Норденшельд. М., 1979.
- Пасецкий В. М. Русские открытия и исследования в Арктике Первая половина XIX века. Л., 1984.
- Полевой Б. П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982.
- Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.
- Полонский А. С. Курилы. СПб., 1871.
- Райнов Т. И. О роли русского флота в развитии естествознания XVIII века.— Труды ИИЕТ АН СССР. М., 1947, № 1.
- Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979.
- Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. Под ред. А. И. Андреева. М., 1948.
- Русские мореплаватели. М., 1953.
- Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. документов. М., 1984, т. 1.
- Рыжков А. Н. Подвиги русских людей на Сахалине и Курилах. Южно-Сахалинск, 1955.
- Сабо И. Историческое исследование о лоцманских учреждениях в России.— Записки по гидрографии. СПб., 1908, вып. 29.
- Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжении восьми лет при Географической и Астрономической Морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. СПб., 1802.
- Сарычев Г. А. Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю. СПб., 1811.
- Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978.
- Сафронов Ф. Г. Е. П. Хабаров. Хабаровск, 1956.
- Сгибнев А. С. Большой Камчатский наряд.— Морской сборник. СПб., 1868, № 11.
- Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке.— Морской сборник. СПб., 1869, № 4, 5, 6, 7, 8.
- Сгибнев А. С. Охотский порт.— Морской сборник. СПб., 1869, № 11, 12.
- Скалон В. Н. Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII века. М., 1952.
- Слодкевич В. С. Из истории открытия и освоения русскими Северо-Западной Америки. Петрозаводск, 1956.
- Седов Г. Я. Путешествие на Колыму в 1909 г.— Записки по гидрографии, 1917, т. 41, вып. 2.
- Сюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. СПб., 1900.
- Соколов А. П. Описание Удского берега и Шантарских островов.— Записки Гидрограф. д-та. СПб., 1864, ч. IV.
- Соколов А. П. Северная экспедиция 1733—1743.— Записки Гидрограф. д-та. СПб., 1851, ч. IX.
- Соколов А. П. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашова 1764—1769 гг.— Записки Гидрограф. д-та. СПб., 1852, т. X.

- Соколов А. П. Северный берег Охотского моря по карте лейтенанта Шаховского.— Записки Гидрограф. д-та. СПб., 1852, т. X.
- Соловьев А. И. Курильские острова. М.; Л., 1947.
- Соловьев Н. М. Карты русского Дальнего Востока.— Производительные силы Дальнего Востока, вып. 2. Хабаровск — Владивосток, 1927.
- Сопоцко А. А. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан. М., 1983.
- Справочник по истории географических названий на побережье СССР. М., 1976; Дополнение к Справочнику... М., 1977.
- Сто пятьдесят лет Гидрографической службе Военно-Морского Флота. Исторический очерк. Л., 1977.
- Спасский Г. И. Монах Игнатий Козыревский.— Сибирский Вестник, кн. 2, 1823.
- Спасский Г. И. Владимир Атласов — покоритель Камчатки.— Вестник ИРГО, 1858, т. 24, № 12, отд. II.
- Спасский Г. И. Собрание исторических, статистических и других сведений о Сибири и странах, сопредельных с оной. СПб., 1818.
- Старицкий К. С. Гидрографическая командировка в Восточный океан. СПб., 1873.
- С. С. Памяти К. С. Старицкого.— Записки по гидрографии. СПб., 1910, вып. 32.
- Степанов Н. Н. Первые русские на Камчатке.— Страны и народы Востока, М., 1982, вып. XXIV, кн. 5.
- Студитский Ф. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. СПб., 1883. Т. I и II.
- Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. СПб., 1863, ч. 1, 2.
- Толмачев И. П. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб., 1911.
- Ульский А. Ф. О гидрографических исследованиях в Беринговом, Охотском и Японском морях. ИВГО. СПб., 1867, т. III, № 2.
- Фролов Н. Г. Материалы для истории северных путешествий и открытий на северо-востоке Азии и северо-западе Америки.— Магазин земледелия и путешествий. М., 1855, т. IV, ч. I.
- Черненко М. Б. Путешествия по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг.— Летопись Севера. М., 1957, т. 2.
- Эвальд Б. В. Краткая опись описных и шханечных журналов гидрографических экспедиций и отдельных судов, работавших в Охотском, Беринговом море, Северном Ледовитом океане и Белом море в XVIII столетии и хранящихся в Депо морских карт и книг ГУ Морского министерства.— Записки по гидрографии. Пг., 1916, вып. 2, т. 60.
- Эвальд Б. В. Указатель картографических материалов Северного Ледовитого океана (от Норд-Капа до мыса Дежнева) с 1734 по 1914 год. Пг., 1917.
- Экспедиция Беринга. Сб. док., подготовил А. А. Преображенский. М., 1941.
- Яников Г. В. Великая Северная экспедиция. М., 1949.

СОКРАЩЕНИЯ

- АВГО — Архив Всесоюзного географического общества
АВПР — Архив внешней политики России
АГО СССР — Архив Географического общества СССР
ДАИ — Дополнения к Актам историческим
ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР
ПСЗРИ — Полный свод законов Российской империи
ПСИ — Памятники Сибирской истории
ЦГАВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
<i>Глава первая.</i> Коротко о развитии русской гидрографии	8
<i>Глава вторая.</i> Как рождаются легенды	17
<i>Глава третья.</i> О чертежах, которые сохранились	42
<i>Глава четвертая.</i> Окончательно: пролив	58
<i>Глава пятая.</i> Все в Америку	71
<i>Глава шестая.</i> Гидрографические исследования в экспедициях промышленников	95
<i>Глава седьмая.</i> Важные решения правительства	113
<i>Глава восьмая.</i> Кругосветные мореплаватели, офицеры и штурманы Охотской флотилии и Российско-Американской компании уточняют береговую черту	140
<i>Глава девятая.</i> Исследования на новом уровне	169
<i>Глава десятая.</i> Северный морской путь	187
<i>Глава одиннадцатая.</i> Береговая черта уточнена	206
Литература	231
Сокращения	239

Александр Иванович Алексеев

БЕРЕГОВАЯ ЧЕРТА

Редактор **Л. Н. Ягунова**. Художественный редактор **Б. Р. Бойчин**. Технический редактор **Н. С. Ганцева**. Корректор **В. И. Огрызко**

ИБ № 783

Сдано в набор 19.01.87. Подписано к печати 13.05.87. АХ—00967. Формат 70×90/16. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,6. Усл. кр.-отг. 17,75. Уч.-изд. л. 16,81. Тираж 10 000 экз. Заказ 604. Цена 1 р.

Магаданское книжное издательство, 685000, Магадан, пр. Ленина, 2

Типография издательства Магаданского обкома КПСС, 685000, Магадан, пл. Горького, 9